

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина»
(ФГБОУ ВО «СГУ им. Питирима Сорокина»)
Ministry of Science and Higher Education
Federal State Budget Educational Institution of Higher Education
“Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(FSBEI of Higher Education Pitirim Sorokin SyktSU)

Научно-образовательный и методический журнал
Research and Instruction Journal

Человек. Культура. Образование Human. Culture. Education

*Входит в перечень ведущих рецензируемых изданий ВАК
Минобрнауки РФ (Перечень ВАК)*

*On the list of leading peer-reviewed publications
of the Higher Attestation Commission
under the Ministry of Education and Science of the Russian Federation
(Higher Attestation Commission List)*

№ 4 (58) 2025

Научно-образовательный и методический журнал «Человек. Культура. Образование»
Учредитель и издатель — федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Сыктывкарский государственный университет имени Питирипа Сорокина»
(167001, Республика Коми, г. Сыктывкар, Октябрьский просп., д. 55)

12+

*Свидетельство о регистрации СМИ ПИ
№ ФС 77-68795 от 17.02.2017 г.
выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.
Журнал зарегистрирован в РИИЦ
(регистрационный номер
261-06 от 02.07.2012 г.)
Выходит с 2011 г.*

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ ЖУРНАЛА

Ардашкин Игорь Борисович, доктор философских наук, профессор Национального исследовательского Томского политехнического университета (Россия, г. Томск);

Большаков Сергей Николаевич, доктор политических наук, доктор экономических наук, доктор религиоведения (Scd.), Российский государственный социальный университет; Невский институт языка и культуры (Россия, Москва, Санкт-Петербург);

Бразговская Елена Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета; профессор факультета мировых языков и культур Российской государственной христианской академии (Россия, Санкт-Петербург);

Бурлыкина Майя Ивановна, доктор культурологии, профессор, председатель Ученого совета Национальной галереи Республики Коми (Россия, г. Сыктывкар);

Дагбаева Нина Жамсуевна, доктор педагогических наук, профессор, директор педагогического института Бурятского государственного университета им. Д. Банзарова (Россия, г. Улан-Удэ);

Винокурова Ульяна Алексеевна, доктор социологических наук, профессор Арктического государственного института культуры и искусств (Россия, г. Якутск);

Дружинина Мария Вячеславовна, доктор педагогических наук, профессор, профессор кафедры перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета Россия (Россия, г. Архангельск);

Жеребцов Игорь Любомирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, директор Института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Россия, г. Сыктывкар);

Забулюните Аудра-Кристина Иосифовна, доктор философских наук, профессор Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург);

Иванищева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры филологии, межкультурной коммуникации и журналистики Мурманского арктического университета (Россия, г. Мурманск);

Йонкус Далюс, доктор философских наук, профессор Университета Витовта Великого, департамент философии и социальной критики (Литва, Каунас);

Казакова Галина Михайловна, доктор культурологии, профессор, профессор кафедры культурологии и педагогической антропологии СГУ им. Питирима Сорокина (Россия, г. Челябинск);

Леонов Иван Владимирович, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного института культуры (Россия, Санкт-Петербург);

Лю Лэй, профессор, Шаньдунский университет (Китай);

Мартысюк Павел Григорьевич, доктор культурологии, доктор философских наук, доцент, профессор кафедры культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств (Республика Беларусь, г. Минск);

Мосолова Любовь Михайловна, доктор искусствоведения, профессор кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (Россия, г. Санкт-Петербург);

Новикова Наталья Николаевна, доктор педагогических наук, доцент, профессор СГУ им. Питирима Сорокина (Россия, г. Сыктывкар);

Смолик Александр Иванович, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой культурологии Белорусского государственного университета культуры и искусств (Республика Беларусь, г. Минск);

Сотникова Ольга Александровна, доктор педагогических наук, доцент, ректор СГУ им. Питирима Сорокина (Россия, г. Сыктывкар);

Сапанжа Ольга Сергеевна, доктор культурологии, профессор, заведующий кафедрой искусствоведения и педагогики искусства Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена (Россия, г. Санкт-Петербург);

Тое Скотт, доктор философии, профессор Северного университета г. Бодо, член Союза художников Норвегии (Норвегия);

Тульчинский Григорий Львович, доктор философских наук, профессор департамента прикладной политологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики – Санкт-Петербург» (Россия, г. Санкт-Петербург);

Туманян Тигран Гургенович, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и культурологии Востока Санкт-Петербургского государственного университета (Россия, г. Санкт-Петербург);

Шабает Юрий Петрович, доктор исторических наук, заведующий сектором этнографии института языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН (Россия, г. Сыктывкар);

Эрдынеева Клавдия Гомбожаповна, доктор педагогических наук, профессор, руководитель НОЦ «Междисциплинарные исследования развития человека» Забайкальского государственного университета; профессор Департамента педагогики и психологии развития, руководитель программы аспирантуры «Методология и технология профессионального образования» Дальневосточного федерального университета (Россия, г. Чита, г. Владивосток).

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Гурленова Людмила Викторовна, доктор филологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, заведующий кафедрой культурологии и педагогической антропологии Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина (Россия, Сыктывкар)

ТЕХНИЧЕСКАЯ РЕДАКЦИЯ

Мазур Виктория Васильевна, кандидат географических наук, начальник отдела планирования и организации научно-исследовательской деятельности Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Пашкова Марина Михайловна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английского языка Института иностранных языков Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Руденко Людмила Николаевна, начальник редакционно-издательского отдела Сыктывкарского государственного университета имени Питирима Сорокина

Адрес редакции: 167001, Республика Коми,
г. Сыктывкар, Октябрьский пр-т, д. 55а.
E-mail: pce@syktsu.ru

Периодическое издание

**Научно-образовательный и методический журнал
“Человек. Культура. Образование”**

№ 4 (58) 2025

Редактор *О. В. Габова*
Корректор *Е. М. Насирова*
Верстка и компьютерный макет *А. А. Ергаковой*
Выпускающий редактор *Л. Н. Руденко*

Подписано в печать 05.12.2025. Дата выхода в свет 24.12.2025.
Гарнитура Cambria. Формат 60×84/16.
Усл. п. л. 12,1. Уч.-изд. л. 13,0. Тираж 100 экз.

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в Коми республиканской типографии
167982, Республика Коми, г. Сыктывкар,
ул. Савина, 81
Сайт: komitip.ru

Peer-reviewed research and instruction journal
Founder and publisher — Federal State Budget Educational Institution of Higher
Professional Education “Pitirim Sorokin Syktyvkar State University”
(167001, Komi Republic, Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55)

12+

PI Media Registration Certificate
No. FS 77-68795 dated 02.17.2017
issued by The Federal Service For
Supervision
Of Communications, Information
Technology, and Mass Media
Journal is registered in the Russian Science
Citation Index
(Registration No. 261-06 of July 7, 2012)
Published since 2011.

EDITORIAL BOARD

Igor B. Ardashkin, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, National Research Tomsk Polytechnic University (Russia, Tomsk);

Sergey N. Bolshakov, Doctor of Political Sciences, Doctor of Economic Sciences, Doctor of Religious Studies (Scd.), Russian State Social University; Nevsky Institute of Language and Culture (Russia, Moscow, St. Petersburg);

Elena E. Brazgovskaya, Doctor of Philological Sciences, Professor, Perm State Humanitarian Pedagogical University; Professor of the Faculty of World Languages and Cultures of the Russian State Christian Academy (Russia, St. Petersburg);

Maiya I. Burlykina, Doctor of Culture-study, Professor, Chair-person of Scientific Board of the National Gallery of the Komi Republic (Russia, Syktyvkar);

Nina Z. Dagbaeva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Director of the Pedagogical Institute, Banzarov Buryat State University (Russia, Ulan-Ude);

Ulyana A. Vinokurova, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Arctic State Institute of Culture and Arts (Russia, Yakutsk);

Maria V. Druzhinina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Professor of Translation and Applied Linguistics Department, Northern (Arctic) Federal University (Arkhangelsk, Russia);

Igor L. Zherebtsov, Doctor of Historical Sciences, Senior Research Worker, Director of the Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Audra-Kristina I. Zabulionite, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Herzen State Pedagogical University of Russia, Associate Professor of St. Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg);

Olga N. Ivanishcheva, Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor of the Department of Philology, Intercultural Communication and Journalism, Murmansk Arctic University (Russia, Murmansk);

Dalius Jonkus, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Philosophy and Social Critique, Vytautas Magnus University (Lithuania, Kaunas);

Galina M. Kazakova, Doctor of Culture-study, Professor, Professor of the Department of Cultural Studies and Pedagogical Anthropology, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Chelyabinsk);

Ivan V. Leonov, Doctor of Culture-study, Associate Professor, Professor of the Department of Theory and History of Culture, St. Petersburg State Institute of Culture (Russia, Saint Petersburg);

Liu Leyi, Professor, Shandong University (China);

Pavel G. Martysyuk, Doctor of Culture-study, Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Cultural Studies, Belarusian State University of Culture and Arts (the Republic of Belarus, Minsk);

Liubov M. Mosolova, Doctor of Art History, Professor of the Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Natalia N. Novikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Professor of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar);

Alexander I. Smolik, Doctor of Culture-study, Professor, Head of the Department of Cultural Studies, Belarusian State University of Culture and Arts (Republic of Belarus, Minsk);

Olga A. Sotnikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, President of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar);

Olga S. Sapanzha, Doctor of Culture-study, Professor, Head of the Department of Art History and Art Pedagogy, A.I. Herzen State Pedagogical University of Russia (Russia, Saint Petersburg);

Thoe Scott, Ph. D, Professor, Bodo Nord University, Member of Association of Norwegian Artists (Norway);

Grigory L. Tulchinsky, Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Department of Applied Political Science, National Research University "Higher School of Economics – St. Petersburg" (Russia, Saint Petersburg);

Tigran G. Tumanian, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Oriental Philosophy and Cultural Studies, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg);

Yury P. Shabaev, Doctor of Historical Sciences, Head of the Department of Ethnography, Institute of Language, Literature and History, Komi Research Center, Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (Russia, Syktyvkar);

Klavdiia G. Erdyneeva, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Head of the Scientific and Educational Center "Interdisciplinary Studies of Human Development" at the Trans-Baikal State University; Professor of the Department of Pedagogy and Developmental Psychology, Head of the Postgraduate Program "Methodology and Technology of Professional Education" at the Far Eastern Federal University (Russia, Chita, Vladivostok).

CHIEF EDITOR

Liudmila V. Gurlenova, Doctor of Philology, Professor,
Head of the Department of Cultural Science and Anthropology of Education,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (Russia, Syktyvkar)

TECHNICAL SUPPORT

Viktoriya V. Mazur, Candidate of Geographical Sciences
Head of the Research Organization Planning Office
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Marina M. Pashkova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor
of the English Language Department of the Institute of Foreign Languages,
Pitirim Sorokin Syktyvkar State University

Liudmila N. Rudenko, Head of the Publishing House
of Pitirim Sorokin Syktyvkar State University.

167001, Komi Republic,
Syktyvkar, Oktyabrsky prosp., 55a
E-mail: pce@syktsu.ru

Подписной индекс журнала в интернет-каталоге "Пресса России" — 34110.

Свободная цена

© ФГБОУ ВО «Сыктывкарский государственный
университет имени Питирима Сорокина», 2025.

Subscription reference of the journal in the catalogue "Press of Russia" is 34110.

Flexible pricing

© FSBEI of Higher Education
«Pitirim Sorokin Syktyvkar State University», 2025.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Тульчинский Г. Л. Поступок, ответственность и субъектность (К двойному юбилею М. М.Бахтина).....	10
Мартысюк П. Г. Характерные черты типологического образа национальной культуры.....	31
Разова Е. Л. Пространство экзистенции: Дом как ответ на вызовы антропологического кризиса современности.....	46

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Казакова Г. М. Личность А. Я. Флиера и его роль в становлении российско-го культурологического образования: к 75-летию со дня рождения.....	69
Буракова Ю. Б., Ковалевский С. А. Томский частный каменный театр купца Королёва: начало деятельности (сезон 1885/86 гг.).....	81
Гонцова В. В. Влияние визуальной культуры на социальные архетипы моды XX — начала XXI в.: ретроспектива эволюции.....	100
Иванищева О. Н. Человек и искусственный интеллект: как понимает пословицы русского языка DeepSeek.....	115
Марков А. В., Штайн О. А. Ставни как предмет философии культуры	134

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Кожевникова В. В. Дискурс детства в контексте ценностей и воспитании в российской семье.....	153
Лодыгин К. А., Сотникова О. А. К вопросу о воспитании нормотипичного сверстника в процессе совместной двигательной активности с детьми с расстройством аутистического спектра.....	175
Сажина С. Д., Попов Д. А. Воспитательный потенциал содержания дисциплин в части формирования традиционных российских ценностей у обучающихся в организациях высшего образования.....	185

CONTENT

PHILOSOPHICAL ANTHROPOLOGY. PHILOSOPHY OF CULTURE

Tulchinskii G. L. Act, responsibility and subjectivity (To the double Mikhail Bakhtin anniversary).....	10
Martysyuk P. G. Characteristic features of the typological image of national culture.....	31
Razava E. L. Existential space: the home as a response to the challenges of the anthropological crisis of modernity.....	46

THEORY AND HISTORY OF CULTURE, FINE ARTS

Kazakova G. M. The personality of A. Ya. Flier and his role in the development of Russian cultural studies education: on the 75th anniversary of his birth.....	69
Burakova Iu. B., Kovalevsky S. A. Tomsk private stone theater of merchant Korolev: the beginning of activity (season 1885/86).....	81
Gontsova V. V. The influence of visual culture on social archetypes of fashion in the 20th — early 21st centuries: a retrospective of evolution.....	100
Ivanishcheva O. N. Human and artificial intelligence: how does the DeepSeek understand russian proverbs.....	115
Markov A. V., Shtayn O. A. Shutters as an object of cultural theory.....	134

GENERAL EDUCATION SCIENCE, HISTORY OF PEDAGOGY AND EDUCATION

Kozhevnikova V. V. Childhood discourse in the context of values and education in the russian family.....	153
Lodygin K. A., Sotnikova O. A. On the issue of raising a normotypical peer in the process of joint physical activity with children with autism spectrum disorder.....	175
Sazhina S. D., Popov D. A. The educational potential of the content of disciplines in terms of the formation of traditional Russian values among students in higher education institutions.....	185

ФИЛОСОФСКАЯ АНТРОПОЛОГИЯ, ФИЛОСОФИЯ КУЛЬТУРЫ

Научная статья / Article

УДК 304

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-10>

Поступок, ответственность и субъектность (К двойному юбилею М. М. Бахтина)

Григорий Львович Тульчинский^{1,2}

¹Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики», Санкт-Петербург, Россия

²Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,
Санкт-Петербург, Россия
gtul@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5820-7333>

Аннотация. *Ряд идей М. М. Бахтина (относительно формирования самосознания, фундаментальной роли ответственности в этом процессе, диалогизма смыслообразования) обретают особую актуальность в контексте интенсивной трансформации социально-культурных практик в цифровых форматах. 2025 год — год двойного юбилея М. М. Бахтина. Это порождает удачный повод для анализа масштаба и перспективности этих идей.*

Понимание бахтинских идей искажено их рецепцией, которая имела характер, обратный хронологии их развития. Это нарушило представление об исключительно целостном характере наследия мыслителя, особую роль в котором играет философия поступка.

Цель исследования состоит в раскрытии целостного характера идей М. М. Бахтина, их междисциплинарного значения.

© Тульчинский Г. Л., 2025

Работа содержит реализацию междисциплинарного подхода, что позволяет раскрыть масштаб и актуальность идей выдающегося мыслителя. Так, его идея о принципиальном не-алиби в бытии у индивида, наделённого самосознанием, подтверждается данными современной нейропсихологии (А. Дамасио, К. Либет). Роль первичности ответственности по отношению к сознанию свободы хорошо известна из практики воспитания, образования, профессиональной подготовки. Механизм формирования самосознания (субъектности) обусловлен нарративными дискурсивными практиками, связанными с освоением социально-культурных практик. Раскрытие семиотико-феноменологической природы субъектности делает её операционализацией трансцендентального субъекта.

Анализ показал, что философия поступка сводит в один фокус (точку сборки) тематику философии (трансцендентальный субъект, свобода воли, аналитическая и континентальная традиции); антропологии (пост- и трансгуманизм); психологии (психофизическая проблема, феномен воли), нейрофизиологии мозга, когнитивистики; AI; экономики; социологии, морали, этики и права; богословия; политической теории и практики. Концептуальным центром философии поступка является субъектность как рефлексивное самописание самосознания. Она выступает универсальным интерфейсом смыслообразования, который позволяет менять и совмещать различные контексты, проходит, прошивает все эти отрасли знания. В этом плане субъектность выступает основным источником прокреативной преадаптации, которая обеспечивала и обеспечивает развитие человеческой цивилизации.

Ключевые слова: Михаил Бахтин, ответственность, поступок, свобода воли, самосознание, субъектность, цифровизация

Для цитирования: Тульчинский Г. Л. Поступок, ответственность и субъектность (К двойному юбилею М. М. Бахтина) // Человек. Культура. Образование. 2025. № 4. С. 10–31. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-10>

Act, responsibility and subjectivity (To the double Mikhail Bakhtin anniversary)

Grigorii L. Tulchinskii^{1,2}

¹ National Research University "Higher School of Economics"
Sankt-Petersburg, Russia

² Peter the Great St. Petersburg Politechnic University,
St. Petersburg, Russia

gtul@mail.ru, <https://orcid.org/0000 0002 5820 7333>

Abstract. Significance of the issue. *M. M. Bakhtin's ideas (regarding the formation of self-awareness, the fundamental role of responsibility in this process, the dialogism of meaning-making) are particularly relevant in the context of the inten-*

sive transformation of socio-cultural practices in digital formats. 2025 marks the double M.M. Bakhtin's anniversary. This provides an opportune moment to analyze the scale and potential of these ideas.

The understanding of Bakhtin's ideas has been distorted by their reception, which has been inverse to the chronology of their development. This has undermined the notion of the exceptionally holistic nature of the thinker's legacy, in which the philosophy of action (deed) plays a special role.

The goal of this study is to reveal the holistic nature of M. M. Bakhtin's ideas and their interdisciplinary significance.

The work realises an interdisciplinary approach, revealing the scope and relevance of this outstanding thinker's ideas. His idea of a fundamental non-alibi in the existence of a self-aware individual is supported by data from modern neuropsychology (A. Damasio, K. Libet). The primacy of responsibility over consciousness and freedom is well known from the practice of upbringing, education, and professional training. The mechanism for the formation of self-awareness (subjectivity) is determined by narrative discursive practices associated with the development of socio-cultural practices. Revealing the semiotic and phenomenological nature of subjectivity operationalizes the transcendental subject.

The analysis showed that the philosophy of action brings together in a single focus (assemblage point) the themes of philosophy (the transcendental subject, free will, analytical and continental traditions); anthropology (post- and trans-humanism); Psychology (the psychophysical problem, the phenomenon of will), neurophysiology of the brain, cognitive science; AI; economics; sociology, morality, ethics, and law; theology; political theory and practice. The conceptual center of the philosophy of action/deed is subjectivity as a reflexive self-description of self-awareness. It serves as a universal interface for meaning-making, enabling the shifting and combining of various contexts, interweaving and interweaving all these branches of knowledge. In this regard, subjectivity is the primary source of procreative preadaptation, which has ensured and continues to ensure the development of human civilization.

Keywords: *Mikhail Bakhtin, responsibility, act, free will, self-awareness, subjectivity*

For citation: Tulchinskii G. L. Act, responsibility and subjectivity (To the double Mikhail Bakhtin anniversary). *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2025; 4: 10–31. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-10>

Введение: предварительные соображения о философии поступка М. М. Бахтина. 2025 год стал годом двойного юбилея М. М. Бахтина: 130-летия его рождения и 50-летия смерти мыслителя. Самое время для осмысления роли, значения бахтинских

идей, их актуальности¹. Сам М. М. Бахтин неоднократно идентифицировал себя как философа, в силу ряда обстоятельств биографии вынужденного заниматься филологией и историей литературы. И также неоднократно уже отмечалась специфика рецепции идей М. М. Бахтина, обратная становлению и развитию его творчества [1; 2].

После публикации книги о Рабле с легкой руки авторитетной у гуманитариев тартусско-московской семиотической школы, перевода на французский, организованного Ю. Кристевой, и активного продвижения ею и другими французскими семиотиками бахтинских идей М. Бахтин был воспринят как культуролог-структуралист. Издание работ по поэтике Ф. М. Достоевского, о литературном герое надолго сделала ключевой в гуманитарной среде бахтинскую идею диалогичности смыслообразования, а сам он стал восприниматься чуть ли не как коммуникативист. И только публикация в 1986 году его ранних материалов по философии поступка [3] всё расставила по местам. Открылся масштаб М. М. Бахтина-мыслителя, представшего одним из крупнейших философов прошлого столетия, главной темой которого являлось становление человеческого бытия, активной роли в этом самосознания личности, условий возникновения этого самосознания как «участного мышления». Стало ясно, что идеи и концепции диалогичности смыслообразования, карнавала, смеховой культуры — только веточки и листики на стволе философии поступка, уходящем корнями в метафизику нравственности и персонологическую онтологию.

Поэтому вполне правомерно рассматривать его тексты как жанр персонажного мышления, когда автор вкладывает свои идеи в реальных или выдуманных персонажей. В этом плане Достоевский и Рабле у М. Бахтина — персонажи, аналогичные Сократу у Платона, Заратустре у Ф. Ницше, дону Хуану у К. Кастанеды...

И ключевой для понимания логики развёртывания всего многоцветия комплекса бахтинских идей является именно философия поступка. Помимо прочего содержание развернутого конспекта этого неопубликованного при жизни трактата удивительно созвучно текстам его старшего брата Н. М. Бахтина. Прежде всего это па-

¹ Некоторые положения работы в контексте других научных дисциплин ранее были частично опубликованы автором в разделе «Субъектность как ответственное сознание самости: распределенная идентификация и прокреативность автопроекции» коллективной монографии «Человек как открытая целостность / отв. ред. Л. П. Киященко, Т. А. Сидорова. Новосибирск: Академиздат, 2022. С. 63–75.

фос критики и неприятия абстрактного рационализма, предпочтении сопричастности непосредственной жизни (Н. Бахтин), участного мышления (М. Бахтин). Оба исходили из установки, что человеку пристало «смотреть на себя как на крутой, трудный путь к другому, подлинному себе... утверждать себя в сущем, а не вырывать из него» [4, с. 75]. Оба подчеркивали живую, творящую силу слова, поэзии, ритмики.

Н. М. Бахтин в признании приоритетности непосредственного бытия, необходимости «целостного идейно обусловленного действия» удивительно созвучен идее М. М. Бахтина об «участном мышлении», на основе которой тот в критике кантианской абстрактной метафизики нравственности мысли формулирует представление об отсутствии у человека алиби в бытии, о человеческом бытии как поступке, свободном, а значит ответственным. Поразителен факт временного совпадения: процитированные эссе и диалоги Н. М. Бахтина опубликованы в 1925–1927 годах — времени, которым датируется и «К философии поступка» М. М. Бахтина! Оба с 30-х годов и до конца жизни были вынуждены заниматься классической филологией — Николай в Бирмингеме, а Михаил в Витебске, Невеле, Петрограде и Саранске [5].

Братья были погодки, были очень близки, вместе учились в гимназии и университете, вместе принимали участие в движении Третьего (славянского) Возрождения. В силу ряда обстоятельств их жизненные пути разошлись, что выразилось и мировоззренческом контрапункте. Дело не только в том, что старший брат в Соединенном Королевстве стал членом компартии, а младший — глубоко религиозным человеком в атеистическом советском окружении. Если Н. М. Бахтин реализует нравственные установки на практике в своем непосредственном жизненном опыте участия в Мировой и Гражданской войнах, пятилетней службы в Иностранном легионе, расставшись с ним не по своей воле после серьезного ранения, то для М. М. Бахтина бытие есть постоянное и непрерывное смыслопорождение, а человеческое существование есть бытие смысловых структур, возникающих в результате взаимооплотнения и сопричастности смыслов. В этом плане поступок для него — интегральная фокусировка, сведение личностного и социального, сознания и действия, свободы и ответственности.

Методы исследования, теоретическая база: мир поступка.

Поступок не любая активность, не просто жизненные реакции (в т. ч. биологические). Он и не любая социальная активность, кото-

рая может быть бессознательной, стихийной. Он — проявление деятельности как осознанной социальной активности, реализуемой на основе свободного выбора (ср.: творчество, преступление, девиации, недеяние как сознательный отказ от активности, взятое слово). Другими словами, поступок суть вменяемое действие в обоих русских смыслах вменяемости: как осознанного замысла и ответственности за замысел и его реализацию. С этим связаны основные характеристики поступка: намерение, воля, выбор, осознанность, ответственность, а главное — наличие вменяемого актора (личностной субъектности).

У поступка есть границы квалификации его как такового — по мере их сужения: физические (в пространстве времени, телесные). Психические, моральные, правовые границы совпадают с границами личности, её свободы и ответственности. Они подвижны: историчны и относительно в различных культурах, будучи связаны с по-разному трактуемыми возрастом, болезнями, состояниями.

Поступок — сам по себе предмет в высшей степени междисциплинарный. Он не сводим ни к поведению, ни даже к деятельности, поддающимся достаточно точной концептуализации и операционализации в социологии, социальной психологии, этологии. Поступок — феномен, который реализуется как во внутреннем (личностном), так и внешнем (социальном) планах, а главное — их взаимодействии. В первом случае это переживание дискомфорта, потребности, связанных с нею мотивации интенций (намерения, стремления, избегания) и потенциалов (способности, обученность, «вооруженность» средствами) личности [6]. Это и возможности соотношения интенций и потенциалов, принятия соответствующего самостоятельного решения, и воля [7] по реализации этого решения, и уклонение от такого решения и его осуществления. Действие этого внутреннего мотивационного механизма поступка дополняется самим действием, используемыми средствами и результатом [8, р. 35–159]. Причем как результат, так и используемые средства, и само действие, да и его мотивация оцениваются социумом, самой личностью, становясь также мотивационным фактором. Тем самым поступок предстает системой, реализующей прямую и обратную связь личности с социумом [9; 10].

В этом плане философский анализ поступка обретает чрезвычайно актуальное значение. Само собой и прежде всего это фокусировка проблем свободы и воли, рациональности и ответственности, личности и общества, сознания и самосознания (субъект-

ности) применительно к современным нетривиальным цивилизационным условиям — таким как вызовы цифровизации и пост-, трансгуманизма. Осмысление поступка открывает широкие горизонты междисциплинарности, роли и значения гуманитарного знания. Нельзя не отметить и явный тренд философии последних двух столетий к персонологической тематике. Философия поступка помимо прочего выступает общей платформой или как минимум мостом между англоязычной и континентальной философией. И наконец, осмысление поступка в русскоязычном философском дискурсе выступает редким случаем нетривиальности русскоязычной терминологии и связанных с ними концептов. Так, содержание термина «поступок», в котором сопрягаются мотивация, действие и их оценка, не сводимо к act, action, deed; «вменяемость» не сводится к responsibility, а позволяет рассматривать ответственность в сопряжении с отрефлексированной мотивацией.

Даже из такого эскизного наброска содержания поступка очевидно, что в сведении представлений о поступке сходятся психологические, социологические, юридические и многие другие аспекты человеческого бытия. А главная проблема в осмыслении поступка — совмещение внутреннего (мотивационного) плана, воли и собственно внешнего действия, их оценки и самооценки.

Таким образом, в осмыслении поступка можно выделить три основные проблемы. Во-первых, это ментальный «внутренний» план поступка, составляющие его факторы: сознание и самосознание (самость, Я-концепт, «яйность»), воля, свобода воли, свобода и ответственность, их соотношение. Во-вторых, это внешние факторы, социально-культурная среда, нормы морали и права, социальный контроль, оценки, порождаемые ими социально-культурные эмоции: стыд, совесть, гордость, честь, достоинство, смех. И в-третьих, их сопряжение и взаимопереход «изнутри вовне» и «извне вовнутрь». Получается в духе известного путешествия Бильбо Бэггинса «Туда и Обратно»: от внешних факторов вглубь их рецепции и реакции на них, выработки мотивации, воли, и обратно вовне проявлений поступка, оценочной реакции на него социальной среды. Процесс соотношения, напоминающий не просто систему с прямой и обратной связью, сколько ленту Мёбиуса.

Одной из самых недавних и весьма операциональных моделей этой системы является «странная петля» (strangle loop), уподобляющая самосознание ленте Мёбиуса, самозамыкающей социализацию и индивидуализацию, внутреннее и внешнее бытие лично-

сти в ее сознании [11]. Однако в нашем дальнейшем изложении будет использоваться термин «субъектность» — он позволяет представить не только уникальное своеобразие «странной петли», но и ее носителя как активного действующего ответственного актора. Именно с субъектностью связывается проявление свободы воли, представляющее главное — вменяемого субъекта, обладающего рациональной мотивацией, который берет на себя или которому приписывается ответственность за действие, его средства и последствия, а также за саму мотивацию.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Ответственность и свобода воли. Бахтинская идея «участного мышления» и первичности ответственности по отношению к свободе подтверждаются в современных исследованиях самосознания и свободы воли. Многократно повторенные серии нейрофизиологических экспериментов [12–16] показали, что между реакцией на некий стимул и осознанной реакцией имеется зазор от нескольких десятых секунды до нескольких секунд. Данные электрохимической активности мозга позволяют предсказывать произвольные действия человека до того, как он сам осознает свое намерение это действие совершить. Зазор между нейрохимической активацией и осознанием мотива открывает возможность внешнего воздействия, неосознаваемой личностью манипуляции ее поведением. Например, электрическая стимуляция премоторной области коры головного мозга вызывает у человека осознанное намерение к совершению определенного действия и даже его осуществление. Из этого следует, что свобода воли суть «поздняя рационализация» действий, которые носили реактивный характер, происходили под воздействием неосознаваемых личностью факторов, реакций [17; 18].

Таким образом, отрицание свободы воли получает новые аргументы в духе Б. Спинозы: человек в силу каузальной детерминированности сущего лишен свободы воли, необходимой для моральной ответственности. Об этом, пишет С. Смилянски, лучше никому не рассказывать, иначе обществу конец [19]. Правда, согласно Д. Перебуму, следуя этой парадигме, вполне возможно пересмотреть право и мораль в плане более гуманного отношения к девиациям, ошибкам и промахам, быть к людям более снисходительными и терпимыми [20]. Знал ли Д. Перебум, что он фактически перефразировал Ф. Ницше, считавшего, что свобода, мораль и право выдуманы, чтобы оценивать и судить?

Однако приписывание упомянутым экспериментам доказательной силы против реальности свободы воли строится на усеченном представлении самодостаточности свободы воли как причины самой себя. Свобода заключается не в творении «из ничего», а в способности придать ситуациям, в которых находит себя человек, последовательность, ясность и направление в ее сознательном осуществлении. Для личности свобода воли — способность самоопределения в самообъяснении происходящего, нередко задним числом, *post factum*. Это свойственно мотивации — как не причины, а объяснения поступков, когда при некотором интеллектуальном усилии всегда можно найти более глубокую мотивацию [6; 8].

Такие самообъяснения определяют не стимульные реакции конкретных действий, а общую стратегию важного и допустимого поведения в общем нарративе жизненной стратегии. Свобода самоопределения выражается не в конкретных действиях «на короткой дистанции», а на «длинной дистанции», в процессе выстраивания «образа действия» (*Handlungsart*), некоей перспективы жизни как своей жизни [10, с. 165–169; 21]. Другими словами, на коротких интервалах времени действует каузальность, а не свобода воли. Но на длинных интервалах включается самосознание, выстраивающее осмысленную картину мира и ориентиры для последующих действий.

Свобода воли не линейный алгоритм, она встроена в динамику формирования истории собственной жизни и памяти этой истории. И такой жизненный сценарий — суть непрерывно развивающийся, дополняющийся, обогащаемый новыми и новыми событиями нарратив. Простым и хорошо известным тестом на вменяемость, тестом на то, что мы имеем дело с разумным, «сознательным» субъектом, является его способность ответить на вопросы — как его зовут, где он родился, где живет сейчас, кем работает и т. д., т. е. обладает ли он связной памятью, способен ли он выстроить целостный и связный рассказ о себе и своей жизни. Человек, утративший память, — невменяем в том смысле, что он не отдает себе отчета, кто он такой и как он оказался в настоящей ситуации. В этом плане самосознание суть эквивалент памяти и наоборот. В обоих случаях, буквально по-бахтински, речь идет о способности человека писать роман своей жизни, героем которой является он сам и который человек начинает писать примерно с 3-го года жизни, часто возвращаясь к первым его главам, иногда даже переписывая их. Именно в этой целостности длительного сохранения субъектности как авторства активности и локализуется свобода, а

в сопричастности своим проектам, включая общий проект (смысла) жизни, и проявляется воля.

2. Нарративная природа субъектности и ответственности / свободы. Дело не столько в самой свободе воли, сколько в её носителе, в субъектности. Именно наличие развитой субъектности выделяет человека из животного мира. Как показывают долговременные исследования нейрофизиологии мозга [22], можно различать три уровня сознания. Во-первых, это протосознание (*proto self*), фактически проявление *bios* живого организма. Этим уровнем сознания обладают все живые организмы. Во-вторых, это базовое сознание (*core self*), чувственно выраженная телесная выделенность в потоке ощущений, реакций от рецепторики. Этот уровень сознания предполагает развитую систему иннервации. И, наконец, это уровень собственно самосознания, рефлексия, выражающаяся в памяти. Недаром А. Дамасио называет этот уровень «автобиографической самостью» (*autobiographical self*). И если для *proto self* достаточно биоса, а для *core self* — иннервации с обратной связью (применительно к человеческому организму для этого достаточно таламуса), то *autobiographical self* уже связано с префронтальными зонами лобных долей мозга, отвечающих за освоение и использование речи.

В принципе, эти три уровня сознания являются формами гомеостаза, так или иначе свойственного всем природным системам, не только живым. Другими словами, сознание и самосознание являются формами (уровнями) реализации фундаментальной интенциональности как саморегуляции любых целостных систем, их стремления сохранить свою целостность [23, р. 6; 24, р. 375]. Спиноза был прав, говоря, что сознание в какой-то мере свойственно всему существу — различие в степени развитости. Самосознание и субъектность по своему происхождению не противостоят природному миру, а коренятся в нем, они формы его развития, обеспечивающие гомеостаз — адаптацию и саморегуляцию достаточно сложных систем, каковыми до сих пор являются человеческие индивиды. Той или иной формой телесной выделенности в потоке взаимодействия с окружающим миром (*proto self*) обладают все живые существа, а тем более животные с развитой нервной системой и головным мозгом с их способностью к активной избирательности поведения (*core self*). Но только у человека возникает самосознание (*autobiographical self*), способность к памяти как писанию (и переписыванию) «романа» своей жизни, автором и глав-

ным персонажем которой выступает сам индивид. Для представленный этого феномена используется много концепций: самосознание, память, Я, самость, субъективность, вменяемость.

Но эти качества формируются. И механизм этого формирования коммуникативен. Речь идет о социализации, об освоении индивидом социально-культурных практик, которое Л. С. Выготский называл «вращиванием» программ социально-культурного опыта [25]. И этот процесс (семейного воспитания, образования, профессиональной подготовки, социальной активности и т. д.) сопровождается коммуникацией. При этом особую роль играет коммуникация нарративная — не просто побуждающая, а описывающая и объясняющая происходящее, в том числе роль в этих процессах самого индивида. Например: «Это не просто чашка упала, а ты ее уронил. Мог уронить, мог не уронить. Уронил. Это ты сделал!» В этих рассказах индивид вырывается из естественных каузальных процессов, причины замыкаются на нем, превращая его в *causa sui*. В этом заключается смысл воспитания, образования, профессиональной подготовки.

К середине второго — третьему году жизни ребенок осваивает нарратив от первого лица, рассказывая о себе, о тех действиях, которые он совершил или собирается, или даже собирался совершить. В таких рассказах и проявляется, формируется, развивается самосознание / память, человек предстает как автор романа собственной жизни. В этой нарративной, самосознательной как рефлексии над своим опытом, человек не только описывает этот опыт, но и выражает представления о прошлом и будущем, открывая возможности прогнозирования, воображения, фантазии.

Главное, однако, в этом то, что речь идет о субъектности, взятии индивидом на себя ответственности за происходящее, происходившее или то, что может произойти. И этой ответственностью изначально «грузят» другие, а субъектность оказывается вторичной, производной по отношению к этой ответственности. В этом плане глубоко и принципиально прав был М. М. Бахтин в своих размышлениях об отсутствии у человека «алиби в бытии» [3]. Сознание, разум не только вторичны по отношению к ответственности, но и являются ее инструментом, мерой осознания своих возможностей влияния на происходящее. И с этим согласится любой родитель, учитель, воспитатель, тренер.

Тогда становится понятным соотношение свободы и ответственности. Обычно ответственность рассматривается как след-

стве проявления свободы воли, которой наделена субъектность, — на этом строятся обыденные, теоретические и нормативные представления творчества, морали и права. Так что если бы был возможен спор между Н. А. Бердяевым, Ж.-П. Сартром, трактовавшими свободу как «дыру в бытии», а ответственность как следствие свободы, — с одной стороны и М. М. Бахтиным, утверждавшим вторичность свободы от ответственности, изначального «неалиби» человека в бытии, а сознания, разума, как меры и глубины ответственности, то, похоже, прав был бы М. М. Бахтин. Свобода — этот добытийный и внебытийный источник бытия, чувствительное трансцендентное [26], богоподобное качество и предмет богословских споров — не «дыра в бытии», а челнок, ткущий ткань бытия. И челнок этот — результат социализации, (не)лишний раз подтверждающий, что человек — существо социальное. И глубоко прав был Ф. Ницше: свобода и мораль придуманы другими, чтобы оценивать и судить нас. Но без этого «гружения» ответственностью самосознание и субъектность невозможны.

Важнейшими условиями формирования самосознания являются пока человеческий головной мозг и коммуникация. И если первый фактор — биологическая данность, заданная геномом, выступает только необходимой предпосылкой, то второй — условием необходимым и достаточным. Связь сознания и коммуникации, мышления и языка (как инструмента наиболее развитой коммуникации) известна. Однако только в последнее время приходит понимание, что дело не просто в языке, а в дискурсивных практиках, то есть использовании языка в конкретных ситуациях социального опыта, когда языковые конструкции (речь, текст) используются в каком-то событийном аспекте.

В этой связи особый интерес представляют нарративы — рассказы, истории с сюжетами, в которых фигурируют акторы, их намерения, действия, результаты этих действий, оценки результатов. Похоже, что именно освоение нарративной коммуникации играет ключевую роль как в антропогенезе, так и формировании самосознания личности. Так, конкурентное преимущество сапиенсов по отношению к другим видам homo, обретенное ими примерно 70 тысяч лет назад, похоже, было связано именно с «когнитивной революцией», заключающейся в освоении нарративной коммуникации [27]. Если сигнальная коммуникация (типа «тигр идет!») способна объединять не более полутора сотен индивидов (размеры стаи, рода, племени), то нарративная коммуникация, рассказы-

вание историй (типа «я утром видел тигра у водооя, и он был явно голоден и свиреп»), способна объединять уже сотни, тысячи, а как теперь очевидно — и миллионы особей. Потому что мифы, история, религия, политика, мораль, право, наука, образование, экономика, деньги и другие социальные институты, по сути дела, не что иное, как нарративы, которые люди рассказывают друг другу и в которые верят, строя планы, и в своих поступках воплощают, создавая новые реалии.

Более того, как уже было сказано выше, нарративная коммуникация оказывается важным ключом к пониманию природы формирования самосознания, которое суть осознание себя как чего-то особого, отдельного, выделенного в жизненном потоке, рефлексия. В процессе социализации, освоения социально-культурных практик, сопровождаемых нарративной коммуникацией, возникает не просто сознание, а самосознание, когда ребенок осваивает не только и не просто речь, но именно наррацию от первого лица. В этом сочетании с активацией себя как актора — суть самости. А если индивид осознает себя плюс собственную ответственность как факт бытия своего Я и проявления этого бытия (деяния или недеяния), то это уже и есть проявление субъектности — ответственного самосознания самости.

В самосознании петля обратной связи резонанса с телом дополняется рефлексивным самописанием самости (упомянутая «странная петля» Д. Хофштадтера). Как любая содержательная система самописания, она противоречива, саморазличима и апофатична, что делает ее трансцендентальным субъектом — интерфейсом, обеспечивающим «позицию внеаходимости» [28] по отношению к конкретным ситуациям. Фактически субъектность, семиотическое по своей природе образование, является операционализацией трансцендентального субъекта, носителем которого является любой индивид, обладающий самосознанием. Сама по себе субъектность физически не дана. Как трансцендентальный субъект, она подобна слепому пятну в глазу, которое, будучи само невидимым, обеспечивает возможность зрения, так и субъектность (= трансцендентальный субъект), будучи физически не наблюдаемой, обеспечивает возможность познания. Она является пробелом в бытии, незаполненность, незавершенность, готовая к дополнениям и перезагрузкам [29; 30, с. 387–418; 31, с. 23–47, 74–122].

Человеческое бытие и есть нехватка, отсутствие, утрата, стремление к «перемене участи». Главная идентичность самосознающей

личности — «человек без свойств», пластичная готовность к развитию, становлению иным. Это обстоятельство делает субъектность самости главным источником пластичности и динамики человеческой цивилизации, обеспечивающим ее прокреативность (избыточный запас вариантов, сценариев поведения), а тем самым и преадаптивность индивида и социума, упреждающий характер реакции на обстоятельства существования и развития [32], творчество, возможности пластичности поведения, расширения горизонта прошлого и будущего — всего того, что сейчас отличает человеческую цивилизацию.

В любом случае — да, субъектность, самосознание самости — результат социализации и освоения нарративной коммуникации. Да, свобода — эпифеномен культуры, «гружения» ответственностью в процессе ее освоения. Но это не отменяет факта возникновения «странной петли» самосознания и роли субъектности в поступках. Она проявляется и выражается не только и не столько в простых реакциях и рутинном поведении, сколько в поступках — деятельности не по предзаданному алгоритму.

И за всем этим стоит наррация, на глазах приобретающая междисциплинарное и фундаментальное значение [33]. Художественная литература неспроста стала столь благодатным и благодарным материалом для бахтинского анализа природы самосознания!

3. Неизбытность субъектности. Человек — существо, вынесшее механизм адаптации за рамки своей биологической природы. Если животный мир адаптируется за счет мутаций и естественного отбора, то человек, не мутируя как вид, заставляет мутировать среду, создавая культуру — систему порождения, сохранения, отбора, трансляции и воспроизводства социального опыта, которую Ю. М. Лотман определял как систему негенетического наследования информации о поведении [34].

Качественная новизна современности заключается в том, что человек имеет дело с новой целостной средой обитания — практически полностью искусственной. Современные социально-культурные практики в цифровых форматах, связанных с разработкой и использованием технологий, основанных на идеях дискретности, алгоритмичности, вычислимости, программируемости [35], радикально меняют современный образ жизни во всех его проявлениях: экономике и бизнесе, науке и образовании, политике и государственном управлении, искусстве и культурных индустриях, в потреблении и личной жизни. Среда обитания, экосисте-

ма предстала не просто как техносфера, а целостная система взаимодействующих программ. В наши дни не столько новые технологии становятся частью нас (в протезировании, киборгизации), сколько мы — частью этих технологий. И в этой цифровой цивилизации, «метавселенных» личность становится не столько пользователем, сколько частью, опцией глобальных платформ и алгоритмов. Уже не столько новые технологии становятся частью нас, сколько мы — частью этих технологий. «Как печатная машинка, граммофонная пластинка и кинолента разделили и механизировали элементы смыслообразующей системы человека... цифровые технологии вновь начали перестраивать платы нашей субъектности» [36, с. 13].

Порождаемые цифровизацией вызовы многомерны и многовекторны. Но за всеми ими стоит обстоятельство, что в условиях цифровизации культура так или иначе становится буквально цифровой машиной программирования индивидуального опыта. Однако если социализированный индивидуальный субъект состоит из тиражированных элементов, то где оказывается «он сам», его субъектность? Кому и зачем нужен субъект в 1-м лице, когда все проблемы решаемы за него и без него в 3-м лице? Изнутри самой системы ответ затруднен. Напрашивается ответ, что «источник индивидуальной уникальности оказывается вне самого субъекта» [37, с. 1]. Если человек, его субъектность — часть, опция «машины культуры», то это уже ситуация не столько «Матрицы», когда человек и его субъектность — сырье для порождения реальности, сколько «Соляриса», где человек с его внутренним миром — порождение некоей глобальной целостности. Это не только перспектива секьюритизации и контроля всего и вся, буквально реализующего классические и новейшие антиутопии, когда тоталитаризм XX века предстает только «пробой пера».

Цифровые форматы вытесняют не только природный мир, но и его восприятие, сам опыт переживания «от первого лица». Это уже проблема не роботов, андроидов и прочих «двойников». И даже не машиноподобности человека. Его самость и аутентичность становятся побочным продуктом некоей «мега-машины» — искусственно созданной самодостаточной экосистемы. Это уже проблема не «мозаичного сознания», о котором много писали во второй половине прошлого века в связи со становлением массового информационного общества. Масштабы и скорости современной коммуникации таковы, что от человека требуется не рефлексивное рассужде-

ние, а «новая животность» — оперативная реакция, причем по не им выработанному алгоритму.

Мир, культура как воплощение цифрового кода — что это? Реализация идей Платона и Пифагора? Самообучающиеся (правда, пока еще созданным разработчиками алгоритмам на материале кейсов уже реализованного опыта) нейросети уже не только консультируют и ведут образовательные проекты, выигрывают у чемпионов мира в покер, где есть возможность блефа и манипулирования противником, они способны устанавливать коммуникацию между собой на специально придуманном ими языке, непонятном разработчикам, из-за чего последним приходится останавливать такие проекты. Продолжение же этого тренда чревато тем, что человеку придется вырабатывать институциональные формы сосуществования с наделенными субъектностью «не-людьми». Или это полное торжество рационализма, доведенное до его крайности, т. е. противоположности?

Да, культура всегда рассматривалась как система порождения, отбора, хранения, воспроизводства и трансляции социального опыта. Но эта система, воспроизводимая с помощью социализации, «вращивающей» программы социального опыта носителям этой культуры, для своего развития нуждается в индивидуализации — уникальном, неповторимом своеобразии этого освоения. В культурных практиках закрепляются смысловые картины мира, но динамича смыслообразования предполагает разнообразие точек зрения.

Поэтому смыслообразование начинается даже не в «диалоге культур». Всякая культура самодостаточна, нормативна (тем более — в цифровом изводе) и ни в каком «диалоге» не нуждается. В диалоге нуждаются люди — существа не самодостаточные, открытые к обмену (веществ, товаров, знаний). Человек конечен и осознает свою конечность. Он может уставать, болеть. Он испытывает эмоции, которые могут быть обусловлены состоянием организма, ситуациями, в которые человек попадает. Человек может быть доволен. Но чаще он не доволен, может хотеть чего-то нового. Именно эмоционально окрашенные переживания являются источником смыслообразования. Этим, своей эмоциональной настроенностью и рефлексией, он отличается от машины, которая может формулировать задачи по достижению цели, даже ставить цели — на какой-то ценностной шкале. Но выйти за пределы шкалы — сбой в программе. А человек сбоят постоянно — хотя бы в воображении, хотя бы из ressentimentа.

Это делает человеческие слабости преимуществом. Важно не просто сознание (оно моделируемо в 3-м лице), а способность мыслить, осознавать себя и Другого, т. е. самость субъектности в первом лице, выступающая универсальным интерфейсом прагматической смыслообразования, позволяющим переходить из контекста одной системы практики в другие, менять соответствующие интерфейсы, реализуя упомянутую прокреативную преадаптивность. Фактически речь идет об аналоге теоремы Гёделя — о невозможности полной формализации человеческого знания, в том числе транслируемого в коммуникации. Поэтому решение задачи видится в учете этого неформализуемого «остатка», а скорее — ядра коммуникации, т. е. в учете личностного фактора.

Заключение. Показательно, что рассмотрение порождаемых трендом цифровизации вызовов приводит к проблеме вменяемой субъектности. В этико-правовом вызове это выражается в соотношении технологии контроля и личностной парресии, в политэкономическом вызове — в экзистенциальной ренте, в метафизическом — в полюсах человека-опции и «не-человеческой» субъектности. Наиболее полно это выражается в антропологическом вызове — перспективах расслоения социума в зависимости от степени принятия и реализации ответственной субъектности.

Таким образом, современная проблема философии поступка и его сердцевины — субъектности вменяемого самосознания сводит в один фокус (точку сборки) тематику философии (трансцендентальный субъект, свобода воли, аналитическая и континентальная традиции), антропологии (пост- и трансгуманизм), психологии (психофизическая проблема, феномен воли), нейрофизиологии мозга, когнитивистики, AI, экономики, социологии, морали, этики и права, богословия, политической теории и практики. Она проходит, прошивает все эти отрасли знания. И, как уже отмечалось, именно субъектность до сих пор — основной источник прокреативной преадаптации, обеспечивавшей и обеспечивающей развитие человеческой цивилизации.

В условиях невиданного масштаба социально-культурного и (пост)антропологического инжиниринга возникает все более очевидный запрос на комплексную техногуманитарную экспертизу не только последствий реализации цифровых технологий, но и целей разработок, самих разработок, хода их внедрения и реализации. Такая экспертиза может быть только комплексной, междисциплинарной, но направленной на обеспечение, сохранение и развитие

субъектности — актора вменяемого поступка как ядра не только гуманитарности, но человеческой цивилизации. И при выработке критериев такой экспертизы наследие М. М. Бахтина сохраняет не-тривиальное значение и актуальность.

Список источников

1. Осовский О. У., Дубровская С. А. (ред.) Мыслитель в своем отечестве: страницы истории рецепции личности и идей М. М. Бахтина в XX — начале XXI века. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2024. 240 с.
2. Тульчинский Г. Л. Уроки рецепции бахтинского наследия // Философские науки. 2011. № 10. С. 129–144.
3. Бахтин М. М. К философии поступка // Философия и социология техники : ежегодник. 1984–1985. М.: Наука, 1986. С. 82–160.
4. Бахтин Н. М. Из жизни идей: Статьи. Эссе. Диалоги. М.: Лабиринт, 1995. 191 с.
5. Тульчинский Г. Л. Николай и Михаил Бахтины: консонансы и контрапункты // Вопросы философии. 2000. № 7. С. 62–90.
6. Обуховский К. Галактика потребностей. Психология влечений человека. СПб.: Речь, 2003. 296 с.
7. Ильин Е. П. Психология воли. СПб.: Питер, 2011. 368 с.
8. Wright G. H. von. Explanation and Understanding. Ithaca (NY, USA): Cornell University Press, 2004. 256 p.
9. Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. М.: Наука, 1986. 448 с.
10. Тульчинский Г. Л. Философия поступка: самоопределение личности в современном обществе. СПб.: Алетейя, 2020. 826 с.
11. Хофштадтер Д. Я — странная петля. М.: АСТ, 2022. 512 с.
12. Libet В. Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action // Behavioral and Brain Sciences. 1985. Vol. 8. No 4. Pp. 529–566.
13. Fried I, Mukamel R, Kreiman G. Internally Generated Preactivation of Single Neurons in Human Medial Frontal Cortex Predicts Volition // Neuron. 2011. Vol. 69. No 3. Pp. 548–562.
14. Haggard P. Human volition: Towards a neuroscience of will // Nature Reviews Neuroscience. 2008. Vol. 9. No 12. Pp. 934–946.
15. Trevena J., Miller J. Brain preparation before a voluntary action: Evidence against unconscious movement initiation // Consciousness and Cognition. 2009. Vol. 19. No 1. Pp. 447–456.
16. Wegner D. The Illusion of Conscious Will. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. 419 p.
17. Мишура А. Поле битвы: свобода воли // Логос. 2016. Т. 26. № 5. С. 19–58.
18. Секацкая М. А. Свобода воли и предсказуемость. Философский анализ современных исследований в нейронауке // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 163–169.

19. Smilansky S. Free Will and Illusion. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. 344 p.
20. Pereboom D. Living Without Free Will. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 231 p.
21. Хенрих Д. Мышление и самобытие. Чтения о субъективности. М.: Весь мир, 2018. 320 с.
22. Damasio A. Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain. Pantheon, 2010. 384 p.
23. Dennett D. C. Brainstorms: Philosophical essays on mind and psychology. Cambridge: MIT Press, 1998. 377 p.
24. Dennett D. C. Consciousness explained. Boston: Little, Brown and Co., 1991. — xiii+511 p.
25. Выготский Л. С. Психология развития человека. М.: Смысл: Эксмо, 2005. 1136 с.
26. Бердяев Н. А. Философия свободы. Смысл творчества. М.: Правда, 1989. 608 с.
27. Харари Ю. Н. Sapiens: краткая история человечества. М.: Синдбад, 2021. 512 с.
28. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М.: Искусство, 1979. 424 с.
29. Шурипа С. Действие и смысл в искусстве второй половины XX века. СПб.; М.: Rugram_Пальмира, 2021. 223 с.
30. Золян С. Т., Тульчинский Г. Л. Динамика смысла: глубокая семиотика и стереометрическая семантика. М.: ИД ЯСК, 2024. 448 с.
31. Золян С. Т., Тульчинский Г. Л., Чернявская В. Е. Прагмасемантика и философия языка. М.: ИД ЯСК, 2024. 328 с.
32. Асмолов А., Шехтер Е., Черноризов А. Преадаптация к неопределенности: непредсказуемые маршруты эволюции. М.: Акрополь, 2018. 212 с.
33. Tulchinskii G. L. Chapter 1: Narration as a Platform for Interdisciplinarity: The Inter- and Cross-Disciplinarity of the Narrative Approach // Narratives in East Asia and Beyond. Interdisciplinary Perspectives on Using Narratives as a Research Method / ed. by E. Priupolina and T. D. Eckstein. Lanham; Boulder; New York; London: Lexington books, 2023. Pp. 15–42.
34. Лотман Ю. М. Семиосфера. Культура и взрыв. Среди мыслящих миров: статьи. Исследования. Заметки. СПб.: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
35. Целищев В. В. Алгоритмический ум. М.: Канон+, 2023. 512 с.
36. Гэллоуэй А. Р., Такер Ю., Маккензи У. Экскоммуникация. М.: Ад маргинем Пресс, 2022. 256 с.
37. Гвоздилов Д. Схоластика для инстаграма: к цифровой антропологии современности // Логос. 2019. Т. 29. № 6. С. 1–7.

References

1. Osovsky O. U., Dubrovskaya S. A (eds.) *Myslitel' v sobstvennom otechestve: stranitsy iz istorii retseptsii lichnosti i idej M. M. Bakhtina v 20-m — nachale*

21-go veka [A Thinker in His Own Country: Pages from the History of the Reception of the Personality and Ideas of M. M. Bakhtin in the 20th — Early 21st Century]. Saransk: Publishing House of the Mordov. University, 2024. 240 p. (In Russ.)

2. Tulchinskii G. L. Lessons in the Reception of Bakhtin's Heritage. *Filosofskie nauki* [Philosophical Sciences], 2011, no 10, pp. 129–144. (In Russ.)

3. Bakhtin M. M. Towards a philosophy of action. *Filosofiya i sociologiya tekhniki : ezhegodnik. 1984–1985* [Philosophy and sociology of technology : year-book. 1984–1985]. Moscow: Nauka, 1986. Pp. 80–160. (In Russ.)

4. Bachtin N. M. *Iz zhizni ide: Statji. Ese. Dialogi* [From the life of ideas: Articles. Essay. Dialogues]. Moscow: Labyrinth, 1995. 191 p. (In Russ.)

5. Tulchinskii G. L. Nikolai and Mikhail Bakhtin: Consonances and Counterpoints. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2000, no 7, pp. 62–90. (In Russ.)

6. Obukhovskiy K. *Galaktika potrebnostej. Psikhologija chelovecheskikh vlechenij* [Galaxy of needs. Psychology of human drives]. SPb.: Rech, 2003. 296 p. (In Russ.)

7. Ilyin E. P. *Psikhologija voli* [Psychology of Will]. SPb.: Piter, 2011. 368 p. (In Russ.)

8. Wright G. H. von. *Explanation and Understanding*. Ithaca (NY, USA): Cornell University Press, 2004. 256 p.

9. Kudryavtsev V. N. *Zakon, postupok, otvetstvennost'* [Law, deed, responsibility]. Moscow: Nauka, 1986. 448 p. (In Russ.)

10. Tulchinskii G. L. *Filosofija postupka: samoopredelenie lichosti v sovremenom obshchestve* [Philosophy of the Act: Self-Determination of the Individual in Modern Society]. SPb.: Aleteia, 2020. 826 p. (In Russ.)

11. Hofstadter D. *Ja — strannaja petlja* [I am strangle loop]. Moscow: AST, 2022. 516 p. (In Russ.)

12. Libet B. Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action. *Behavioral and Brain Sciences*, 1985, vol. 8, no 4, pp. 529–566.

13. Fried I., Mukamel R., Kreiman G. Internally Generated Preactivation of Single Neurons in Human Medial Frontal Cortex Predicts Volition. *Neuron*. 2011, vol. 69, no 3, pp. 548–562.

14. Haggard P. Human volition: Towards a neuroscience of will. *Nature Reviews Neuroscience*, 2008, vol. 9, no 12, pp. 934–946.

15. Trevena J., Miller J. Brain preparation before a voluntary action: Evidence against unconscious movement initiation. *Consciousness and Cognition*, 2009, vol. 19, no 1, pp. 447–456.

16. Wegner D. *The Illusion of Conscious Will*. Cambridge, MA: MIT Press, 2002. 419 p.

17. Mishura A. Battlefield: freedom of will. *Logos* [Logos], 2016, vol. 26, no 5, pp. 19–58. (In Russ.)

18. Sekatskaya M. A. Free Will and Predictability. Philosophical Analysis of Modern Research in Neuroscience. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2016, no 3, pp. 163–169. (In Russ.)

19. Smilansky S. *Free Will and Illusion*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000. 344 p.
20. Pereboom D. *Living Without Free Will*. Cambridge: Cambridge University Press, 2006. 231 p.
21. Henrich D. *Мышление и самобытие. Чтенія о субъективности* [Thinking and identity. Readings about subjectivity]. Moscow: Ves' mir, 2018. 320 p. (In Russ.)
22. Damasio A. *Self Comes to Mind: Constructing the Conscious Brain*. New York: Pantheon, 2010. 384 p.
23. Dennett D. C. *Brainstorms: Philosophical essays on mind and psychology*. Cambridge: MIT Press, 1998. 377 p.
24. Dennett D. C. *Consciousness explained*. Boston: Little, Brown and Co., 1991. 511 p.
25. Vygotsky L. S. *Psikhologija chelovecheskogo razvitiya* [Psychology of Human Development]. Moscow: Smysl: Eksmo, 2005. 1136 p. (In Russ.)
26. Berdyayev N. A. *Filosofija svobodySmysl tvorchestva* [Philosophy of Freedom. The Meaning of Creativity]. Moscow: Pravda, 1989. 608 p. (In Russ.)
27. Harari Yu. N. *Sapiens. Kratkaja istorija chelovechestva* [Sapiens: A Brief History of Humankind]. Moscow: Sindbad, 2021. 512 p. (In Russ.)
28. Bakhtin M. M. *Estetika slovesnogo tvorchestva* [Aesthetics of verbal creativity]. Moscow: Art, 1979. 424 p. (In Russ.)
29. Shuripa S. *Dejstvie i smysl v iskusstve vtoroj poloviny XX veka* [Action and meaning in the art of the second half of the twentieth century]. St. Petersburg; Moscow: Rugram_Palmira, 2021. 223 p. (In Russ.)
30. Zolyan S. T., Tulchinskii G. L. *Dinamika smysla: glubokaja semiotika i stereometriceskaja semantika* [Dynamics of Meaning: Deep Semiotics and Stereometric Semantics]. Moscow: JaSK, 2024. 448 p. (In Russ.)
31. Zolyan S. T., Tulchinskii G. L., Chernjavskaia V. E. *Pragmasemantika i filosofija jazyka* [Pragmasemantics and philosophy of language]. Moscow: JaSK, 2024. 328 p. (In Russ.)
32. Asmolov A. G., Shekhter E. D., Chernorizov A. M. *Preadaptatsija k neopredelonnosti: nepredskazoemyje marshruty evoljutsii* [Predaptation to uncertainty: unpredictable evolutionary routes]. Moscow: Akropol, 2018. 212 p. (In Russ.)
33. Tulchinskii G. L. Chapter 1: Narration as a Platform for Interdisciplinarity: The Inter- and Cross-Disciplinarity of the Narrative Approach. *Narratives in East Asia and Beyond. Interdisciplinary Perspectives on Using Narratives as a Research Method*. Ed. by E. Priupolina and T. D. Eckstein. Lanham; Boulder; New York; London: Lexington books, 2023. Pp. 15–42.
34. Lotman Yur. M. *Semiosfera. Kul'turaivzryv. Sredimysl'jashchikhmirov. Stat'i. Issledovanija. Zametki* [Semiosphere. Culture and explosion. Among the thinking worlds. Articles. Researches. Notes]. St. Petersburg: Iskusstvo-SPb, 2010. 704 p. (In Russ.)
35. Tselishev V. V. *Algoritmicheskij razum* [Algorithmic mind]. Moscow: Kanon+, 2023. 512 p. (In Russ.)

36. Galloway A. R., Tucker Y., Mackenzie W. *Ekskommunikatsija* [Excommunication]. Moscow: Ad Marginem Press, 2022. 256 p. (In Russ.)

37. Gvozdikov D. Scholasticism for Instagram: Towards a Digital Anthropology of Modernity. *Logos* [Logos], 2019, vol. 29, no 6, pp. 1–17. (In Russ.)

Сведения об авторе

Григорий Львович Тульчинский, доктор философских наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (Россия, 190008, Санкт-Петербург, ул. Союза Печатников, д. 16); старший научный сотрудник, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого (Россия, 190000, Санкт-Петербург, Политехническая ул., д. 29)

Information about the author

Grigorii L. Tulchinskii, Doctor of Philosophy, Professor, National Research University “Higher School of Economics” (16, st. Union of Printers, Sankt-Petersburg, 190008, Russia); Senior researcher Peter the Great St. Petersburg Politechnic University (29, Politekhnicheskaja str., St. Petersburg, 190000, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 08.10.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 17.10.2025

Принята к публикации / Accepted for publication 23.10.2025

Научная статья / Article

УДК 008

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-31>

Характерные черты типологического образа национальной культуры

Павел Григорьевич Мартысюк

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия
Pr_martis@yahoo.com

Аннотация. *Статья посвящена исследованию типологического образа национальной культуры, занимающего важное место в жизни любого народа. Будучи важнейшим элементом коллективной памяти народа на протяжении его продолжительного исторического существования, он выступает источником воспроизводства общенациональных ценностей, духовно-*

го богатства народа, сокрытого в его традиционном укладе жизни. Типологический образ в обобщённом виде содержит смысловые компоненты национальной культуры, в них воспроизводится социальная общность, имеющая определённые черты. К таковым следует отнести: универсальность, архетипичность, ценностную направленность базовых социально-культурных установок и их константность в пространственно-временном континууме. Отмечается, что национальная культура выступает единственной формой воспроизводства общности с сохранением социальной преемственности в пространстве и во времени. Присущие ей культурные коды позволяют сохранить ментальное ядро.

Культурологический анализ типологического образа национальной культуры позволяет раскрыть его характерные черты, а также определить возможные векторы построения культуротворческих моделей современной культуры.

Ключевые слова: культура, национальная культура, образ, типологический образ национальной культуры, культурный код, общество, менталитет

Для цитирования: Мартысюк П. Г. Характерные черты типологического образа национальной культуры // Человек. Культура. Образование. 2025. № 4. С. 31–46. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-31>

Characteristic features of the typological image of national culture

Pavel G. Martysyuk

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia,
Saint-Petersburg, Russia
Pr_martis@yahoo.com

Abstract. *The article is devoted to the study of the typological image of national culture, which occupies an important place in the life of any nation. As an essential element of the collective memory of a nation throughout its long historical existence, it serves as a source of reproduction of national values and the spiritual wealth of the nation, which is hidden in its traditional way of life. A typological image contains the semantic components of a national culture in a generalized form. It reproduces a social community with certain characteristics. These include universality, archetypal nature, value orientation, basic socio-cultural attitudes, and their constancy in the space-time continuum. It is noted that national culture is the only form of community reproduction that preserves social continuity in space and time. The cultural codes inherent in it allow it to preserve its mental core.*

A cultural analysis of the typological image of national culture allows us to reveal its characteristic features, as well as to determine possible vectors for building cultural models of modern culture.

Keywords: *culture, national culture, image, typological image of national culture, cultural code, society, mentality*

For citation: Martysyuk P. G. Characteristic features of the typological image of national culture. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2025; 4: 31–46. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-31>

Введение. Образ национальной культуры выступает в качестве феномена, в обобщенном виде содержащего ментальные черты конкретного народа. Она является, по сути, универсальной формой воспроизводства общности без возможной потери социальной преемственности и сохранения её в пространстве и во времени. При этом общая дефиниция образа не раскрывает внутренней типологической содержательности национальной культуры. В этой связи возникает необходимость определения параметров типологической характеристики национальной культуры как предпосылки её теоретического анализа и построения культуротворческих моделей.

В рамках изучения поставленной проблемы интерес представляют отдельные исследования философов и культурологов.

В трудах немецких философов второй половины XVIII — начала XIX века, например Гердера, Фихте, Гегеля, объектом пристального внимания выступает народный дух, выражающийся в языке, культуре, истории. Без него не представляется возможной идентичность нации.

В учении русского мыслителя Н. Я. Данилевского по аналогии с немецкими философами также присутствует феномен «дух народа» (национальный характер). Ему отводится особое место в формировании, существовании и развитии культурно-исторического типа (национальной культуры). Н. Я. Данилевский указывал на то, что неподражаемый уклад представлений — подлинное богатство нации, которое надо оберегать от подражания чужому [1].

У О. Шпенглера национальная культура обладает душой и функционирует подобно уникальному живому организму, переживающему стадии рождения, детства, юности, зрелости, старости и смерти.

Н. А. Бердяев рассматривал национальную культуру в контексте диалектического взаимодействия общечеловеческого и национального в характеристике этноса. При этом Н. А. Бердяев исключает противоречия между национальной и общечеловеческой культурой, полагая, что конкретно-национальное в культуре способно восходить до общечеловечности.

Среди современных российских исследователей национальной культуры следует упомянуть И. В. Борисенко, Г. Д. Гачева, П. С. Гуревича, М. Х. Герандокова, М. С. Джафаровой, В. С. Ерасова, Л. Г. Ионина, М. С. Кагана, В. М. Межуева, Э. С. Маркаряна, А. Я. Флиера, Я. В. Чеснова. По большей части в их исследованиях национальный тип культуры представлен как совокупность конкретных форм и способов человеческой жизнедеятельности на определённом этапе исторического развития. В качестве таковых выступают разнообразные народные традиции, модели социального и быденного поведения, культурные эталоны и социальные нормы. В этом смысле интерес представляет сравнительный анализ национальной и этнической культур, предложенный В. М. Межуевым. Он полагает, что «в отличие от этнической культуры, которая носит культовый, сакральный характер, гомогенна по своему составу, коллективна, национальная культура носит светский, инновационный характер, является продуктом индивидуального творчества интеллектуальной элиты нации, а не народа» [2, с. 41]. Несомненный интерес также представляют исследования Г. Д. Гачева, в которых представлено многообразие национальных культур народов Севера Евразии, обогащающих и взаимодополняющих друг друга [3].

В настоящей статье акцент делается преимущественно на исследовании типологического образа национальной культуры, его характеристиках, а также способности сохранять свою семантическую основу в процессе межкультурного взаимодействия.

Методы исследования, теоретическая база. Теоретическая и практико-ориентированная потребность построения типологической модели национальной культуры и её анализа предполагает соответствующие методологические основания. В статье используется ряд теоретических методов: **структурно-типологический** — применяется при определении характерных особенностей национальной культуры. Он позволяет сделать вывод, что все структурные элементы национальной культуры определяются обобщёнными характеристиками присущего ей типологического образа; **семиотический** — представлен семиотико-символическими структурами национальной культуры. Их определение есть сама по себе принципиально важная методологическая и теоретико-содержательная проблема. Её значимость проистекает прежде всего из самой культуротворческой сущности символа как универсального и абсолютного средства фрагментации и трансляции культурного опыта; **историко-культурный**, обусловленный комплексным исследованием характеристик, основополагающих проявлений и законов развития национальной культуры в синхрон-

ном и диахронном срезе. Он обеспечивает сбор и описание важных для исследования историко-культурных фактов, выявление традиций, предпосылок, этапов, тенденций и закономерностей развития национального типа культуры; **метод компаративного анализа** используется при выяснении характера и особенностей встречающихся влияний различных культурных традиций.

Результаты исследования и их обсуждение. Под типологией культуры принято понимать определение типов культур по определённым основаниям и общим признакам.

В современной культурологии достаточно широко представлены несколько подходов к типологизации культуры. В частности, этнотерриториальный и исторический подходы. В исследовании национального типа культуры автор опирался на этнотерриториальный подход, в рамках которого «выделяются следующие типы культуры: этническая, народная, национальная и мировая, а критерием типологизации выступает определённый этнический модус и территория компактного проживания» [4, с. 13].

Национальная культура рассматривается в рамках этнотерриториального подхода и представляет собой совокупность материальных и духовных ценностей нации (этноса), а также практикуемых данной социальной общностью основных способов взаимодействия с природой и социальным окружением. Согласно М. Герандокову, национальная культура представляет собой «духовное измерение нации, каждого отдельного человека, её составляющего, и его материализацию, овеществление в конкретных результатах культурной деятельности» [5, с. 153–154].

К компонентам национальной культуры принято относить язык, выступающий средством коммуникации; религию, формирующую духовные устои и ценности нации; традиции и обычаи, включающие историческое прошлое народа; праздники и ритуалы, отражающие наиболее важные события в жизни общества и народа; искусство в присущих ему жанрах и направлениях, отражающее менталитет народа.

Что касается типологического образа национальной культуры, то он в обобщённом виде содержит смысловые компоненты национальной культуры, в своей совокупности определяющие направленность социальной общности.

Рассматривая художественный образ, И. Кант указывает на то, что «образ есть продукт эмпирической способности продуктивно воображения, а схема чувственных понятий (как фигур в пространстве) есть продукт и как бы монограмма чистой способности воображения a priori; прежде всего благодаря схеме и сообразно ей

становятся возможными образы, но связываться с понятиями они всегда должны только при посредстве обозначаемых ими схем, и сами по себе они совпадают с понятиями не полностью» [6, с. 11].

В своей трактовке образа И. Кант по большей части затронул характеристики художественного образа в рамках эстетического суждения. Что касается настоящего исследования, то оно нацелено на раскрытие образа национального типа культуры. В этом смысле интерес представляет трактовка национального образа И. Борисенко. «Национальный образ — идеальное конструирование этнической общностью как носительницей культуры определенных представлений о себе, о своих типических чертах, особенностях национального характера, а также о своей стране. Национальный образ — одна из важнейших составляющих национального самосознания. Суждения о характерных чертах и особенностях своего народа непременно соотносятся с представлениями о характерных свойствах других народов и их представителей» [7].

На наш взгляд, формирование образа национальной культуры на первоначальном этапе является результатом субъективного волевого усилия, рационализируемого с позиции соответствия определенному укладу жизни и культурной реальности. Образ национальной культуры реально содержит высокий уровень объективации и взаимодействия сходящихся и расходящихся элементов культуры. Он стягивает в единый смысловой конструкт множество, казалось бы, разрозненных и разноплановых, но при этом сходящихся в едином ментальном архетипическом фокусе индивидуальных мнений и точек зрения.

В образе происходит согласование мыслей о национальной культуре с параллельным устранением их различий. За счёт архетипов, паттернов, различных мировоззренческих установок он обретает стабильность и устойчивые характерные черты. В этом смысле национальный образ является проявлением коллективно-бессознательного. Несмотря на различные процессы в самом национальном типе, порой выражающиеся на уровне практических решений и действий, отдельные внешние привнесения устраняются на ментальном плане, а впоследствии перестают работать и на практике.

Понятие «типологический образ» обобщенно представляет национальную культуру как относительно обособленную и самостоятельную целостность.

Семиотическое измерение национальной культуры представлено прежде всего семиотико-символическими структурами. Их определение есть сама по себе принципиально важная методоло-

гическая и теоретико-содержательная проблема. Её значимость проистекает прежде всего из самой культуротворческой сущности символа как универсального и абсолютного средства фрагментации (упорядоченного обособления) и трансляции культурного опыта. Не менее важным является анализ текстуальных сред национальной культуры, представляющих собой модели фиксации производства, формирования и консервации смыслов культуры, её семантики и, следовательно, в таком своём качестве способы развития национально самобытной культуры.

Национальная культура органична конкретной социальной общности, обеспечивает её целостность и воспроизводство. Целостность, воспроизводство, преемственность развития общности также определяют типологический образ, во многом благодаря которому национальная культура как данная типовая определенность способствует сохранению и воспроизводству общности как носителя культуры.

Типологический образ формирует черты национальной культуры, на которых следует остановиться более подробно.

Национальная культура является универсальной по причине того, что включает в себя характерные черты этносов, а также полифонию мнений и идей о будущем развитии страны. Одновременно она является единственной формой воспроизводства общности с сохранением социальной преемственности в пространстве и во времени. Универсальность национальной культуре придают архетипы и культурные коды, сохраняющие её ментальное ядро, основные культурные потенции и интенции.

Несмотря на то что, согласно А. Флиеру, «в ходе истории культура-обычай сокращает площадку своего доминирования, а культура-референция расширяет» [8, с. 25], национальная культура несёт ценностные содержания и смыслы, отражающие прошлое и настоящее народа. В особенности, когда мы имеем в виду традиционные ценности. Применительно к России следует выделить институт семьи, православие, патриотизм и т. д. [9, с. 16]. Благодаря сохранению традиционных ценностей на различных этапах исторического развития общества становится возможной целостность национального типа культуры. Воспроизводя или актуализируя в анализе ту или иную целостность, мы помещаем её в культурную диахронию или синхронию и на основании такого анализа выделяем семантическое ядро культурной целостности: историко-типовой, региональной, локальной, субъективной и др. — в зависимости от исходного методологического ракурса типовой реконструкции культуры.

Национальная культура предметно выражена. Предметные реальности раскрываются в них преимущественно как вещественная среда, различённая в себе по признаку функционального назначения её составляющих. Функциональные характеристики имеют этническую окрашенность и как таковые передают особенности национально-культурного типа. Вещественно-материальное многообразие национальной культуры представляет собой вещный комплекс, представленный орудиями труда, одеждой, бытовой утварью, жилищем и т. д. При этом вещь фиксирует в себе гораздо более богатое, нежели только функциональное содержание. В этническом культуротворческом поле она предстаёт не только предметом функционального приложения, но и предметной формой культуры во всем богатстве её культуротворческих характеристик: архетипических, мифологических, семиотических, аксиологических, институциональных, культурно-коммуникативных.

Предметы, вещи, попадая в культурное поле национальной традиции, наделяются ценностным смыслом. В определенной мере они опосредуют отношения носителей культуры, а также несут на себе отпечаток ценностных предпочтений субъектов данного культурного типа. В этом смысле особый интерес представляют архетипические предметы, выражающие неиссякаемую потребность человека в сохранении и воспроизводстве жизненно важных форм социального и культурного бытия.

Предметная форма национального типа культуры символична. Она содержит в свернутом виде его прошлое, настоящее и в какой-то мере предвосхищает будущее. Показательными являются национальные и государственные символы. Отдельные из них носят перманентный характер воспроизводства, на определённом уровне актуализируя историческое прошлое народа.

Национальному типу культуры присуща динамическая целостность, а также способность переживать живой культуротворческий процесс. Современные культурно-цивилизационные тенденции раскрываются в формировании в актуальном общественно-историческом развитии особого социокода этнонациональной культуры, отнюдь не сводящегося к внешним проявлениям материальной культуры этноса. Культурно-социальный код фиксирует как общецивилизационные процессы в себе, так и их проявления в национальных культурах. Но поскольку эти проявления существенно затрагивают саму природу и функционирование национальной культуры, то последняя, будучи живым организмом, неизбежно реагирует на угрозу своего разрушения. Отражением такого драматического состояния являются моральные, правовые, техни-

ческие инициативы и реакции, объединенные общей целью и заботой их субъектов о сохранении национально-культурной самобытности.

«Под семантическим ядром культурной целостности, — согласно В. Познякову, — необходимо понимать те ценностно-смысловые базовые начала, сокрытые в архетипическом протопласте культуры, которые определяют её общую поэтику и другие структуры: образный строй отдельного художественного произведения, фрагмент наследуемого опыта, творчество индивидуального и группового субъекта» [10, с. 91].

Ценностно-семантическое ядро по сути своей представляет универсалию культуры. Отсюда возникает задача не только в описании содержания типа, но и, что является процедурой предпосылочного характера, в выявлении ведущей, базовой ценностной универсалии той или иной культуры. В этом смысле интересным в научном отношении могло бы стать построение теоретических моделей ценностной семантики предметных форм культуры, произведений искусства, видов, жанров искусства, творчества художника, любого культурного типа — в целом культуры народа того или иного исторического периода или локально-пространственной обособленности.

Экспериментирование в идейной области болезненно сказывается на духовной сфере общества и его консолидации. На это указывает Г. Лебон в своей книге «Психология народов и масс». «Идеи, правящие учреждениями народов, претерпевают очень длинную эволюцию. Образываясь очень медленно, они вместе с тем очень медленно исчезают. Став для просвещенных умов очевидными заблуждениями, они еще очень долгое время остаются неоспоримыми истинами для толпы и продолжают оказывать свое действие на темные народные массы. Если трудно внушить новую идею, то не менее трудно уничтожить старую. Человечество постоянно с отчаянием цепляется за мертвые идеи и мертвых богов» [11, с. 3].

Порой идеи, изначально имеющие положительный смысл, по мере погружения в толщу сознания народных масс обретают деструктивное содержание, кардинально отличное от первоначального замысла. Нередко мысль, приведенная в действие высшим интеллектуальным слоем общественного сознания, нацеленным на изменение существующей общественной реальности, приводит к её трансформации. Причиной выступает вхождение в культуру значительных человеческих масс, искажающих как представленные культурные проекты, так и сводящие на нет многие культурные достижения, уже вписанные в устоявшийся идеологический кон-

структ, именуемый национальным культурным типом. Речь может вестись о временном искажении национального типа культуры под давлением приведенных в действие народных масс. При этом архетипическая основа национального типа способствует сохранению его ведущих ориентиров.

Исключительно актуальной проблемой становится выявление, равно как и формирование национально-культурных контекстов и интертекстуальный анализ культуры. Проблема контекстуальной структуры национальной культуры важна прежде всего в проективно-конструктивном отношении при том актуализирующем анализе понимания того, что целые массивы современной культуры представляют скорее феномены некоего наднационального образования, «вымывающего» (особенно в структурах повседневности) национальное самосознание народа. Указанные образования в сущности своей представляют один из универсальных языков межкультурной коммуникации. Примером может послужить область архитектуры. Это усложняет проблему воспроизводства в предметных формах этнически самобытных семиотических структур.

Взятая в семиотическом измерении, национальная культура не сводится лишь к выявлению и анализу символического строя, хотя это задача первостепенной важности. Через язык культуры происходит вхождение новых поколений в культурную общность без срыва культурной преемственности.

Семиотическое измерение национальной культуры актуально и в других отношениях. Выявление символично-семантических структур способствует формированию философско-культурологического основания для частнодисциплинарного описания культуры, построения воспитательных практик, программ и разработки отдельных инициатив и мероприятий по вопросам национально-культурного развития. Актуальным остаётся формирование инновационных проектов развития отдельных секторов национального культуротворчества, создание и накопление национально-самобытным содержанием культурных пространств.

Следует понимать предметную форму культуры как семиотико-семантический комплекс, включенный в определенное культурное пространство, в нашем контексте — в пространство этнонациональной культуры. Будем исходить из аксиоматической уверенности в том, что если наш объект представляет явление культуры, то, следовательно, он не может содержать в себе все её структурные компоненты. Но универсалии культуры в предметной форме находятся в превращенном виде.

Во-первых, материальный субстрат символизирует ценностные отношения субъектов-носителей культурных типов. Предмет, вещь, попадая в культурное поле национальной традиции, бытийствуют аксиологически, т. е. они опосредуют межсубъектные отношения — отношения носителей культуры — и неизбежно несут на себе отпечаток их ценностных предпочтений как субъектов данного культурного типа.

Во-вторых, предметная форма символична; она не только имеет предметно-функциональное содержание, но и передает особое свойство отношения и принадлежности к данному культурному типу, представляя его. В свернутом виде она содержит в себе всю экзистенциальную семантику типа — его прошлое, настоящее — и в какой-то мере предвосхищает будущее. Она включена в принятые в данной культурной целостности формы трансляции культурно-цивилизационного опыта, его обновления, имеет своих субъектов и культурные пространства бытийствования.

Особенностью трансляционного сектора типа является усложнение институционально-организационной инфраструктуры национального культуротворчества. Оно рассматривается нами как диверсификация производящей сферы — диверсификация, которая отражает процесс включения культуротворческих деятельностей в структуры рыночной организации. Наличие множества «социокультурных циклов» есть внешнее проявление интенсивных диверсификационных процессов, происходящих в культуре. «Общество в целом предлагает нам огромную сеть контуров культуры, находящихся в сложном переплетении и подчиняющихся тем не менее некоторым общим законам» [4, с. 230].

При этом их можно систематизировать по принципу основных элементов и подсистем самой культурной целостности.

Важной характеристикой культуры является её «поведение». Под последним мы понимаем форму адаптации культуры к культурно-цивилизационному и природному окружению. В методологическом плане «поведение» культуры можно определить следующими признаками:

— характер изменений типа, определяемый как некая результирующая процессов, происходящих в частных, относительно обособленных секторах культуротворчества (например, в трансляционном секторе изменяется соотношение между аутентично-этнической традицией и профессиональными институтами культурной коммуникации);

— сохранение типовой определенности культуры; здесь анализ перемещается в область внешних влияний и воздействий, а

также в сферу выработки адаптивных и стабилизирующих культурное развитие механизмов;

— отношение типа к другим культурам определяется характером межкультурного взаимодействия в более конкретном выражении, модусы межкультурных отношений символизируются определениями ассимиляции, диффузии, кентавр-культуры.

Качественная определенность культуры есть её сущностная характеристика, которая проявляет себя в ряде отношений. Во-первых, это есть формальная определенность культуры, представленная семиотическими структурами национального типа данной культуры: её языком, символами, основными текстами, коммуникативными потоками, контекстами, соотношениями синтагматического и парадигматического членений культурного пространства, аутентично-фольклорных и профессионально-культурных символично-семантических образований традиций монокода (в основе которого лежит признак подобия между означаемым и означающим) и дуакода (предполагающего спектр разъяснений и интерпретаций). Во-вторых, национальная культура представляет ценностно-содержательное единство, включающее наборы ценностей, нормативные системы, представления о Благе.

Признавая полицентричность культуры, мы рассматриваем культуру как динамическую целостность. Национальная культура находится именно в таком состоянии, представляя живой культуротворческий процесс. Очевидно, современное национальное самосознание имеет полиязыковые (в семиотико-семантическом понимании) формы своего выражения и функционирования. В противном случае ареалы распространения вербально-языковых типов совпадали бы с типами культуры. Но поскольку современные культурно-цивилизационные тенденции свидетельствуют об ином, возникает вывод о формировании в актуальном общественно-историческом развитии, т. е. неписанной истории, особого социокода этнонациональной культуры, отнюдь не сводящегося к вербальному языку титульного этноса, но с необходимостью его исключающего.

Расхождение в культурных кодах — социокультурном и языковом — определяются прежде всего не столько языковыми, сколько цивилизационными причинами. В результате интеграционных процессов сложились и продолжают формироваться семиотические структуры, фиксирующие и записывающие не только и даже не столько этнические ситуации, сколько социально, т. е. цивилизационно необходимые.

Нетрадиционный код фиксирует как общецивилизационные процессы в себе, так и их проявления в национальных культурах. Но поскольку эти проявления существенно затрагивают семиотико-семантическое ядро, определяющее самость и существование культуры, то последняя, будучи живым организмом, неизбежно реагирует на угрозу своего разрушения. Отражением такого драматического состояния являются моральные, правовые, технические инициативы и реакции, объединенные общей целью и заботой их субъектов о сохранении национально-культурной самобытности, но разъединенные по признаку путей ее достижения.

Перспективы выживания национальных культур в условиях глобализации.

«Межкультурная интеграция способствует интеграции, и в других сферах взаимодействия между народами в результате интеграции происходит процесс глобализации, интернационализации культур» [12, с. 35–36].

В интеграционном процессе мы выделяем следующие тенденции: во-первых, естественное взаимодействие культур, осуществляемое по линиям решения общих (двусторонних, региональных и глобальных) проблем культурно-цивилизационного развития; во-вторых, сохранение самобытности национальных культур неизбежно ставит последние перед необходимостью диалога, который можно рассматривать как естественный процесс межкультурной коммуникации; в-третьих, мир переживает объективную тенденцию модернизации, которая приобретает чрезвычайно широкий спектр — от тотального разрушения традиционных устоев национальной культуры до вплетения модернизационных тенденций в культурные традиции стран; в-четвертых, интеграция сопровождается процессом «омассовления» национальных культур, придающим последним наднациональные черты, что неизбежно влечет за собой разрушение этнонациональной самобытности той или иной культуры; в-пятых, в случае успешного доминирования локального образа над общегосударственным национальным этническое для отдельных групп населения предвосхищает отдельные характеристики национального.

Заключение. Исследование типологического образа национальной культуры позволяет сделать ряд выводов. Типологический образ содержит обобщённые характеристики национальной культуры. В нём становится возможным согласование многочисленных идей о национальной культуре, несмотря на их возможную противоположную направленность. За счёт архетипов, паттернов, различных мировоззренческих установок, сокрытых в образе, на-

циональная культура обретает стабильность и устойчивые характерные черты. Присутствующий в образе духовный и материальный ресурс позволяет определённому типу культуры сохранять свою идентичность и узнаваемость на протяжении всего времени существования.

Список источников

1. Данилевский Н. Я. Россия и Европа. М.: Юрайт, 2025. 453 с. (Антология мысли).
2. Межуев В. М. Классическая модель культуры: проблема культуры в философии Нового времени // Культура: теории и проблемы. М.: Наука, 1995. С. 28–56.
3. Гачев Г. Д. Национальные образы мира. Евразия — комос кочевника, земледельца и горца. М.: Институт ДИ-ДИК, 1999. 368 с.
4. Мартысюк П. Г., Масленченко С. В. Культурология : пособие для студентов вузов. Минск: Тетра Системс, 2011. 272 с.
5. Герандоков М. Х., Герандокова В. З. Понятие национальной культуры // Известия КБГАУ. 2017. № 1 (15). С. 150–156.
6. Кант И. Критика чистого разума / пер. с нем. Н. Лосского. М.: Эксмо, 2015. 734 с.
7. Борисенко И. В. Национальный образ России: философско-культурологический анализ : автореф. ... дис. канд. филос. наук: 09.00.13. Ростов н/Д, 2008. 27 с.
8. Флиер А. Я. Модернизация модели морфологии культуры // Обсерватория культуры. 2017. Т. 14 № 1. С. 20–26.
9. Мартысюк П. Г. Особенности девиации российских духовно-нравственных ценностей в современной международной ситуации // Российский девиантологический журнал. 2025. № 1 (5). С. 14–26.
10. Позняков В. В. Типологический образ национальной культуры // Философия в современном мире : материалы науч. конф. / Институт философии НАН Беларуси. Минск: Право и экономика, 2001. С. 89–96.
11. Лебон Гюстав. Психология народов и масс. М.: АСТ, 2016. 340 с.
12. Джафарова М. С. Национальные культуры и значение сохранения принадлежащих им ценностей // Национальные культуры в межкультурной коммуникации (Новая парадигма охраны культурного и природного наследия) : сб. науч. ст. по материалам IV Междунар. науч.-практ. конф., Минск (11–12 апреля 2019 г.). / Т. С. Супранкова (отв. ред.) и др. Минск: Колорград, 2019. С. 35–42.

References

1. Danilevsky N. Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow: Yurayt Publishing House, 2025. 453 p. (Anthology of Thought). (In Russ.)

2. Mezhev V. M. The Classical Model of Culture: The Problem of Culture in Modern Philosophy. *Kul'tura: teorii i problemy* [Culture: Theories and Problems]. Moscow: Nauka, 1995. Pp. 28–56. (In Russ.)
3. Gachev G. D. *Natsional'nye obrazy mira. Evraziya — komos kochevnika, zemledel'tsa i gortsa* [National Images of the World. Eurasia — the Nomad, the Farmer, and the Highlander]. Moscow: DI-DIC Institute, 1999. 368 p. (In Russ.)
4. Martysyuk P. G., Maslenchenko S. V. *Kul'turologiya: posobie dlya studentov vuzov* [Cultural Studies: A Guide for University Students]. Minsk: Tetra Systems, 2011. 272 p. (In Russ.)
5. Gerandokov M. Kh., Gerandokova V. Z. The concept of national culture. *Izvestiya KBGAU* [News of KBGAU], 2017, no 1 (15), pp. 150–156. (In Russ.)
6. Kant Immanuel. *Kritika chistogo razuma* [Criticism of pure reason]. Translated from German [N. Lossky]. Moscow: Eksmo, 2015. 734 p. (In Russ.)
7. Borisenko I. V. *Natsional'nyi obraz Rossii: filosofsko-kul'turologicheskii analiz* [The National Image of Russia: A Philosophical and Cultural Analysis] : Abstract of a Dissertation for the Degree of Candidate of Philosophy. Rostov-on-Don, 2008. 27 p. (In Russ.)
8. Flier A. Ya. Modernization of the Model of Cultural Morphology. *Observatoriya kul'tury* [Observatory of Culture], 2017, vol. 14, no 1, pp. 20–26. (In Russ.)
9. Martysyuk P. G. Features of the Deviation of Russian Spiritual and Moral Values in the Current International Situation. *Rossijskij deviantologicheskij zhurnal* [Russian Deviantology Journal], 2025, no 1 (5), pp. 14–26. (In Russ.)
10. Pozniakov V. V. Typological Image of National Culture. *Filosofiya v sovremenom mire : materialy nauch. konf.* [Philosophy in the Modern World : materials of the Scientific Conference]. Institute of Philosophy of the National Academy of Sciences of Belarus. Minsk: Law and Economics, 2001. Pp. 89–96. (In Russ.)
11. Le Bon Gustave. *Psixologiya narodov i mass* [The Psychology of Peoples and Masses]. Moscow: AST Publishing House, 2016. 340 p. (In Russ.)
12. Jafarova M. S. National cultures and the importance of preserving their values. *Natsional'nye kul'tury v mezhkul'turnoj kommunikacii (Novaya paradigma ohrany kul'turnogo i prirodnogo naslediya) : sb. nauch. st. po materialam IV Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Minsk (11–12 aprelya 2019 g)* [National cultures and the importance of preserving their values. National cultures in intercultural communication (A new paradigm for the protection of cultural and natural heritage) : collection of scientific articles based on the materials of the IV International Scientific and Practical Conference, Minsk (April 11–12, 2019)]. Editorial board: T. S. Suprankova (ed.) [and others]. Minsk: Kolorgrad, 2019. Pp. 35–42. (In Russ.)

Сведения об авторе

Мартысюк Павел Григорьевич, доктор философских наук, доктор культурологии, доцент, профессор кафедры философии и социологии

Санкт-Петербургского университета МВД России (Россия, 198206, Санкт-Петербург, ул. Лётчика Пилютова, 1)

Information about the author

Pavel G. Martysyuk, Doctor of Philosophy, Doctor of Cultural Studies, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy and Sociology, St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia (1, str. Pilot Pilyutov, Saint-Petersburg, 198206, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.10.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 27.10.2025
Принята к публикации / Accepted for publication 07.11.2025

Научная статья / Article

УДК 141.319.8
<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-46>

**Пространство экзистенции: Дом как ответ
на вызовы антропологического кризиса современности**

Елена Леонидовна Разова

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Гродно, Беларусь
lrazova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-2892-345X>

Аннотация. *Антропологический кризис современности, вызванный деконструкцией традиционных метанарративов и тотальной виртуализацией пространства человеческого существования, актуализирует поиск онтологических оснований человеческого бытия, остающихся неустранимыми в условиях радикальной социальной и технологической трансформации. Несмотря на интенсивное развитие философской антропологии, в ней сохраняется пробел, связанный с отсутствием целостного понимания человека, укорененного в конкретном пространстве своего бытия, что приводит к утрате видения его экзистенциальной и онтологической целостности. Целью данного исследования является обоснование Дома как фундаментальной онтологической категории и конституирующего элемента «антропного пространства» — многомерного поля возможностей человеческого бытия. Методологическую основу работы составляет синтез фундаментальной онтологии М. Хайдеггера, феноменологического подхода (М. Мерло-Понти, М. Шелер) и философско-антропологического анализа,*

что позволяет преодолеть абстрактность классических антропологических моделей. В результате исследования доказано, что Дом представляет собой не просто физическое укрытие, но сложный феномен, одновременно являющийся формой телесности, продолжением биологически недостаточного человеческого тела, формой экзистенции, задающей границы и условия человеческого существования, и онтологической формой — местом встречи земного и трансцендентного, связывающим все уровни бытия. Основным вкладом работы является предложение интегрального концепта «антропного пространства» и обоснование тезиса о том, что Дом выступает онтологическим условием возможности человеческого существования, ключом к преодолению его современной фрагментации и ответом на вызовы антропологического кризиса.

Ключевые слова: философская антропология, онтология, антропное пространство, Дом, экзистенция, телесность, трансцендентное, феноменология, здесь-бытие, этос, идентичность, антропологический кризис, укорененность

Для цитирования: Разова Е. Л. Пространство экзистенции: Дом как ответ на вызовы антропологического кризиса современности // Человек. Культура. Образование. 2025. № 4. С. 46–68. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-46>

Existential Space: The Home as a Response to the Challenges of the Anthropological Crisis of Modernity

Alena L. Razava

Yanka Kupala State University of Grodno, Grodno, Belarus
lrazova@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0009-2892-345X>

Abstract. *The anthropological crisis of modernity, driven by the deconstruction of traditional metanarratives and the total virtualization of human existence space, necessitates the search for ontological foundations of human being that remain irremovable under conditions of radical social and technological transformation. Despite the intensive development of philosophical anthropology, a gap persists related to the lack of a holistic understanding of humans as rooted in the concrete space of their being, leading to a loss of vision regarding their existential and ontological integrity. The aim of this study is to substantiate the Home as a fundamental ontological category and a constitutive element of «anthropic space» — a multidimensional field of possibilities for human existence. The methodological framework of the work is a synthesis of M. Heidegger's fundamental ontology, the phenomenological approach (M. Merleau-Ponty, M. Scheler), and philosophical-anthropological analysis, which allows overcoming the abstractness of classical anthropological models. As a result of the research, it is proven that the Home represents not merely a physical shelter but a complex phenomenon*

that simultaneously acts as a form of corporeality, an extension of the biologically insufficient human body; a form of existence, setting the boundaries and conditions of human life; and an ontological form — a place of encounter between the earthly and the transcendent, connecting all levels of being. The main contribution of the work is the proposition of the integrative concept of «anthropic space» and the substantiation of the thesis that the Home serves as the ontological condition for the possibility of human existence, a key to overcoming its contemporary fragmentation, and a response to the challenges of the anthropological crisis.

Keywords: *philosophical anthropology, ontology, anthropic space, Home, existence, corporeality, transcendent, phenomenology, Dasein, ethos, identity, anthropological crisis, rootedness*

For citation: Razava E. L. Existential Space: The Home as a Response to the Challenges of the Anthropological Crisis of Modernity. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2025; 4: 46–68. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-46>

Введение. Антропологический кризис современности, ознаменовавшийся деконструкцией традиционных метанарративов, таких как Бог, разум, человек, актуализирует поиск онтологических оснований человеческого бытия, способных оставаться сущностными и неустранимыми в условиях радикальной социальной и технологической трансформации. Виртуализация обитаемого пространства, «переселение» в метавселенную, даже сохраняя эмоциональную и ментальную вовлеченность, исключает телесное проживание, что разрушает целостность человеческой экзистенции, а значит, не расширяет ее возможности, а сужает их, отсекая различные варианты смысла бытия.

Философская антропология, сфокусированная на аналитике человека и его существования, в процессе деконструкции утратила видение и целостного человека, и целостности его бытия, разворачивающейся в сложном онтологическом пространстве, которое М. Хайдеггер определял как Dasein, «здесь-бытие». Бытие человека, не абстрактного, а конкретного, разворачивается в определенном месте, обретающем форму и границы через повседневные практики, отношения и траектории жизни. Первичной и ключевой формой этого пространства выступает Дом, понимаемый не как архитектурный объект, но как сложный, многоуровневый феномен, в котором, как в фокусе, сплетаются и взаимно обуславливают друг друга биологическое, социальное, экзистенциальное и трансцендентное измерения. При том что каждое из измерений разворачивается в собственную сферу, выстраивается через разнообразные формы в отдельное пространство, связь которых, сложное взаимо-

действие формирует целостное антропное пространство. Дом является не периферийным, а конституирующим элементом этого пространства, его своеобразной «голограммой», в которой в снятом виде присутствуют все его уровни.

В силу специфики и сложности структуры анализ природы Дома также требует сложный, многосоставный подход, включающий в себя методологический аппарат феноменологии, философской антропологии и онтологического анализа.

По мнению М. Хайдеггера, фундаментальная онтология должна начинаться с вопроса о смысле бытия [1]. Именно вопрос о бытии является главным вопросом человеческого существования, таким образом, фундаментальная онтология и есть сущность антропологии. Ответить на вопрос о смысле бытия, на главный вопрос фундаментальной онтологии, способно только и именно бытие человека, проживающего свою жизнь в ее форме и границах, здесь-бытие, пространство, в котором бытие присутствует, реализуя свою потенцию в человеке. В термине «присутствие» отражена пространственная сущность *Dasein* [1, с. 139].

Dasein погружено в мир, действует и взаимодействует через тело, вещи, дом, город, образуя пространство, где все эти формы взаимосвязаны взаимодействием (работой) и общим этосом. Это пространство есть Дом, пространство бытия человека, обладающее своей формой, встроенное в структуру других форм, которые определяют условия и способ бытия человека во всех аспектах, от биологического (тело) до социального (город), космического (окружающая среда) и до трансцендентного.

По аналогии с принятым в космологии понятием «антропный принцип» эту совокупность форм, это сложное многоуровневое и разное по формам пространство можно попытаться назвать «антропным пространством», понимая под ним онтологическое поле возможностей, условий и констант, в котором разворачивается и реализуется человеческое бытие во всей его полноте, где биологическое, социальное, этическое, экзистенциальное и трансцендентное не просто сосуществуют, но взаимно обуславливают друг друга; пространство, которое является одновременно продуктом человеческой деятельности, всего его бытия и его сущностным условием. Познание этого пространства, в отличие от его математического, физического аспекта, возможно не рационально, но через проживание самого пространства, что открывает его для феноменологического метода постижения.

Пространство Дома проживается, оно все вовлечено в работу, во взаимодействие всех его составляющих, иерархически организованных в рамках этоса, но не принимающих субъект-объектное

деление в силу равнозначности своей роли о взаимодействии. Пространство Дома не бывает демонстрационным, заброшенным, витринным или необитаемым. Пространство, которое не проживается в повседневном взаимодействии, перестает быть Домом, становясь чем-то иным. Такая форма антропного пространства, как Дом, дает ключ к пониманию целого, более того, и есть то место, которое собирает целое. Следовательно, его понимание есть возможность подойти к пониманию целого, при этом требуется особый метод для такого понимания — осознанное проживание.

Пространство Дома не познается, но проживается, эмоционально, телесно, ментально, при этом в проживании меняется как сам человек, так и Дом, они приспособляются друг к другу. Проживая свое пространство бытия, человек открывается бытию, а значит, человек прикасается через свой Дом и ко всему антропному пространству, воспринимая его как целое, а себя — как органично вплетенного в него.

Методы исследования, теоретическая база. Л. Е. Моторина в статье «Человек как антропологическая целостность: методология исследования» [2] отмечает, что человек открывается миру, то есть становится способен его понимать, не изменяя при этом мир в соответствии со своими представлениями о нем, лишь благодаря целостности и трансценденции. «Животные ограничены средой обитания, человек же преодолевает ограничения среды и выходит в открытый мир, осознавая его именно как мир. <...> Быть человеком — значит «быть в мире», быть всегда «распахнутым» этому миру» [2, с. 46]. Но чтобы открыться миру и не потеряться в нем, не утонуть в заброшенности и одиночестве, необходимо быть укорененным в собственном пространстве бытия, обладать своим Домом. Дом как пространство экзистенции есть осознанные границы, основания и формы своего бытия.

Топологичность, граничность, обретение места, своего места, своих границ, топологичность экзистенции для феноменологии есть понимание себя, осознание своей идентичности, то есть обретение своей онтологии, своего бытия. М. Хайдеггер в работе «Бытия и время» (1927), апеллируя к Аристотелю, писал о «месте», т. е. о пространстве, которое получило свои границы, свою форму и тем самым обрело бытие [1].

Феноменология дает тот метод, который помогает увидеть формы пространства человеческого бытия, такие как Дом, а через них увидеть бытие человека в мире, изменяющееся во времени, но удерживаемое этосом, возникающим как забота человека об историчности бытия и одновременно его вневременности. В про-

странстве Дома собираются все основные формы бытия человека — тело, дом, город, космос, сфера трансцендентного. В Доме же удерживаются и все три модуса времени — его прошлое, настоящее и будущее. Дом есть одна из тех форм присутствия бытия, возможно, одна из основных, через которую бытие открывается человеку, без которой бытие остается скрытым. Феноменологическое исследование Дома как пространства бытия человека, пространства его экзистенции, таким образом, есть исследование онтологии человека во всей целостности.

Феноменологический подход, а именно феноменологическая аксиология, была предложена М. Шелером в работе «Формализм в этике и материальная этика ценностей» (1916) [3] в качестве подхода, исследующего феномены, формирующие этос как систему норм, правил, ценностей, «образующие особую сферу трансцендентных неэмпирических сущностей, находящихся вне пространственно-временной реальности» [4]. У Шелера четко разделяются подходы естественно-научный (аналитический, рациональный, абстрактный) и феноменологический, определяемый им как проживание непосредственного взаимодействия с миром [3, с. 120]. Важно отметить, что проживание происходит в непосредственном взаимодействии с вещами, присутствующими в общем для вещей и того, кто с ними взаимодействует, пространстве. Человек вступает во взаимодействие с другими телами, людьми и вещами, являющимися не объектами, но полноценными участниками экзистенции, и через этот непосредственный опыт проявляют собственные границы, определяют траектории и карты своей повседневности.

Результаты исследования и их обсуждения. Дом — это всегда пространство, где человек встречается с другим, которого он может и готов принять и понять, равно как и этот другой готов принять «устав» чужого дома, его этос. Через Дом и общность человек включается в более сложное пространство, пространство города. Город, любое поселение в пределе есть форма иного уровня пространства человеческого бытия, антропного пространства, где проявляются иные стороны бытия, иные смыслы, именуемые культурой, цивилизацией, форма, где определяется социальная идентичность, в отличие от Дома, где определяется идентичность общности, а через общность — идентичность индивида. Дом стоит между формой индивидуального пространства — телом — и формой социального пространства — городом, находясь одновременно на границе и втягивая в себя, как голограмма, форму и индивидуального, и социального пространства. Именно в Доме тело биологическое становится инструментом проявления духовных ценностей,

что отличает тело человека как биологического животного от тел иных животных. В Доме формируется этос общности, метаформа которого реализуется в культуре, пространство возникновения которой — город.

Пространство экзистенции, феноменологическое понимание этого пространства, обеспечивает определение конкретным человеком своих границ как на повседневном, так и на трансцендентном уровне. Но это и то пространство, где со-бытийствуют Я и Другой, преобразуясь в общность с единым этосом и пространством бытия. Пространство со-бытия общности, локализованное в Доме, задает границы общности, а значит, Дом есть одно из тех оснований, которые одновременно конституируют и уникальность конкретного человека, и его целостность в общности с теми, кто укоренен в этих же основаниях.

Дом, и в этом его сущностная особенность среди всех форм бытия человека, одновременно является формой телесности человека, формой экзистенции и онтологической формой.

Дом как форма телесности. Человеческое тело, связывая человека как вид с биологическим планом бытия, в силу социально-культурной природы сознания человека не заканчивается кожным покровом. Будучи первичным, изначальным пространством, тело выступает медиатором между биологическим человеком и окружающей его средой. Но таким телом обладает каждое живое существо. Человеческим тело становится, лишь когда биологическое тело, недостаточное для выживания отдельного индивида и даже группы индивидов, достраивается до жизнеспособного организма за счет облачения его в своеобразный скафандр, экзотело, состоящее из жилища и орудий труда. Дом продолжает и расширяет тело человека, создавая его внешние физические границы. Вещи, являющиеся частью дома, продолжают отдельные части тела (топор продолжает руку, очки — глаза, мебель — тело в целом, но в различных его функциональных положениях).

Дом и его вещное наполнение продолжают, дополняют, порой замещают тело и его органы, становятся самими функциями тела. Так Дом становится человеческим телом, тем телом, которое способно не только эффективно действовать, но в котором реализуется главная особенность человеческого существа — его сознание, потенциально заложенное в телесности человека. Но чтобы развернуться из потенциальности в актуальность, реализоваться в форме человеческого способа бытия, «телу нужен дом», считают Ж. Делез и Ф. Гваттари [5, с. 108]. Само понятие «складка», введенное Ж. Делезом в работе 1988 года «Складка. Лейбниц и барокко»,

иллюстрируется через образ дома, где две стороны складки — тело и собственно архитектурное сооружение [6, с. 53].

Один из самых глубоких феноменологических анализов человеческой телесности представлен в работе М. Мерло-Понти «Феноменология восприятия» (1945) [7]. Философско-антропологическое исследование тела предложил М. Фуко, в частности в работе «Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы» (1975) [8]. Тема тела человека в контексте философско-антропологических исследований представлена и в работах современных отечественных авторов, таких как А. Ф. Поломошнов и А. А. Молоканов, М. С. Мирошкин [9; 10].

Так Дом оказывается сущностно необходимым пространством, которое задает форму человеческой экзистенции, определяет его, является основанием его идентичности как вида, выделяя его из живой природы не только биологическими особенностями. Л. Е. Моторина отмечает, что «важнейшей формой пространства, определяющей человека, является Дом, который имеет для человека, пожалуй, главную ценность. Дом — это не мир вообще, а мир человека. Это такое место, где человек является не наблюдателем, а хозяином. В нем все выстроено по образцу и подобию хозяина, соответствует его индивидуальности, его потребностям и мечтам. Дом — это не столько физическое место, сколько культурное и экзистенциальное пространство» [2, с. 47].

Психомоторный опыт телесного приобретает внутри Дома как пространства, взаимодействие с которым происходит непосредственно, без каких-либо технических посредников. Дом — то самое «подручное» пространство, которое М. Хайдеггер определял как ключевое свойство здесь-бытия, *Dasein*, расположенного в мире, подчеркнув тем самым пространственность *Dasein* [1, с. 102–104]. Пространство Дома, наполненного вещами, их конфигурация и функциональность создают материальное тело здесь-бытия.

Дом предстает не только физическим «сверхтелом» человека, в его границах формируется тело символическое, посредством которого человек включается во взаимодействие с обществом, с культурой. Дом, наполненный повседневными траекториями человека, вещами, практиками, смыслами, различными временными планами, привязанными к отдельным местам Дома, создает среду обитания, форму экзистенции конкретного человека, его образ жизни.

Пространство Дома соразмерно человеческому телу, оно телесно, и движение тела по пространству Дома соразмерно темпу размышления, дыхания, пешего движения человека, когда человек успевает осознать каждый жест и поворот в этом движении, а значит, прожить каждое место пространства. Места же этого про-

странства образуют вещи как события — со-бытия человека и его Дома, со-бытия памяти, со-бытия со-творения жизни. Дом без людей больше не дом. Как Дом дает человеку быть, так и человек дает бытие Дому. Об этом много размышляли не только философы. Наибольший вклад в понимание взаимодействия тела человека и его Дома внесли архитекторы начала XX века. В работах Ле Корбюзье, Л. Г. Салливена, Ф. Л. Райта дом (жилое помещение) рассматривается как биомеханическая конструкция, неотделимая от обитающего в нем человека, продолжающая его тело и при этом разворачивающего, открывающего человека в окружающий его мир, будь то город или природный ландшафт, которые, в свою очередь, через Дом вступают в пространство человека [11–13]. О том, как разворачивается человеческая повседневность в окружающем и продолжающем его архитектурном и вещественном окружении, писали Э. Кассирер в работе «Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры» (1944–1945) [14], А. В. Иконников в книге «Искусство. Среда. Время» (1984) [15]. Среди современных исследователей можно отметить работы Ю. А. Скорченко, Э. П. Чернышевой [16; 17].

Дом, таким образом, есть продолжение тела человека, но, и это важно отметить, это большое тело выстраивается не вокруг индивида, а вокруг общности. Примечательно, что Дом появляется в историческом антропогенезе именно на этапе социогенеза. Дом возникает как рукотворное, отделенное от природы местообитание человека и его близких — семьи, рода, общности, связанных изначально кровным родством, а затем общим этосом.

Одновременно вместе с Домом, вероятно, появляется и поселение — местообитание человеческого рода, отличающего его от животного. С появлением поселений у вида Номо появляется социальность, которая и обеспечила трансформацию Номо в Номо Sapiens, человека биологического в человека разумного. На этом этапе возникает то, что отличает человека разумного от живой биоты, окружающей его, а именно возникают сознание (самосознание, саморефлексия), язык (отрыв означаемого и означающего и появления у слов метафорического значения) и рукотворные поселения, состоящие из домов, у которых наблюдается уникальная архитектура. Именно на этом этапе возникает представление о Доме как месте, где обитает человек, месте, благодаря которому только и возможен человек, способный общаться, слагать и передавать истории о событиях в мире и вне его, где живут свои и который надо защищать от чужих, будь то животные, другие люди или боги.

Более того, эти «другие люди» идентифицируются не просто как враг, чуждый, но и как люди, враждебно настроенные, опасные, однако люди, потому что у них также есть дом. У зверя дома нет, нет рукотворных поселений, которые, что очень важно для отличия дома человека от обиталища животного, выполняют не только роль убежища и хранилища припасов, но и населены смыслами, памятью, историей, материализованными там в вещах, зафиксированными в традициях и ритуальных практиках, в том, что определяет этос Дома, этос обитающей в Доме общности.

Даже зверь, поселенный в дом, перестает быть только зверем, он становится частью человеческого окружения, партнером в охоте, гарантом жизни и источником благосостояния и уюта. Даже богу человек строит дом (храм), чтобы создать место, где можно в размерности человека и на доступных человеку языках с богом говорить и взаимодействовать. Дом человека есть то место, которое делает человека человеком. Дом дает телу человека жизнеспособное продолжение. Дом позволяет объединить общим этосом своих. Дом отделяет, прячет телесную и душевную жизнь обитателей дома от пристального регламентирующего взгляда социума, государства, власти, создавая мир приватной интимности, что наглядно показано в работах В. В. Костецкого и Л. В. Чесноковой [18; 19].

Дом удерживает идентичность человека на протяжении всей его жизни, несмотря на любые психические и физические метаморфозы и трансформации. Идентичность, построенная вокруг Дома на основании этоса, наиболее устойчива и менее подвержена внешним воздействиям и краткосрочным переменам. В отличие от идентичности по крови, роду, нации, расе, построенной либо на биологической, либо на социально-политической основе по принципу исключения непохожего или унификации включенных, идентичность, основанием которой является общность Дома, способна объединять разное, включать других по роду, крови, культуре, но принадлежащих (или принимающих) общий этос, говорящих на общем ценностном языке (порой просто на общем языке), а значит, способных обитать в общем Доме.

Дом как форма экзистенции. Границы Дома — изначальные границы бытия человека, определяющие форму его экзистенции. Дом одновременно отделяет человека от неподвластного ему мира внешнего (природа, общество, государство, технологии) и в то же время является пространством, где случается со-бытие человека (общности) и мира (общества), я и другого, экзистенции и трансценденции. Осознание границ дома есть первый шаг к осознанию «последних границ бытия», о которых писал Ясперс, имея в виду

«смерть, случай, страдание, вину» [20, с. 38]. Осознание и переживание этих границ есть экзистенция, как ее определял Ясперс, «действительное бытие самости» [20, с. 38]. Готовность к встрече с этими границами обеспечивается первоначальным осознанием границ своего пространства бытия, обретением собственных оснований и границ.

Дом позволяет границы экзистенции («зоны онтологической проблематизированности», по П. И. Тищенко [21]) интегрировать в форму пространства человеческого бытия, а значит, обеспечить осознание этих границ, понимание их и принятие как границ именно моего человеческого бытия. Трагичность и болезненность осознания конечности, смертности индивидуального человека частично снимается тем, что осознание это происходит внутри дома, где индивидуальное бытие встроено в бытие общности, материализуется в физическом доме, делящимся куда больше отдельной человеческой жизни. Включенность в общность тех, кто обитает в Доме, разделяя не только общее пространство, но и общий этос, историю, смыслы, ценности, достраивает неполноту индивида до субъекта, до личности, обладающей самостоянием именно за счет включенности в общность и укорененности в этосе этой общности, в ее общем пространстве (понятие и сущность этоса рассмотрена в ряде статей автора [22; 23]). Это уже не конечный индивид, но самостоятельный субъект, способный на взаимодействие в культурном, социальном пространстве, где конечность человека как индивида расширяется до сроков бытия цивилизации и всего человечества. Дом и его обитатели, таким образом, есть тот субъект, который способен принять свою конечность и при этом не ужаснуться ей, а ответить ей творением бытия.

Возникновение подобного субъекта-общности возможно лишь в пространстве Дома. В человеческой повседневности Дом — это пространство со своими ясно осознаваемыми, осязаемыми границами, в котором такие экзистенциалы, как уместность, близость, отзывчивость, подручность, доверие, определяют то, что человек называет «своим», «близким». Обратное же идентифицируется как «другое», «чужое», «чуждое». При этом предельная степень «другого», а именно «чужое», идентифицируется не просто как нечто или некто отличный, но неуместный, несовместный с пространством собственного бытия, с пространством Дома, т. е. имеющий иную онтологию или иные основания и формы, как тот, чей этос несовместим с моим. С чужим невозможно со-бытие, с ним нет общего этоса, ему нет доверия, прежде чем не возникнет некое общее с ним пространство, прежде чем чужой станет гостем в «моем доме»

(тема своего и чужого в пространстве Дома хорошо представлена в статье А. И. Пигалева [24]). Тот, с кем я не могу обитать в едином пространстве, чужд мне экзистенциально, и эта чужеродность определяется еще до того, как будет предпринята попытка взаимодействия или взаимопонимания, определяется на уровне повседневного, бытового, бессознательного, интуитивного: чужой неуместен в моем пространстве, в моем Доме.

При этом Дом не оказывается непреодолимым барьером между «своим» и «чужим», так как у того, у кого есть Дом, тот — человек, пусть и чужой, даже враждебный, но он тот, с кем принципиально возможно понимание и взаимодействие, и именно в силу того, что он человек, а человек он, так как у него есть Дом. Расчеловечивание как основа любого геноцида, подавления, объективации, допустимой при иных сущностных признаках человечности (сознание, разум, тело, раса), нереализуемо, если таким предельным основанием является Дом.

Впрочем, возникает закономерный вопрос, насколько разрушение, тем более сознательное, своего Дома, отрицание возможности Дома, свойственное современному кочевнику, в том числе цифровому (термин введен в книге Ц. Макимото и Д. Маннерса «*Digital Nomad*» (1997) [25], есть путь к саморасчеловечиванию, что так же обосновывает актуальность понимания Дома как сущностной формы человеческого бытия.

Осознание своих границ человеком, обладающим самостоянием и укорененностью в этосе его общности, человеком, у которого есть Дом, его пространство бытия, ведет этого человека за пределы его Дома, к преодолению (но не отрицанию, не разрушению) его границ. Там, по ту сторону своего Дома, в пути, где он встречается другого, он творит (творит не один, но вместе с другим, значит сотворяет) новое пространство, новую общность, новый этос. Через понимание человек творит обитаемый мир, мир человеческих, раскрывая те возможности бытия, которые без человека и вне человека раскрыты быть не могли, раскрывая замысел о бытии, придавая ему форму дома, тела, вещи, укореняя в этосе — ценностях, традициях, культурных и повседневных практиках [26].

Границы дома полагают «я» и «другой», «свое» и «чужое». Эта граница не отделяет «я» от «другого», человека от мира, но, напротив, ставит условие реализации сущностной интенциональности человеческого бытия, предлагает выйти за нее для встречи с другим или пригласить другого быть гостем или даже обитателем Дома. Осознание своих границ, своей конечности возможно только в акте восхождения к трансцендентному, будь то абсолютное

трансцендентное, Бог, или трансцендентное малое — другой, когда преодолеваются границы, но не отрицаются, а осознаются и сознательно расширяются в направлении внешнего и трансцендентного — космоса и Бога.

Дом как онтологическая форма. Пространственность Dasein Хайдеггер описывал как место, где встречается «четверица»: небесное и земное, божественное и смертное, о чем он пишет в поздней работе «Вещь» (1950) [27]. Со-бытие разворачивается в пространстве бытия человека (пространство его экзистенции), и это событие, в котором проявляется онтология человека (сущностная основа). Такая топологичность Dasein связывает бытие человека со всеми уровнями и планами бытия, формулируя не только вопрос о границах человеческого бытия, о его месте, основаниях, но о соположенности пространства бытия человека и мира «четверицы».

Таким образом, Дом есть не просто одна из форм пространства, но некий фокус, связывающий в единичной экзистенции все уровни биологического природного начала, антропного пространства и трансцендентной сферы. Более того, именно через Дом, через его границу, человек получает возможность восхождения к трансцендентному. Дом оказывается отнюдь не только формой экзистенции, но и онтологической формой. Именно такое понимание мира, где все уровни бытия подобны друг другу и связаны, было характерно для мифологического сознания древнего человека, но было утрачено человеком цивилизованным и рациональным. Не удивительно, что Хайдеггер, обращаясь к теме Dasein, определял его пространство на основе анализа античного представления о бытии.

А. С. Гагарин в статье «Феноменологическая топика: смысловое пространство экзистенциалов человеческого бытия» [28], исследуя топологию античности, указывает на то, что само сознание древнего грека воспринимало мир как ряд фор, имеющих свои границы, взаимосвязанных отношением подобия и иерархии, человек же бытийствует в пространственном балансе микро- и макрокосма [28, с. 20–21].

Тождество макро- и микрокосма лежит в основе интерпретации античного мировоззрения А. Ф. Лосева, представленного в его многотомном труде «История античной эстетики» [29]. Следуя интерпретации А. Ф. Лосева, ойкос — это не просто дом или хозяйство. Ойкос имеет несколько размерностей, соотносящих его с разными уровнями бытия. Онтологическая его размерность проявляется в том, что это первично освоенное, упорядоченное пространство, «свой мир», противопоставленный хаосу. В этом же пространстве

человек включен в его ближайший круг, в общность, которая управляется хозяйством, продолжает род, выстраивает свой этос, основания которого — равно законы рода и законы природы, необходимость подчинения которым есть залог существования общности. При этом сам по себе ойкос не может существовать вне более сложной формы — полиса, который и есть основная форма очеловечивания пространства. Сам полис при этом есть подобие космоса, который понимается античными греками, в отличие от современной механистической его картины, как живая, материальная, конечная, эстетически совершенная форма бытия. Лосев писал, что античный космос — материально-телесный, одушевленный и разумный универсум, который сам в себе содержит все свои порождения и который есть абсолютная и окончательная реальность, данная нам в нашем живом и непосредственном опыте. Это иерархически организованное целое, где все части пронизаны единым смыслом и выражают собой то или иное положение единого и общего, вечно пребывающего и вечно подвижного, живого и одушевленного тела [30]. Эта модель находит современную реализацию в понимании необходимости взгляда на мир людей как на экосистему, в которой человек вступает в равноправные отношения с нечеловеческим космосом, в процессе со-творчества с ним создавая новое, антропное пространство, а не воспринимает его как ресурс и сырье для своего благополучия. Об этом пишет Д. В. Соломко в статье «Человек и его мир как экосистема» [31]. Представление о бытии человека как о бытии в пространстве Дома есть ответ на вызовы современности.

В пространстве Дома встречаются человек и бог, временное и вечное, повседневное и сакральное, живое и вещное; это место, где все эти аспекты взаимодействуют и со-творяют со-бытие.

Именно в пространстве Дома человек получает ту самую связь с миром (с социальным пространством города, физическим пространством природы, вовлеченной в культурную деятельность человека, и пространством трансцендентного), которая необходима для реализации онтологического взгляда на человека и его экзистенцию. Можно вслед за Хайдеггером рассматривать человека как «просвет бытия» [1], но сам по себе, оторванный от мира, он не выдерживает эту роль, как не получается приравнять онтологию и антропологию.

Дом — органичная, если не базовая часть онтологического ландшафта, где разворачивается бытие человека. Через призму феномена Дома возможно реализовать тот самый антропологический поворот, который, будучи заявленным в XX веке, так и не смог полностью реализоваться и который резонировал с поворотом онто-

логическим, который также не был реализован в полной мере. Онтологическое понимание человеческого существования возможно, если человек предстает не сам по себе, а как человек, обитающий в Доме, где Дом есть бытие, обретшее пространство, место соединения всех уровней антропного пространства, всех сфер бытия.

В. Подорога в книге «Выражение и смысл» (1995) [32], обращаясь к философии М. Хайдеггера, справедливо отмечает, что «в силу своей “конечности” человек не может считаться “избранником” бытия, неким центром или средостением всех мировых путей; следует вернуться к осмыслению того, что человек живет на земле, и, следовательно, к осмыслению того, что не абстрактное, технически-организованное пространство во всей колоссальности его космического свершения будет определять дальнейшую судьбу человека, а то, от которого он неотделим, — пространство жизни. И тогда быть на земле — это быть человеком» [32, с. 261]. Можно усилить тезис: быть человеком — это быть на земле, в мире, творя пространство своей экзистенции, свой Дом, вне и без которого разрушается связь всех уровней бытия, рушится все архитектура антропного пространства. Без Дома нет связи таких форм, как тело, дом, город, космос.

Как видится, модель античного антропного пространства не утратила актуальность, особенно когда речь идет о том, что современный человек сущностно нуждается в основании и границах своего бытия, чтобы вновь обрести себя как человека, соединив все формы своего существования — от биологического тела до сферы трансцендентного, утраченного в процессе освобождения, развития, деконструкции и саморазвития — произошедших с ним на протяжении всех эпохи модерна и постмодерна.

Дом — мост от телесного к трансцендентному. К исходу эпохи модерна, утратив такие основания, как Бог, разум, человек все еще сохраняет Дом в качестве места бытия человека, как единственное пространство экзистенции. И даже если допустить, что разум, сознание, даже тело, больше не определяет человека, пространство его экзистенции, проживаемое им в чувственном опыте повседневности, сохраняет то, что определяет его как человека. Закономерным видится вопрос, что останется предельным основанием человека, если будет разрушен его Дом, не только и не столько Дом физический, но и сам феномен Дома как пространства, где открывается смысл бытия? И что происходит с тем пространством, откуда исключается человек?

Во всех интерпретациях экзистенции, будь то Г. Марсель, К. Ясперс, Н. Аббаньяно, М. Мамардашвили [34–36], Я экзистиру-

ет вне себя, в будущее, к другому, и далее, за рамки природного, к трансцендентному. То есть сущность экзистенции есть восхождение, преодоление своих границ. И только так могут быть созданы те смыслы, которые, наполняя Дом, будут сохранять во времени сотворившего их человека.

Безусловно, не каждому человеку такое восхождение, а значит обретение Дома в бытии, обретения бытием Дома, доступно. «Эмпирический человек», которого М. Мамардашвили противопоставляет «человеку онтологическому» [36], индивид, биологическая единица, сводимая к собственному телу и его функциям, лишен такой возможности. С. Хоружий в работе «К феноменологии аскезы» (1998) пишет, что эмпирический человек — случаен, так же как случайна конечная вещь, как случаен эмпирический факт [37]. Человек обретает свою подлинную сущность, лишь становясь онтологическим, неслучайным, достраивая свою конечность до бесконечности в строительстве сферы бытия через интенцию к тому, что выше человеческой бытийственности, — к Богу.

Дом как пространство экзистенции позволяет человеку открыться миру через само творение Дома, через повседневное проживание, разворачивающееся в границах этого «своего мира». М. Шелер в работе «Положение человека в космосе» (1928) [38], указывая на творчество как на сущностную ценность, отмечал, что в творчестве проявляется свобода человека, его готовность вступить в пространство вне его Дома, в пространство иного, чужого, преобразовав его через понимание в пространство человеческого бытия [3, с. 167].

Дом есть одновременно пространство творения человека, не как феномена, но каждого отдельного индивида, и одновременно Дом есть творение человека, результата приложения его творческой природы, подтверждающей идею Н. А. Бердяева, высказанную в книге «О назначении человека. Опыт парадоксальной этики» (1934), что творение бытия все еще длится и человек — его активный участник и продолжатель [38]. Творя свой мир, продолжающий его тело, являющийся основанием продолжения и передачи человеческой сущности бытия, уподобляя его космосу через строительство города, человек, по мнению Бердяева, реализует свое предназначение, заложенное в него творением человека по образу и подобию Божию. Творя свой Дом, свой малый мир, человек отвечает Богу на его акт творения мира большего, космоса. Создавая пространство человеческого бытия, человек одомашнивает сотворенный Богом космос, продолжая творение природного пространства творением пространства антропного.

Важным видится то, что Бердяев призывает преодолеть объективацию мира, приведшую к отчуждению человека, его изоляции как венца творения и носителя познающего разума от сведенного до безмолвного инструментального объекта всего, что его окружает (не только неодушевленного мира, но и других людей). Так, возведя себя на вершину субъектности, человек рискует утратить не только мир, но и себя, ибо без мира, своего мира, своего Дома, сам утрачивает свое сущностное основание, утрачивает саму возможность восхождения к трансцендентному, а значит, реализации смысла своего бытия.

В. Подорога справедливо пишет, что «следует вернуться к осмыслению того, что человек живет на земле, и, следовательно, к осмыслению того, что не абстрактное, технически организованное пространство во всей колоссальности его космического свершения будет определять дальнейшую судьбу человека, а то, от которого он неотделим, — пространство жизни. И тогда быть на земле — это быть человеком» [32, с. 261].

Заключение. Человек представляет собой открытую систему, но то обитаемое пространство, которое он творит, есть сфера, геометрия (топика), которая существенно отличается от системы. В сфере человек получает свою целостность и завершенность, но завершенность не имманентную, не «из себя», а трансцендентную, через дополнение себя другими людьми, вещами, смыслами; они наполняют сферы бытия, прообразом которой является Дом. Предельный Другой, который дополняет человека до целостности и полноты самостояния, — Абсолют, Бог, предел человеческой сферы бытия, сфера высшая, внешняя, недостижимая, но близкая, окормляющая пределы сферы человеческой.

Дом как форма телесности продолжает биологическое человеческое тело, превращаясь во внешнее воплощение габитуса. Дом есть форма экзистенции, пространство встречи Я и Другого, пространство, где рождается этос общности, и одновременно барьер, защищающий «мой / наш мир» от мира внешнего. Посредством Дома и благодаря ему человеку посылно принять свою конечность, будучи включенным в длительность рода и культуры. Дом есть онтологическая форма, пространство, где встречаются небесное и земное, божественное и смертное, фокус, связывающий в единичной экзистенции все уровни бытия.

Путь от телесного к трансцендентному лежит через творение и обитание в Доме как пространстве бытия. Утрата Дома как смыслового и пространственного центра рассматривается как путь к саморасчеловечиванию, в то время как его обретение и осмысление

предстает ключом к преодолению фрагментации современного человеческого опыта и ответом на вызовы антропологического кризиса. Цель статьи — показать, что Дом является не просто объектом исследования, но онтологическим условием возможности самого человеческого существования, а его феноменологический анализ открывает путь к новой антропологии, укорененной в пространстве экзистенции.

Творение обитаемого пространства, обитание в нем — драматично, ибо требует выхода на границу, акта понимания, восхождения. Иначе обывательская рутина, регламентированная модой и социальными стандартами (габитусом), ничем не отличается от того существования, которое ведет безликий индивид. Дом есть труд и дар подлинного бытия человека. Не каждому дано Дом создать, ни в физическом, ни в онтологическом (метафизическом) его понимании. Дом есть пространство бытия, а не проживания. Пространство проживания — это жилая площадь со спальными местами и местами для приема пищи. Дом есть сфера бытия со своим временем и пространством, для которой можно создать свои карты, историю, со своей уникальной этикой и эстетикой, задающими форму бытия общности.

Список источников

1. Хайдеггер М. Бытие и время = *Sein und Zeit* / пер. с нем. и примеч. В. В. Бибихина. М.: Ad Marginem, 1997. 452 с.
2. Моторина Л. Е. Человек как антропологическая целостность: методология исследования // Вестник Финансового университета. Гуманитарные науки. 2018. № 4. С.44–49.
3. Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем. А. В. Денежкина, А. Н. Малинкина, А. Ф. Филипова; под ред. А. В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994. 490 с.
4. Бурлуцкий А. Н., Келеберда Н. Г., Левин В. М. Человек и его сущность в феноменологической концепции М. Шелера // Философия права. 2017. № 2 (81). С. 47–51.
5. Делёз Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? / пер. с фр. и послесл. С. Зенкина. М.: Академический проект, 2009. 261 с.
6. Делёз Ж. Складка. Лейбниц и барокко / пер. с франц. Б. М. Скуратова. М.: Логос, 1997. 264 с.
7. Мело-Понти М. Феноменология восприятия / пер. с франц. под ред. И. С. Вдовиной, С. Л. Фокина. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 607 с.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / пер. с фр. В. Наумова; под ред. И. Борисовой. М.: Ad Marginem, 1999. 480 с.
9. Поломошнов А. Ф., Молоканов А. А. Постмодернистская ревизия традиционной телесности // Общество: философия, история, культура. 2023. № 1. С. 40–46. DOI: 10.24158/fik.2023.1.5

10. Мирошкин М. С. Символическая экономика бессознательного измерения человеческого тела: историко-философский анализ // Современные философские исследования. 2024. № 2. С. 23–34. DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-23-34.
11. Ле Корбюзье. Модульор. М.: Стройиздат, 1976. 239 с.
12. Ле Корбюзье. Новый дух в архитектуре. М.: Strelka Press, 2017. 115 с.
13. Мастера архитектуры об архитектуре. М., 1972. 688 с.
14. Кассирер Э. Избранное. Опыт о человеке. М.: Гардарика, 1998. 784 с.
15. Иконников А. В. Искусство. Среда. Время: (Эстетическая организация городской среды). М.: Советский художник, 1984. 336 с.
16. Скорченко Ю. А. Социология архитектуры: актуальные акциденты // Основы экономики, управления и права. 2023. № 1 (36). С. 26–32. DOI: 10.51608/23058641_2023_1_26.
17. Чернышова Э. П. Архитектура как материально-пространственная среда // Общество. Среда. Развитие. 2023. № 1. С. 133–138. DOI: 10.53115/19975996_2023_01_133-138.
18. Костецкий В. В. Философская поэтика дома // Основы экономики, управления и права. 2023. № 2 (37). С. 25–35. DOI: 10.51608/23058641_2023_2_25.
19. Чеснокова Л. В. Дом как «третья кожа»: локальные практики приватности // Вестник Омского университета. 2023. Т. 28. № 4. С. 71–76. DOI: 10.24147/1812-3996.2023.28(4).71-76.
20. Ясперс К. Общая психопатология. М.: Практика, 1997. 1053 с.
21. Тищенко П. Д. Человек как открытая целостность: the whole is a hole // Человек как открытая целостность. 2022. № 1. С. 286–294.
22. Разова Е. Л. Проблема определения понятия «этос». Философский аспект // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2023. № 3 (40). С. 43–49. DOI: 10.36809/2309-9380-2023-40-43-49.
23. Разова Е. Л. Этос. Социальные аспекты антропологического феномена // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2024. № 1 (42). С. 49–55. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-42-49-55.
24. Пигалев А. И. Свое и чужое в контексте философии позднего Хайдеггера // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2023. Т. 27. № 2. С. 406–420. DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-2-406-420.
25. Makimoto T., Manners D. Digital Nomad. Chichester, England; New York, USA: John Wiley & Sons, 1997. 246 p.
26. Разова Е. Л. Границы и основания пространства человеческого в нечеловеческом мире человека // Человек. Культура. Образование. 2023. № 4. С. 88–111. DOI: 10.34130/2233-1277-2023-4-88.
27. Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления : пер. с нем. М.: Республика, 1993. 447 с.

28. Гагарин А. С. Феноменологическая топика: смысложизненное пространство экзистенциалов человеческого бытия // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2009. Вып. 9. С. 7–26.

29. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000. — с.

30. Лосев А. Ф. Бытие — Имя — Космос. М.: Мысль, 1993. 958 с.

31. Соломко Д. В. Человек и его мир как экосистема // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 4 (474). С. 30–36. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-474-4-30-36.

32. Подорога В. Выражение и смысл. М.: Ad Marginem, 1995. 427 с.

33. Марсель Г. Быть или иметь / пер. с фр. С. Полонской. Новочеркасск: САГУНА, 1994. 160 с.

34. Ясперс К. Философия. Книга вторая. Просветление экзистенции / пер. с нем. А. К. Судакова. М.: Канон+, Реабилитация, 2012. 448 с.

35. Аббаньяно Н. Структура экзистенции. Введение в экзистенциализм. Позитивный экзистенциализм и другие работы / пер. с итал. А. Л. Зорина. СПб.: Алетейя, 1998. 507 с.

36. Мамардашвили М. К. Необходимость себя. Введение в философию: Доклады, статьи, философские заметки. М.: Лабиринт, 1996. 431 с.

37. Хоружий С. С. К феноменологии аскезы. М.: Изд-во гуманитарной литературы, 1998. 352 с.

38. Бердяев Н. А. О назначении человека. М.: Республика, 1993. 383 с.

References

1. Heidegger M. *Bytie i vremya* = Sein und Zeit [Being and Time]. Per. s nem. i primech. V. V. Bibihina. Moscow: Ad Marginem, 1997. 452 p. (In Russ.)

2. Motorina L. E. Man as an anthropological integrity: research methodology. *Vestnik Finansovogo universiteta. Gumanitarnye nauki* [Bulletin of the Financial University. Humanities], 2018, no 4, pp. 44–49. (In Russ.)

3. Scheler M. *Izbrannyye proizvedeniya* [Selected Works]. Per. s nem. A. V. Denezhkina, A. N. Malinkina, A. F. Fillipova; pod red. A. V. Denezhkina. Moscow: Gnozis, 1994. 490 p. (In Russ.)

4. Burluckij A. N., Keleberda N. G., Levin V. M. Man and his essence in the phenomenological concept of M. Scheler. *Filosofiya prava* [Philosophy of Law], 2017, no 2 (81), pp. 47–51. (In Russ.)

5. Deleuze G., Guattari F. *Chto takoe filosofiya?* [What is Philosophy?]. Per. s fr. i poslel. S. Zenkina. Moscow: Akademicheskij Proekt, 2009. 261 p. (In Russ.)

6. Deleuze G. *Skladka. Lejbnic i barokko* [The Fold: Leibniz and the Baroque]. Per. s fr. B. M. Skuratova. Moscow: Logos, 1997. 264 p. (In Russ.)

7. Merleau-Ponty M. *Fenomenologiya vospriyatiya* [Phenomenology of Perception]. Per. s fr. pod red. I. S. Vdovinoj, S. L. Fokina. Saint Petersburg: Yuventa, Nauka, 1999. 607 p. (In Russ.)

8. Foucault M. *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Per. s frantsuzskogo Vladimira Naumova; pod. redatsiej Iriny Borisovoj. Moscow: Ad Marginem, 1999. 480 p. (In Russ.)

9. Polomoshnov A. F., Molokanov A. A. Postmodern revision of traditional physicality. *Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2023, no 1, pp. 40–46. DOI: 10.24158/fik.2023.1.5 (In Russ.)

10. Miroshkin M. S. Symbolic economy of the unconscious dimension of the human body: a historical and philosophical analysis. *Sovremennye filosofskie issledovaniya* [Modern Philosophical Research], 2024, no 2, pp. 23–34. DOI: 10.18384/2949-5148-2024-2-23-34. (In Russ.)

11. Le Corbusier. *Modulor* [Modulor]. Moscow: Stroizdat, 1976. 239 p. (In Russ.)

12. Le Corbusier. *Novyj duh v arhitekture* [Towards a New Architecture]. Moscow: Strelka Press, 2017. 115 p. (In Russ.)

13. *Mastera arhitektury ob arhitekture* [Masters of architecture on architecture]. Moscow, 1972. 688 p. (In Russ.)

14. Cassirer E. *Izbrannoe. Opyt o cheloveke* [Selected Works. An Essay on Man]. Moscow: Gardarika, 1998. 784 p. (In Russ.)

15. Ikonnikov A.V. *Iskusstvo. Sreda. Vremya. (Esteticheskaya organizatsiya gorodskoj sredy)* [Art. Environment. Time: (Aesthetic organization of the urban environment)]. Moscow: Sovetskij hudozhnik, 1984. 336 p. (In Russ.)

16. Skorchenko Yu. A. Sociology of architecture: relevant accidents. *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava* [Fundamentals of Economics, Management and Law], 2023, no 1 (36), pp. 26–32. DOI: 10.51608/23058641_2023_1_26 (In Russ.)

17. Chernyshova E. P. Architecture as a material and spatial environment. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], 2023, no 1, pp. 133–138. DOI: 10.53115/19975996_2023_01_133-138 (In Russ.)

18. Kosteckij V. V. Philosophical poetics of the house. *Osnovy ekonomiki, upravleniya i prava* [Fundamentals of Economics, Management and Law], 2023, no 2 (37), pp. 25–35. DOI: 10.51608/23058641_2023_2_25. (In Russ.)

19. Chesnokova L. V. Home as a “third skin”: local practices of privacy. *Vestnik Omskogo universiteta* [Bulletin of Omsk University], 2023, vol. 28, no 4, pp. 71–76. DOI: 10.24147/1812-3996.2023.28(4).71-76. (In Russ.)

20. Jaspers K. *Obshchaya psihopatologiya* [General Psychopathology]. Moscow: Praktika, 1997. 1053 p. (In Russ.)

21. Tishchenko P. D. Man as an open integrity: the whole is a hole. *Chelovek kak otkrytaya tselostnost'* [Man as an open integrity], 2022, no 1, pp. 286–294. (In Russ.)

22. Razova E. L. The problem of defining the concept of “ethos”. Philosophical aspect. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanities Research], 2023, no 3 (40), pp. 43–49. DOI: 10.36809/2309-9380-2023-40-43-49. (In Russ.)

23. Razova E. L. Ethos. Social aspects of the anthropological phenomenon. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Bulletin of Omsk State Pedagogical University. Humanities Research], 2024, no 1 (42), pp. 49–55. DOI: 10.36809/2309-9380-2024-42-49-55. (In Russ.)

24. Pigalev A. I. One's own and the alien in the context of the philosophy of the late Heidegger. *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Russian University of Peoples' Friendship. Series: Philosophy], 2023, vol. 27, no 2, pp. 406–420. DOI: 10.22363/2313-2302-2023-27-2-406-420. (In Russ.)

25. Makimoto T., Manners D. *Digital Nomad*. Chichester, England; New York, USA: John Wiley & Sons, 1997. 246 p.

26. Razova E. L. Boundaries and foundations of human space in the inhuman world of man. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* [Human. Culture. Education], 2023, no 4, pp. 88–111. DOI: 10.34130/2233-1277-2023-4-88. (In Russ.)

27. Heidegger M. *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya* [Time and Being: Articles and Speeches]. Per. s nem. Moscow: Respublika, 1993. 447 p. (In Russ.)

28. Gagarin A. S. Phenomenological topic: the vital space of the existentials of human being. *Nauchnyj ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossijskoj akademii nauk* [Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences], 2009, iss. 9, pp. 7–26. (In Russ.)

29. Losev A. F. *Istoriya antichnoj estetiki. Aristotel' i pozdnyaya klassika* [History of Ancient Aesthetics. Aristotle and the Late Classics]. Moscow: ACT; Har'kov: Folio, 2000. (In Russ.)

30. Losev A. F. *Bytie — Imya — Kosmos* [Being — Name — Cosmos]. Moscow: Mysl', 1993. 958 p. (In Russ.)

31. Solomko D. V. Man and his world as an ecosystem. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University], 2023, no 4 (474), pp. 30–36. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-474-4-30-36. (In Russ.)

32. Podoroga V. *Vyrazhenie i smysl* [Expression and Meaning]. Moscow: Ad Marginem, 1995. 427 p. (In Russ.)

33. Marcel G. *Byt' ili imet'* [Being and Having]. Per. s fr. S. Polonskoj. Novocherkassk: Agentstvo SAGUNA, 1994. 160 p. (In Russ.)

34. Jaspers K. *Filosofiya. Kniga vtoraya. Prosvechtenie ekzistentsii* [Philosophy. Vol. 2. Existential Elucidation]. Per. s nem. A.K. Sudakova. Moscow: «Kanon+» ROOI «Reabilitatsiya», 2012. 448 p. (In Russ.)

35. Abbagnano N. *Struktura ekzistentsii. Vvedenie v ekzistentsializm. Pozitivnyj ekzistentsializm i drugie raboty* [The Structure of Existence. Introduction to Existentialism. Positive Existentialism and Other Works]. Per. s it. A. L. Zorina. Saint Petersburg: «Aletejya», 1998. 507 p. (In Russ.)

36. Mamardashvili M. K. *Neobhodimost' sebya. Vvedenie v filosofiyu: Doklady, stat'i, filosofskie zametki* [The Necessity of Oneself. Introduction to Philosophy:

Reports, Articles, Philosophical Notes]. Sost. i obshch. red. Yu. P. Senokosova. Moscow: Labirint, 1996. 431 p. (In Russ.)

37. Horuzhij S. S. *K fenomenologii askesy* [Towards a Phenomenology of Asceticism]. Moscow: Izdatel'stvo gumanitarnoj literatury, 1998. 352 p. (In Russ.)

38. Berdyaev N. A. *O naznachenii cheloveka* [On the Destiny of Man]. Moscow: Respublika, 1993. 383 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Разова Елена Леонидовна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, Гродненский государственный университет имени Янки Купалы (230023, Республика Беларусь, Гродно, ул. Ожешко, 22)

Information about the author

Alena L. Razava, Candidate of Philosophy, Associate Professor, Associate Professor at Department of Philosophy, Yanka Kupala State University of Grodno (22, Ozheshko Str., Grodno, 230023, Belarus)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 29.08.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 23.09.2025

Принята к публикации / Accepted for publication 25.09.2025

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ, ИСКУССТВА

Научная статья / Article

УДК 378.017.94

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-69>

Личность А. Я. Флиера и его роль в становлении российского культурологического образования: к 75-летию со дня рождения¹

Галина Михайловна Казакова

Сыктывкарский государственный университет
имени Питирима Сорокина, Сыктывкар, Россия
kazakovagm@mail.ru

***Аннотация.** В статье дается анализ организационной, идеологической, педагогической деятельности профессора Андрея Яковлевича Флиера, направленной на становление и развитие нового направления гуманитаристики — культурологического образования в целом и российского в частности. Впервые анализируется вклад Высшей школы культурологии как одной из первых отечественных культурологических институций в формировании сущностной и рамочной функций науки культурологии. На основе*

© Казакова Г. М., 2025

¹ Идеи статьи представлены в докладе на II Международной конференции и круглом столе «У истоков культурологии: предтечи и основоположники» РГПУ им. А. И. Герцена в партнерстве с Институтом культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачева (г. Санкт-Петербург — Москва), 21–22 ноября 2025 г. Конференция приурочена к 130-летию со дня рождения М. М. Бахтина, к 125-летию Л. Э. Уайта, к 110-летию А. И. Арнольдова, к 95-летию Э. С. Маркаряна и С. Н. Иконниковой, к 75-летию А. Я. Флиера.

историко-библиографического и биографо-культурологического методов анализируется участие А. Я. Флиера в динамике становления культурологического профессионального сообщества с позиций складывания общих и отраслевых нравственно-этических принципов в контексте запросов динамичной исторической эпохи. Формулируется и обосновывается перечень профессиональных компетенций культуролога, как их интерпретировал профессор А. Я. Флиер. В качестве теоретической базы используются первоисточники: публикации самого А. Я. Флиера, а также программные материалы на страницах официального сайта Высшей школы культурологии.

Ключевые слова: А. Я. Флиер, культурологическое образование, Высшая школа культурологии, нравственный этос культуролога, профессиональные компетенции культуролога

Для цитирования: Казакова Г. М. Личность А. Я. Флиера и его роль в становлении российского культурологического образования: к 75-летию со дня рождения // Человек. Культура. Образование. 2025. № 4. С. 69–81. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-69>

The personality of A. Ya. Flier and his role in the development of Russian cultural studies education: on the 75th anniversary of his birth

Galina M. Kazakova

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia
kazakovagm@mail.ru

Abstract. *The article provides the analysis of the organizational, ideological, and pedagogical activities of Professor Andrey Yakovlevich Flier, which were aimed at the formation and development of a new field of humanities studies: cultural studies education in general and Russian cultural studies education in particular. For the first time, the article analyzes the contribution of the Higher School of Cultural Studies, as one of the first Russian cultural studies institutions, to the formation of the essential and framework functions of cultural studies science. Based on the historical-bibliographic and biographical-cultural methods, the article analyzes A. Ya. Flier's participation in the dynamics of the formation of the cultural studies professional community from the perspective of the development of general and sectoral moral and ethical principles in the context of the demands of a dynamic historical era. The article formulates and justifies a list of the professional competencies of a cultural studies specialist, as interpreted by Professor A. Ya. Flier. The article uses primary sources, including A. Ya. Flier's own publications and program materials, as its theoretical basis materials on the official website of the Higher School of Cultural Studies.*

Keywords: *A. Ya. Flier, Cultural Studies Education, Higher School of Cultural Studies, Moral Ethos of a Cultural Studies Specialist, Professional Competencies of a Cultural Studies Specialist*

For citation: Kazakova G. M. The personality of A. Ya. Flier and his role in the development of Russian cultural studies education: on the 75th anniversary of his birth. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2025; 4: 69–81. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-69>

Введение. В августе 2025 г. научный мир понес невосполнимую утрату — не стало Андрея Яковлевича Флиера, доктора философских наук, профессора, академика Международной академии информатизации и Российской гуманитарной академии, основателя и директора Высшей школы культурологии (1999–2009 гг.), одного из авторов СГУ им. Питирима Сорокина [1].

В этом году, 14 ноября, ему исполнилось бы 75 лет. Дата его рождения — возможность отдать дань памяти великому ученому и столь же великому в своих личностных качествах человеку, наставнику, Учителю.

Методы исследования, теоретическая база. В основе статьи лежит историко-библиографический и биографо-культурологический методы. Первый дает возможность восстановить биографию исследователя в контексте историзма того времени, в которое он жил и творил; второй — дать оценочные суждения о вкладе А. Я. Флиера на каждом этапе его профессиональной деятельности в становление культурологического образования. В качестве теоретической базы используются первоисточники: публикации самого А. Я. Флиера на страницах официального сайта Высшей школы культурологии, которые содержат программные заявления по миссии и смыслонаполнению российской культурологической школы.

Результаты исследования и их обсуждение

А. Я. Флиер: путь в культурологию. Андрей Яковлевич родился в семье известного пианиста, педагога Якова Владимировича Флиера (среди его учеников были Р. Щедрин, М. Плетнев и др.). Личность отца, человека открытого, страстного, талантливого, великодушного, но с драматичной судьбой, отразилась и в характере самого Андрея Яковлевича. Он не пошел по стопам отца, а стал историком-этнографом. Затем А. Я. Флиер много лет проработал в НИИ теории и истории архитектуры, исследуя средневековое зодчество и древнейший этап зарождения строительной деятельности первобытных людей. Это стимулировало интерес ученого к теме зарождения культуры как таковой (культурогенезу) и более

общим вопросам теории культуры. Параллельно в 1994–2003 гг. А. Я. Флиер работал в научно-исследовательском Российском институте культурологии РАН и Министерстве культуры РФ. Там в 1995 г. он защитил диссертацию по вопросам происхождения культуры (культурогенеза), за которую ему присваивается ученая степень доктора философских наук, минуя кандидатскую ступень [2, с. 9].

В 1990-е гг. начинается поиск познавательной ниши культурологии. В 1989 г. Министерство образования СССР открывает культурологию как специальность. И спустя год, в 1990 г., на базе Российского открытого университета (РОУ) А. Я. Флиер в качестве декана занялся созданием первого российского культурологического факультета, его концепции, программы, учебного плана.

В это же время в числе первых специалистов он был привлечен Министерством высшего образования к работе над базовыми документами, определявшими «лицо» будущего культурологического образования. Весь этот опыт на протяжении 1990-х гг. вкладывается в формирование и развитие Высшей школы культурологии, экспериментальной площадки развития российского культурологического образования, образовательная программа которой оказалась одним из наиболее оригинальных сочетаний исторического и антропологического подходов к культуре, у истоков которой стоял А. Я. Флиер.

Родоначальниками становления нового культурологического образования планировалось, что разработка концепции гуманитарно-культурологического образования должна на десятилетия соответствовать развитию науки. В ее становлении принимали активное участие три «великих ленинградца»: Д. С. Лихачев, Л. Н. Гумилев и М. С. Каган. Поддержку оказывали доктора философских наук А. И. Арнольд, Г. С. Гудожник, Б. С. Ерасов, Г. С. Кнабе, С. П. Мамонтов. А в 1992 г. началась разработка первого Государственного стандарта по культурологии и паспорта специальности при активном участии А. Я. Флиера, избранного членом президиума Учебно-методического объединения (УМО) и заместителем председателя Научно-методического совета Минобразования РФ по культурологии¹.

Первоначально, довольно продолжительное время, набор студентов осуществлялся только по заочной, а затем вечерней форме на принципах самоокупаемости и «хозрасчетной» основе. Это были тяжелые 1990-е годы: инфляция; трудности с учебниками,

¹ Высшая школа культурологии: История ВШК (хронология событий). URL: <https://vshk2.narod.ru/history.html> (дата обращения: 20.11.2025).

которые еще не были написаны; сложности локаций обучающихся; но, с другой стороны — неподдельный энтузиазм первопроходцев: расширялась массовая подготовка, писались учебно-методические материалы по культурологии. В этих условиях факультет культурологии и искусствознания осуществляет организованный выход из состава РОУ и переход в состав Московского государственного института культуры (МГИК) Минкультуры РФ и становится частью государственного культурологического образования.

А. Я. Флиер как родоначальник Высшей школы культурологии. С 1995 г. начинается расцвет отечественного культурологического образования и становление целостной его концепции.

По предложению Министерства культуры РФ (конкретно — заместителя министра В. П. Демина) факультет культурологии и искусствознания был преобразован в Высшую школу культурологии (ВШК). Ученым советом было разработано и утверждено положение о Высшей школе культурологии, регламентировавшее правовое положение ВШК в системе университета; состоялся первый выпуск в ВШК студентов, получивших второе высшее образование в режиме экстерната: 10 чел. (набор 1992 г.). Это был первый в России выпуск дипломированных специалистов-культурологов. Одновременно только кафедра культурологии РГГУ тоже выпустила первых специалистов по программе экстерната. Другие профильные вузы — МПГУ, РостГУ, СПбИК и др. — «отстали» от ВШК на 1–2 года¹.

Высшая школа культурологии интегрировалась в структуре Московского государственного университета культуры, появляется кафедра культурологии и антропологии, которая стала выпускающей. А. Я. Флиер избирается профессором и заведующим новообразованной кафедрой (при сохранении поста директора ВШК). Открывается докторский диссертационный совет по специальности 24.00.01 — Теория и история культуры, напрямую связанный с профилем работы ВШК (А. Я. Флиер становится его председателем). Организуется студенческое научное общество ВШК, проводятся регулярные научно-практические конференции. Появляются партнеры ВШК, выстраиваются региональные контакты: Российский институт культурологии; сетевое сообщество «Российская культурология», «Центр культурных инициатив» Московской области; Абаканский филиал Современной гуманитарной академии; Пущинский музей экологии и краеведения; Рязанский педагогический

¹ Высшая школа культурологии: История ВШК (хронология событий). URL: <https://vshk2.narod.ru/history.html> (дата обращения: 20.11.2025).

университет им. С. А. Есенина и др.¹ В Высшей школе культурологии всего было 16 выпусков².

Но в 2009 г. Высшая школа культурологии как целостная учебная структура перестала существовать — была ликвидирована и разделилась на два подразделения, работающие в разных вузах:

— кафедра культурологии и антропологии в составе Института культурологии и музееведения Московского государственного университета культуры и искусств,

— «научная школа Флиера», которая вела исследовательскую работу и подготовку специалистов высшей научной квалификации в составе кафедры философии, культурологии и политологии Московского гуманитарного университета.

Нравственный этос и профессиональные компетенции культуролога. 12 июля 1996 г. о первом выпуске специалистов, получивших высшее образование по специальности «Культурология», в газете «Коммерсант» была помещена небольшая заметка под названием «Культура: приемлемые цели приемлемыми средствами». Пресс-релиз был подготовлен А. Я. Флиером, в нем объяснялось появление новой специальности: «Страна менялась, именно в области культуры изменения оказались наиболее быстрыми и ошеломляющими... К этому не были готовы ни в школах, ни в университетах, ни в самой системе культуры, где разом потеряли свою привлекательность традиционные формы “клубной, просветительской и иной культурно-досуговой работы”. Оказалось, что совершенно неосмысленным (а стало быть и неуправляемым, если можно здесь говорить об “управлении”) остался феномен современной массовой культуры. Неясны перспективы и последствия “ренессанса” традиционных религий, а также стремительного распространения нетрадиционных культов. Вопросов внезапно обнаружилось больше, чем ответов.

Новые условия организации профессиональной деятельности породили спрос на новые специальности: арт-менеджеров, имиджмейкеров, экспертов по социокультурным проблемам во властных и политических структурах, этноконфликтологов, специалистов по общественным связям, по рекламе, по взаимодействию предпринимательства и культуры. Для решения этих задач узкоспециализированные искусствоведы и философы, эстетики и научные атеисты оказались пригодны лишь в весьма ограниченной

¹ Высшая школа культурологии: партнеры. URL: <https://vshk2.narod.ru/partners.html> (дата обращения: 20.11.2025).

² Высшая школа культурологии: История ВШК (хронология событий). URL: <https://vshk2.narod.ru/history.html> (дата обращения: 20.11.2025).

мере. Понадобились универсалы, способные работать на пересечении различных наук о человеке и обществе, сочетающие познания историков и социологов, искусствоведов и политологов, психологов и этиков, теоретиков и практиков.

Подобный тип “широкого” специалиста, готового к решению разнообразных задач, и получил название “культуролог”¹.

Заслуга А. Я. Флиера заключается прежде всего в том, что он сформировал нравственный этос культурологии. Он часто цитировал Клода Леви-Стросса: «XXI век будет веком торжества гуманитарного знания. Или его не будет совсем»². И сам подтверждал: «Культурология знает: для того, чтобы жить вместе, людям необходимо придерживаться общих правил и стремиться к достижению поставленных целей не любым способом, а только общественно приемлемым по своим последствиям и социальной цене. С этой точки зрения, культура — та жизненная позиция людей, при которой цель не оправдывает средства, и, более того, нормативность средств определяет нравственную приемлемость целей. Кто скажет, что это не один из главных вопросов существования современной России?»³

Во-первых, он считал величайшей миссией культуры — быть противоядием надвигающейся опасности информационного и технологического века: «Таким особым инструментом психологической компенсации раньше была религия, а сейчас становятся искусство и гуманитарное знание. Обратите внимание, что гуманитаристика как специальная отрасль знания появилась в основном в XVIII веке, когда религия отошла на второй план общественной жизни. Именно в XVIII веке начали бурно развиваться такие области знания, как история, филология, искусствоведение. Можно даже назвать гуманитарное знание «секулярной религией» последних трех столетий»⁴.

Во-вторых, культура и культурология должны сохранять человеческое единство: «Культурные основания в наши дни стали

¹ Газета «Коммерсантъ» № 117 от 12.07.1996. С. 13. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/236192?ysclid=mifvakmpm128521575> (дата обращения: 20.11.2025).

² Высшая школа культурологии: Миссия ВШК. URL: <https://vshk2.narod.ru/past-vshk.html> (дата обращения: 20.11.2025).

³ Газета «Коммерсантъ» № 117 от 12.07.1996. С. 13. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/236192?ysclid=mifvakmpm128521575> (дата обращения: 20.11.2025).

⁴ Высшая школа культурологии: кем становятся наши выпускники. URL: https://vshk2.narod.ru/kem_byth.html (дата обращения: 20.11.2025).

одной из самых значимых причин социальной активности людей, что хорошо известно нам в негативных ее проявлениях — национальном и религиозном экстремизме, терроризме, неприязни, нетерпимости и др. Но можно направить эту активность и в социально конструктивное русло, научить людей не ссориться, а дружить по тем же самым культурным основаниям, не отторгать чужую культуру, а интересоваться ею»¹.

В-третьих, важны были конструктивные функции культуры и культурологии, то, что сейчас называют «социальной инженерией» и / или «социальной архитектурой»: «Культура — в равной мере и причина насилия (по причине культурного отторжения был распят Иисус Христос) и основание для солидарности людей (и христианство — лучшее тому подтверждение). Этими двумя сторонами культуры и занимаются культурологи»².

В трудах А. Я. Флиера можно выделить ряд позиций профессиональных компетенций культуролога, без которых невозможно его профессиональное становление. Ученый сформулировал и разместил их на официальном сайте Высшей школы культурологии, а позднее в электронном журнале «Культура культуры», где был главным редактором.

Социальность: «Культуролог — это принципиально новый тип работника культуры, в меньшей мере занимающийся самой культурной практикой людей (скажем, их художественной самодетельностью или культурным самообразованием), но в большей — упорядочением любой социальной деятельности людей, осуществляемой ими по культурно-ценностным основаниям (национальным, религиозным, эстетическим, нравственным и др.)», — считал А. Я. Флиер³.

Управленческие навыки: «Культурологи — это в первую очередь работники сферы социального управления (референты, эксперты, социальные проектировщики и коммуникаторы), обеспечивающие анализ культурных причин социальных событий и прогнозирование культурных последствий тех или иных управленческих решений, участвующие в налаживании межкультурных связей».⁴

¹ Высшая школа культурологии: Что дает культурологическое образование? URL: <https://vshk2.narod.ru/index.html> (дата обращения: 20.11.2025).

² Высшая школа культурологии. Флиер, А. Я. Что такое культурология? URL: <https://vshk2.narod.ru/ctc.html> (дата обращения: 20.11.2025).

³ Высшая школа культурологии: кем становятся наши выпускники. URL: https://vshk2.narod.ru/kem_byth.html (дата обращения: 20.11.2025).

⁴ Там же.

Экспертность: «Это эксперты, с одной стороны, в области культурных причин социальных движений, а с другой — социальных последствий собственно культурной деятельности. Практика показывает, что культурологи успешно работают и в арт-бизнесе, где грамотный учет социальных аспектов массового спроса является одним из главных оснований успеха работы. Проблемы массовой культуры — это площадка работы именно культурологов»¹.

Гуманитарная эрудированность, интегративная многопрофильность: культуролог должен отличаться «интегративной многопрофильностью своих знаний, умением найти социальные основания и объяснения тем или иным гуманитарным явлениям, что представляется одним из важных этапов в ходе подготовки к защите человеческой психики, ее адаптации к новым условиям и объемам социальной коммуникации»².

Идеологичность (но не политические пристрастия): «Это уже работники идеологии, ибо в настоящее время именно культура (а не политические пристрастия) является подлинной идеологией современных обществ во всем мире. Сегодня культурологи становятся наиболее востребованными специалистами сферы социального управления и идеологии развития, самой практически нужной группой интеллектуальной экспертизы событий нашего времени»³.

Гуманистичность: «Гуманитарная культура личности выполняет важнейшую роль сепаратора той информации, которая приходит к человеку, отбора нравственно достойного материала из необъятного объема “информационной шелухи”»⁴.

Преемственность: преемственность воспринималась А. Я. Флиером прежде всего как продолжение научной школы своих Наставников, память Учителям, внесших вклад в профессиональное становление.

Сам А. Я. Флиер никогда не забывал своих учителей — историка раннего христианства И. С. Свенцицкую, историка архитектуры О. Х. Хапахьяна, теоретика образования Б. М. Бим-Бада, культурологов Э. А. Орлову и Э. С. Маркаряна, оказавших решающее влияние на формирование профессиональной культуры и эрудиции мо-

¹ Высшая школа культурологии: кем становятся наши выпускники. URL: https://vshk2.narod.ru/kem_byth.html (дата обращения: 20.11.2025).

² Там же.

³ Там же.

⁴ Высшая школа культурологии: Флиер, А. Я. Что такое культурология? URL: <https://vshk2.narod.ru/ctc.html> (дата обращения: 21.11.2025).

лодого ученого; социального психолога А. П. Назаретяна и философа, психолога, религиоведа и науковеда О. И. Горяинову [3, с. 83].

Практикоориентированность: культурология представляет собой определенный мост, соединительное звено между фундаментальной теорией и социальной практикой. В условиях, когда знание становится основной продукцией, производимой современным обществом, потребность в таких посредниках между знанием и практикой постоянно возрастает.

Духовная элитарность: «В этом, возможно, звучал романтизм А. Я. Флиера, но он искренне считал, что культурологи «представляют собой интеллектуальную элиту современного российского общества, консультирующую власть, оценивающую социокультурные последствия программ развития, осуществляющую контроль за социальной эффективностью проводимой культурной политики, работающую в системе формирования новой российской идентичности и толерантности, в сфере межнационального и межрелигиозного диалога»¹.

Заключение. Имя А. Я. Флиера неотделимо от становления и формирования отечественного культурологического образования: его сущностного содержания, организационного и институционального наполнения; нравственного этоса и профессиональных компетенций культурологов. Сам А. Я. Флиер влиял на широту локализации этих основ и мировоззренческих принципов через свою педагогическую деятельность: подготовил 20 докторантов и 30 аспирантов; написал множество научных статей, учебников, монографий и пр. труды. На сайте eLIBRARY указано, что он является автором свыше 437 публикаций, в том числе 34-х монографий, эти цифры сейчас фигурируют во всех справочных изданиях. Учебники, пособия, монографии А. Я. Флиера постоянно переиздавались, так как у него был особый дар говорить просто о сложном. Это было его осознанное стремление к доступной форме изложения своих идей.

Помимо руководства Высшей школой культурологии, А. Я. Флиер заведовал кафедрой культурологии и антропологии в Московском государственном университете культуры и искусств (МГУКИ) и кафедрой философии, социологии и культурологии в Институте современного искусства (ИСИ); состоял в редколлегиях журналов «Общественные науки и современность» (Президиум РАН), «Обсерватория культуры» (Российская государственная библиотека), «Вестник МГУКИ» (Ректорат МГУКИ) и «Мир культу-

¹ Высшая школа культурологии: кем становятся наши выпускники. URL: https://vshk2.narod.ru/kem_byth.html (дата обращения: 20.11.2025).

ры» (Ректорат ИСИ); являлся председателем диссертационного совета Д 210.010.04 по теории и истории культуры при МГУКИ. В последние годы он работал главным научным сотрудником Российского НИИ культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачёва; профессором Московского государственного лингвистического университета; на протяжении 10 лет — главным редактором электронного журнала «Культура культуры» [3].

За эти годы А. Я. Флиером была создана сложная авторская конструкция культурологического переосмысления эволюционных процессов человечества, которые он назвал «культурогенетическими» [4; 5]. Он был сторонником концепции универсальной эволюции, о чем постоянно писал в своих работах. Культура для него была не альтернатива природе, а закономерный этап эволюции биологической жизни. Как историк по образованию он утверждал, что темп исторического развития общества и его культуры неуклонно нарастает [5–9].

На своей страничке директора Высшей школы культурологии, А. Я. Флиер, с присущей ему иронией и самоиронией, поместил цитату: «Кавалергард, твой век недолог, покуда ты не культуролог»¹. Но, уверена, что такие люди, если и уходят, то только для того, чтобы остаться навсегда. Век А. Я. Флиера не ограничивается земным существованием, а живет в его многочисленных последователях и учениках: ученых, студентах и аспирантах.

Список источников

1. Флиер А. Я. Престижное потребление как культурное явление: сущность и символика // Семиозис и культура: стратегии и практики межкультурного диалога : коллективная монография / под ред. Л. В. Гурленовой. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2023. С. 76–83.
2. Казакова Г. М. «Имя собственное — культурология: памяти моего Учителя А. Я. Флиера» // Вестник культуры и искусства Челябинского государственного института культуры. 2025. № 3 (83). С. 7–13.
3. Флиер А. Я. Моя стихия — системное мышление. (Интервью подготовила О. Н. Волкотрубова) // Культура и наука Дальнего Востока. 2020. № 2 (29). С. 79–86.
4. Флиер А. Я. Культурогенез. М.: РИК, 1995. 128 с.
5. Флиер А. Я. Очерки теории исторической динамики культуры : монография. М.: Согласие, 2013. 560 с.

¹ Высшая школа культурологии: Страничка директора: А. Я. Флиер. URL: <https://vshk2.narod.ru/director.html> (дата обращения: 20.11.2025).

6. Флиер А. Я. Культурология для культурологов : учебное пособие для магистрантов, аспирантов и соискателей. М.: Академическая книга, 2000. 496 с.

7. Флиер А. Я. Культурология 20–11 : авторский сборник эссе и статей. М.: Согласие, 2011. 560 с.

8. Флиер А. Я. Избранные работы по теории культуры. М.: Согласие-Артем, 2014. 560 с.

9. Флиер А. Я. Историческая культурология : энциклопедия. М.: Академический проект; Альма матер, 2015. 1279 с.

References

1. Flier A. Ya. Prestige Consumption as a Cultural Phenomenon: Essence and Symbolism. *Semiozis i kul'tura: strategii i praktiki mezhkul'turnogo dialoga : kollektivnaya monografiya* [Semiosis and Culture: Strategies and Practices of Intercultural Dialogue : A Collective Monograph]. Edited by L. V. Gurlenova. Syktyvkar: Pitirim Sorokin Syktyvkar State University Publishing House, 2023. Pp. 76–83. (In Russ.)

2. Kazakova G. M. "A Proper Name: Cultural Studies: In Memory of My Teacher, A. Ya. Flier." *Vestnik kul'tury i iskusstva CHelyabinskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury* [Bulletin of Culture and Art of the Chelyabinsk State Institute of Culture], 2025, no 3 (83), pp. 7–13. (In Russ.)

3. Flier A. Ya. My Element: Systems Thinking. (Interview prepared by O. N. Volkotrubova). *Kul'tura i nauka Dal'nego Vostoka* [Culture and Science of the Far East], 2020, no 2 (29), pp. 79–86. (In Russ.)

4. Flier A. Ya. *Culturogenesis* [Culturogenesis]. Moscow: RIK, 1995. 128 p. (In Russ.)

5. Flier A. Ya. *Ocherki teorii istoricheskoy dinamiki kul'tury : monografiya* [Essays on the Theory of Historical Dynamics of Culture : Monograph]. Moscow: Soglasie, 2013. 560 p. (In Russ.)

6. Flier A. Ya. *Kul'turologiya dlya kul'turologov : uchebnoe posobie* [Culturology for Culturologists : textbook]. Moscow: Academicheskaya Kniga, 2000. 496 p. (In Russ.)

7. Flier A. Ya. *Kul'turologiya 20–11 : avtorskij sbornik esse i statej* [Culturology 20–11 : author's Collection of Essays and Articles]. Moscow: Soglasie, 2011. 560 p. (In Russ.)

8. Flier A. Ya. *Izbrannye raboty po teorii kul'tury* [Selected Works on the Theory of Culture]. Moscow: Soglasie-Artem, 2014. 560 p. (In Russ.)

9. Flier A. Ya. *Istoricheskaya kul'turologiya : enciklopediya* [Historical cultural studies : encyclopedia]. Moscow: Academic project; Alma mater, 2015. 1279 p. (In Russ.)

Сведения об авторе

Казакова Галина Михайловна, доктор культурологических наук, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Россия, 167001, Республика Коми, Сыктывкар, Октябрьский пр-кт, 55)

Information about the author

Galina M. Kazakova, Doctor of Cultural-Studies, Professor, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Ave., Syktyvkar, Komi Republic, 167001, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 21.11.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 27.11.2025
Принята к публикации / Accepted for publication 01.12.2025

Научная статья / Article

УДК 792.2

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-81>

**Томский частный каменный театр купца Королёва:
начало деятельности (сезон 1885/86 гг.)**

**Юлия Борисовна Буракова¹,
Сергей Алексеевич Ковалевский^{1,2},**

¹ Российский государственный институт сценических искусств,
Кемерово, Россия

² Кузбасский государственный технический университет
им. Т. Ф. Горбачева, Кемерово, Россия

¹ ORCID: 0009-0000-4533-2744, iulia.burakova@yandex.ru

² ORCID: 0000-0001-7940-8751, koval71@mail.ru

Аннотация. История театрального дела является важной частью истории российской культуры. В статье рассматривается история появления в губернском городе Томске первого частного каменного театра в Сибири, получившего неофициальное название Королёвского. Особое внимание уделяется роли томского купца 1-й гильдии Евграфа Ивановича Королёва в процессе строительства театра, а также его функционирования. Проводится подробный анализ деятельности Королёвского театра в течение первого театрального сезона 1885/86 гг. Данная статья написана на стыке таких отраслей знания, как история и театроведение, что предопределило методологию данного исследования. В процессе исследования приме-

нялись как общенаучные (анализ, обобщение, сравнение), так и специальные (описательно-повествовательный, сравнительно-исторический) методы. В качестве исторических источников в данной работе использовались столичные и провинциальные газетные публикации («Театральный мирок», «Сибирский вестник», «Сибирская газета»), посвящённые Королёвскому театру. В данных публикациях затрагивались вопросы строительства и эксплуатации театра, его финансово-хозяйственная деятельность, проводился обзор театральных постановок с различных точек зрения (репертуар, зрительский интерес, игра актёров). Проведённое исследование дало возможность осуществить реконструкцию театральной жизни Томска в течение сезона 1885/86 гг.

Ключевые слова: Томск, сценическое искусство, театр, пьеса, репертуар

Для цитирования: Буракова Ю. Б., Ковалевский С. А. Томский частный каменный театр купца Королёва: начало деятельности (сезон 1885/86 гг.) // Человек. Культура. Образование. 2025. № 4. С. 81–99. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-81>

Tomsk private stone theater of merchant Korolev: the beginning of activity (season 1885/86)

Iuliia B. Burakova¹, Sergey A. Kovalevsky^{1,2}

¹Russian State Institute of Performing Arts, Kemerovo, Russia

²T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University Kemerovo, Russia

¹ORCID: 0009-0000-4533-2744, iulia.burakova@yandex.ru

²ORCID: 0000-0001-7940-8751, koval71@mail.ru

Abstract. *The history of theatrical business is an important part of the history of Russian culture. The article examines the history of the appearance in the provincial city of Tomsk of the first private stone theater in Siberia, which received the unofficial name of the Korolevskiy. Special attention is paid to the role of the Tomsk merchant of the 1st guild Yevgraf Ivanovich Korolev in financing the construction, as well as its functioning. A detailed analysis of the activities of the Korolevskiy Theatre during the first theatrical season of 1885–1886 is conducted. This article is written at the junction of such branches of knowledge as history and theater studies, which predetermined the methodology of this research. In the process of writing the article, both general scientific (analysis, generalization, comparison) and special (descriptive-narrative, comparative-historical) methods were used. The metropolitan and provincial newspaper publications (“Teatral’nyy mirok”, “Sibirskiy Vestnik”, “Sibirskaya Gazeta”) dedicated to the Korolevskiy Theater were used as historical sources in this work. These publications touched upon the construction and operation of the theater, its financial and economic activities, and reviewed theatrical productions from various points*

of view (repertoire, spectator interest, and acting). The conducted research made it possible to reconstruct the theatrical life of Tomsk during the 1885/86 season.

Keywords: *Tomsk, scenic art, theater, play, repertoire*

For citation: Burakova Iu. B., Kovalevsky S. A. Tomsk private stone theater of merchant Korolev: the beginning of activity (season 1885/86). *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2025; 4: 81–99. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-81>

Введение. В XIX в. провинциальные театры стали открываться в крупных городах Российской империи. В середине столетия появился такой театр и в Томске. А в 1885 г. на средства купца 1-й гильдии, коммерции советника Евграфа Ивановича Королёва был построен первый в Сибири частный каменный театр, прозванный Королёвским (существовал до 1905 г.). Его история неоднократно становилась предметом изучения специалистов. Так, в 1912 г. сибирский поэт и прозаик Г. А. Вяткин в издании «Город Томск», являвшемся бесплатным приложением к газете «Сибирская жизнь», изложил краткую историю томского театра во второй половине XIX — начале XX в. [1, с. 324–330].

Методы исследования, теоретическая база. Значительный вклад в формирование представления об истории театра Королёва внесли публикации томских краеведов И. Е. Лясоцкого и В. И. Суздальского [2, с. 36–42; 3, с. 10–11; 4, с. 21–28]. Написанные в разное время, работы данных авторов имели скорее публицистический характер, не отличаясь строгостью использования научного аппарата исследования, и нуждаются сегодня в некотором критическом переосмыслении.

Статья Ю. И. Родченко, посвящённая истории первого сезона театра Королёва, основана на более обстоятельном знакомстве с репортажами и заметками, появлявшимися на страницах таких периодических изданий тех лет, как «Сибирская газета» и «Сибирский вестник». Наибольший исследовательский интерес в этой работе представляет попытка анализа театрального репертуара сезона 1885/86 гг. [5, с. 27–31].

Из публикаций последних лет, повествующих о театре Королёва, важны прекрасно иллюстрированное юбилейное издание, подготовленное к 170-летию томского областного театра драмы [6, с. 15–17], и сборник документов и материалов, рассказывающий о Е. И. Королёве. В последнем издании отдельная глава посвящена построенному Королёвым театру [7, с. 96–112]. Составителями сборника вводятся в научный оборот уникальные документы об истории появления в Томске частного каменного театра.

Вместе с тем знакомство с материалами периодической печати 80-х гг. XIX в., посвящённых томскому театру, показало, что далеко не все они были учтены и использованы исследователями. Целью данной статьи является подробный разбор истории появления частного каменного театра в Томске, а также анализ его деятельности в первом театральном сезоне 1885/86 гг. Важно отметить, что столь подробная реконструкция событий тех лет, основанная на критическом осмыслении как газетных публикаций и исторических документов, так и существующей по данному вопросу литературы, осуществляется впервые.

Результаты исследования и их обсуждение. Ценнейшие сведения о сценическом искусстве Томска конца XIX века дошли до нас благодаря корреспондентам всероссийских театральных и городских изданий. В московской газете «Театральный мирок» под псевдонимом Всеволод Сибирский издавался князь Всеволод Алексеевич Долгоруков, также его заметки о театральной жизни города можно найти в других периодических изданиях, например в журнале «Театр и искусство» и газете «Сибирский вестник». Кроме того, в «Сибирском вестнике» под псевдонимом Шукин печатались фельетоны издателя — Василия Петровича Картамышева. В 1885–1886 гг. немало внимания он уделял открывшему свои двери театру Королёва, хотя и выступил против того, чтобы фиксировать в газете каждый спектакль. Ещё одно издание, в подробностях освещающее все события томской театральной жизни, — «Сибирская газета». Один из её руководителей — поэт и театральный рецензент Феликс Вадимович Волховский, пользовавшийся псевдонимом Ф. Полтавчук или оставлявший свои тексты анонимными.

Открытие Королёвского театра стало знаковым событием для города. После того как первое театральное здание Томска, деревянное, обветшало настолько, что продолжать показы спектаклей стало небезопасным, было принято решение продать его на слом. Томская труппа осталась без полноценной площадки. Первый театр просуществовал 32 года: с 1850 по 1882 г.¹

Три сезона после его закрытия спектакли давались с периодичностью два-три раза в неделю в залах военного собрания, приспособленных для сцены. Отмечалось более чем удовлетворительное исполнение таких спектаклей, но сборы были скромными. Кроме театра, культурная жизнь Томска в те годы состояла из литературно-музыкальных вечеров в «общественном собрании» (клубе), в которых принимали участие любители и иногда присяж-

¹ Объявления // Сибирская газета. 1882. № 33. С. 803.

ные актёры, а также редких концертов, проводимых томским отделением Императорского музыкального общества¹.

Потребность в строительстве полноценной сценической площадки с каждым годом ощущалась всё острее. Ранее, а именно в 1878 г., предложение вложиться в постройку каменного театра в Томске поступило от коммерции советника З. М. Цибульского, известного мецената. Впервые об инициативе Цибульского упомянул томский краевед В. И. Суздальский [4, с. 19]. Подробно об этом факте сообщается Л. Н. Приль в сборнике документов и материалов, посвящённых Е. И. Королёву [7, с. 96–105].

На июньском заседании томской городской думы Цибульский выступил с заявлением о том, что «потребность устройства в Томске нового театра никогда не высказывалась так горячо, как в настоящее время». В качестве причин его строительства он называл «жалкое положение ныне существующего театра, представляющего по своей ветхости даже опасность для его посетителей». Строительство театра связывалось с планируемым открытием Томского университета, которое, по словам автора заявления, «непременно повлияет на развитие города, население которого, впрочем, и без того быстро возрастает». Цибульский готов был пожертвовать 25 тыс. руб., с расчетом на то, что «остальная сумма была покрыта подпискою жителей и ... дополнена городской Думой на основании того, что здание театра и получаемый с него доход будут принадлежать ей» [8, с. 574–575].

Цибульский уделил значительное внимание проектированию будущего театра, выдвинув ряд условий, показывающих его хорошие познания в вопросах градостроительства. Так, театр должен был быть непременно каменным и построен на новой Соборной площади, против дома Асташева и Кайдалова, или же в центре Сенной площади. Оговаривались технологические особенности обустройства зрительного зала, сцены, а также всей необходимой в таких случаях инфраструктуры. Предполагалось, что «при возможно меньшем объёме театр должен вмещать как можно больше публики, дабы достигнуть удешевления мест, сделать его народным, т. е. доступным для всех классов общества». Планировалось что здание театра, строительству которого отводилось не менее трёх лет, должно поступить «во владение и заведование городской думы». Сама же дума постановила ассигновать из городских средств 25 тыс. руб. а также создать комиссию для выбора места под строи-

¹ Долгоруков В. А. (Всеволод Сибирский). Провинциальные театры. Томск // Театральный мирок. 1884. № 5. С. 9.

тельство театра, составления проекта здания и сметы расходов [8, с. 575–578].

Однако уже в сентябре 1878 г. на заседании думы городской голова, которым в тот период был Королёв, выразил следующее мнение: «В настоящее время, по неимению городских средств, определить какую-либо сумму на постройку театра как на предмет удовольствия, которым будет пользоваться только десятая часть жителей, считаю преждевременным и бесполезным... По моему мнению, в деле постройки театра было бы гораздо практичнее открыть добровольную подписку. Пусть те, кто любит удовольствия, тот и платит за них, не привлекая к тому бедных жителей, которым нужна каждая копейка для существования» [8, с. 583–584]. К тому же обозначенная ранее Цибульским сумма на возведение театра в 50 тыс. руб. воспринималась как явно недостаточная. Вследствие этого разрешение вопроса о постройке нового театра признавалось тогда «невозможным и отяготительным для города» [8, с. 586].

Вполне естественно, что подобное решение вызвало неудовольствие театральной общественности Томска. Так, Вс. Сибирский, вспоминая об этом в 1884 г., писал, что предложение Цибульского не встретило тогда сочувствия между гласными думы и постройка театра поэтому не состоялась¹.

Ситуация стала меняться в 1883 г., когда новым томским губернатором стал И. И. Красовский, известный театрал. А уже в начале 1884 г. идея постройки нового театрального здания начала обретать реальные очертания. Согласно версии, изложенной первоначально И. Е. Лясочкиным [2, с. 40–41], инициатором строительства нового театра выступил хорошо известный тогда в Томске актёр и антрепренёр А. П. Бельский, сумевший на Пасху 1884 г., пришедшуюся на 8 апреля по старому стилю, уговорить купца Н. И. Тельных пожертвовать на строительство будущего театра 15 тыс. руб. Губернатор же лишь поддержал эту идею и заручился финансовой поддержкой пяти томских купцов.

В действительности ещё в феврале 1884 г. именно по инициативе Красовского был вынесен на обсуждение вопрос о строительстве нового театрального здания. Томские купцы А. Н. Пастухов, С. С. Валгусов, Я. И. Акулов, Ф. Х. Пушников и Е. Н. Кухтерин выразили готовность совместно вложить в дело сумму около 30–35 тыс. руб. Архитектор П. П. Наранович составил планы и смету на постройку театра, а Пастухов договорился о покупке места для этой постройки. Но на заседании городской думы 16 февраля Королёв сообщил о

¹ Долгоруков В. А. (Всеволод Сибирский). Провинциальные театры. Томск // Театральный мирок. 1884. № 12. С. 5–6.

готовности единолично вложить в строительство театра 50 тысяч. Место для театра первоначально было выбрано на набережной р. Томь, где помещался тогда конный базар¹.

Согласно И. Е. Лясоцкому, место под будущий театр городской голова купец П. В. Михайлов обещал от имени городской думы отвести бесплатно из городских земель [2, с. 40–41]. В. И. Суздальский со ссылкой на Лясоцкого написал, что «городской голова Михайлов сразу же бесплатно отрезал под театр место из городских земель» [3, с. 10]. В действительности земли эти были Королёвым куплены. Не так давно в сборнике документов и материалов, посвящённых Королёву, было опубликовано прошение в строительную комиссию Томского губернского управления от 12 мая 1884 г., в котором он указал, что приобрёл место под строительство театра [7, с. 106–107].

Информация о покупке подтверждается и корреспондентом «Сибирской газеты», сообщившим в мартовском выпуске 1884 г. о приобретении Королёвым земли под строительство театра на Юрточной горе. Покупка обошлась ему в 4,5 тыс. руб. Автор заметки выразил недовольство и выбором места, и тем, что здание планируется построить из дерева. Подчеркивая неоднократно, каким упущением будет не возвести в Томске каменный театр, автор заметки отмечает: «Щедрый на пожертвования, г-н. Королев на этот раз поспешил»². Деревянные постройки часто страдали от пожаров: так, в 1884 г. сгорел летний театр в саду купца Г. Д. Дистлера³. В этой связи не совсем понятен рассказ Лясоцкого об обещании, данном Королёвым Красовскому, «через два года выстроить настоящий каменный театр на свои средства» [2, с. 41].

Как бы то ни было, но вскоре Королёв действительно принял решение возводить не деревянный, а именно каменный театр, что привело к удорожанию первоначального проекта. Расходы на строительство в итоге в три раза превысили изначально намеченные. Что заставило Королёва пойти на этот шаг, доподлинно неизвестно. Но можно предполагать влияние Красовского на это решение. Он скончался летом 1885 г., не дожив до момента открытия театра, строительству которого, вероятно, не суждено было бы состояться без его участия. В. П. Картамышев под своим именем публикует заметку, в которой подчеркивает незаслуженно забытый вклад прежнего губернатора и предлагает в память о его большом участии в

¹ Хроника // Сибирская газета. 1884. № 8. С. 196.

² Там же. № 10. С. 246.

³ Долгоруков В. А. (Всеволод Сибирский). Провинциальные театры. Томск // Театральный мирок. 1884. № 37. С. 6.

судьбе томского театра поставить бюст Красовского в фойе театра Королёва (идея эта не найдёт отклика)¹.

Как ранее нами упоминалось, в начале мая 1884 г. в строительную комиссию Томского губернского управления поступило прошение коммерции советника Королёва о дозволении построить в Томске на приобретённых им землях «по Новой Соборной площади и Московскому тракту в ведении Юрточной части города Томска» каменный театр. Из резолюции на данное прошение понятно, что строительством театра к тому времени уже занимался архитектор Наранович. О роли же Красовского в этом деле свидетельствует его письмо московскому режиссёру А. М. Кондратьеву, написанное в эти же дни с просьбой дать консультацию Королёву относительно строительства и обустройства будущего театра [7, с. 106–107].

Возведение первого в Сибири частного каменного театра, несомненно, привлекало много внимания. И прежний деревянный театр, и летние постройки для представлений, и тем более переоборудованные под сцену залы не отличались безопасностью и удобством. Так, верхний ярус первого деревянного театра имел только один выход, а лестница делала четыре оборота и не отличалась шириной, что в случае пожара или ложной тревоги очень вероятно могло привести к давке². «Сибирский вестник» сообщал: «В пожарном отношении также осуществлены все меры: шесть лестниц будут каменными, пол в коридорах верхних ярусов будет уложен плитный, на сводах; выходных дверей, со всех сторон и со сцены, совершенно достаточно. Вообще видно, что строитель не жалеет средств и хочет построить театр на славу»³. Вместимость театра должна была составить примерно 800–1000 человек. Также со ссылкой на некоего знатока театрального дела, осмотревшего строившийся театр, были даны ценные рекомендации по устройству сцены.

Ещё в начале возведения театра, вероятно, именно в связи с большой суммой, затраченной на строительство, Королёв принял решение сдавать его на таких условиях: 25 % от сбора с каждого спектакля (в том числе с бенефисов) он забирал себе, на предложения о фиксированной выплате не соглашался. Для сравнения, зал военного собрания антрепренер сезона 1883/84 гг. Бельский получил бесплатно и даже при этих условиях остался без прибыли. Королёву же Бельский предлагал 4000 руб., и ему было отказано⁴.

¹ Картамышев В. П. Мысли вслух // Сибирский вестник. 1885. № 21. С. 12.

² Хроника // Сибирская газета. 1882. № 3. С. 57.

³ Сибирская летопись // Сибирский вестник. 1885. № 1. С. 7.

⁴ Картамышев В. П. Мысли вслух // Сибирский вестник. 1885. № 28. С. 12.

Но желающих снять театр всё равно хватало. Первоначально, а именно в мае 1884 г., договорённость была достигнута с актрисой Е. П. Никольской (Авраховой), державшей антрепризу в Томске в сезон 1881/82 гг. А уже в июне отмечалось, что «постройка театра, предпринятая на собственные средства г-ном Королёвым, идёт очень деятельно, так что к осени мы будем с постоянным зимним театром»¹. Сообщалось, что декорации и другие аксессуары, необходимые для сцены, Королёв ещё в мае привёз из Европейской России².

В октябре стало понятно, что открытие Королёвского театра состоится не ранее чем в следующем году³. Вероятно, данный факт, а также весьма низкие сборы со спектаклей, идущих тогда в помещении военного собрания, мотивировали Никольскую изменить своё первоначальное решение и снять театр в Омске⁴. К тому же в конце 1884 г. последовал циркуляр от высшего военного начальства, запретивший давать какие-либо спектакли, вечера, маскарады в помещениях военных собраний. Это привело к прекращению театральных представлений в Томске. Предпринимавшиеся товариществом актёров попытки снять какой-либо из частных домов Томска, чтобы в нём сделать приспособления к сцене и давать там представления, успехом не увенчалась вследствие нехватки финансов. Соответственно часть актёров разъехались по другим театрам России, оставшиеся же принимали участие лишь в водевилях, устраивавшихся во время гимнастических представлений⁵. В целом театральная жизнь в Томске замерла.

Теперь все надежды возлагались только на строившийся театр. Снять его в аренду хотел содержатель Европейской гостиницы купец 2-й гильдии Г. И. Ицкович. Однако Королёв объявил ему, что уже дал слово сдать театр актеру Н. А. Корсакову (Ярославцеву). Согласно газетным публикациям, он был антрепренёром Самарского театра, гастролировавшего по городам Азиатской части России, и предполагал привезти в Томск свою труппу. Вероятное появление в новом театре незнакомых томской публике актёров пробуждало определённые опасения, связанные преимущественно с высокими расходами на их предполагаемое жалование. Сочувствие вызывали и местные томские актёры, оставшиеся без дела⁶.

¹ Долгоруков В. А. (Всеволод Сибирский). Провинциальные театры. Томск // Театральный мирок. 1884. № 25. С. 7.

² Там же. 1884. № 34. С. 6.

³ Там же. 1884. № 41. С. 8.

⁴ Там же. 1884. № 48. С. 7.

⁵ Там же. 1885. № 5. С. 5.

⁶ Там же. 1885. № 21. С. 6.

Летом 1885 г. Корсаков прислал письмо некоему лицу в Томск. Содержание письма стало известно прессе и получило освещение как в «Сибирском вестнике»¹, так и в «Театральном мирке»². Корсаков обещал прибыть в Томск 26–27 июля и начать сезон в первой половине сентября, не позднее 15 числа. По его словам в составе труппы были заявлены: Ю. Ф. Строгова, В. Ф. Штолыц-Туманова, В. С. Карьева, А. Ф. Барнес, З. А. Топоркова, П. Е. Косяковская, Е. А. Иванова, Т. М. Владимирова, П. Л. Скуратов (Новиков), П. И. Фелонов, И. С. Топорков, А. А. Александров, П. А. Зайцев, А. Ф. Барановский и др.

Намеченный Корсаковым состав труппы вызвал определённое сожаление корреспондента «Сибирского вестника» вследствие отсутствия в ней хорошо известных томскому зрителю актёров — Херсонского, Ржевского и Тихомирова. В письме также заявлялось, что репертуар будет состоять преимущественно из новейших современных драматических произведений, исполняемых в настоящее время на сценах Петербурга и Москвы. Кроме пьес А. Н. Островского, предполагалось поставить произведения У. Шекспира «Макбет», «Венецианский мавр», Ф. Шиллера «Разбойники», А. И. Пальма «Грешница», И. В. Шпажинского «Чародейка», К. Гуцкова «Уриэль Акоста» и др.

В начале августа газеты сообщили, что Корсаков привез в Томск декоратора, сам же отправился обратно в Омск за товарищами. Можно полагать, что в ходе визита антрепренёр осмотрел строящийся театр, здание которого, по уверению строителей, должно было быть готово к 1 сентября. Тогда же в труппу были приглашены актёры Тихомиров, Горбунов и Херсонский³. Позже, 15 августа, сообщалось, что, по-видимому, Корсаков окончательно сошёлся с Королёвым относительно аренды нового театра. Декоратор «уже пишет декорации и сдаёт в аренду буфеты»⁴. Интересно, что первым арендатором театрального буфета на предстоящий сезон 1885/86 гг. стал купец Ицкович, претендовавший ранее на весь театр⁵.

«Сибирская газета» также информировала читателей, что Корсаков перебрался в Томск из Омска со своей труппой, незнакомой томичам, за исключением актрисы Барнес. Он согласился уплачивать Королёву 23 % сбора в уплату за помещение, что считалось до-

¹ Сибирская летопись // Сибирский вестник. 1885. № 10. С. 6.

² Долгоруков В. А. (Всеволод Сибирский). Провинциальные театры. Томск // Театральный мирок. 1885. № 31. С. 6.

³ Сибирская летопись // Сибирский вестник. 1885. № 13. С. 4.

⁴ Там же. 1885. № 14. С. 5.

⁵ Долгоруков В. А. (Всеволод Сибирский). По провинции. Томск // Театральный мирок. 1885. № 38. С. 7–8.

статочно немалой суммой. Репортёр «Сибирской газеты» выражал сомнения в успехе Корсакова и его труппы, аргументируя это тем, что «Томск не такой город, где набрасываются на новинки, удовольствия; здесь ломиться место в театре никогда не будет — публика холодная, расчётливая, и нельзя сказать, чтобы обладала вкусом. Антрепренёру это необходимо иметь в виду»¹. Окончание строительства театра предполагалось к середине августа. С этого же времени планировалось начать и репетиции в новом здании. Однако уже вскоре стало понятно, что открытие затягивается, что объяснялось задержками в поставке декораций, выписанных для труппы Корсакова².

Себе в компаньоны Корсаков взял актёра П. Л. Скуратова (Новикова). Особенность сложившихся экономических отношений заключалась в том, что актёры собранной Корсаковым и его напарником труппы не получали фиксированного жалования: номинально за ними закреплялась определённая сумма, но реальные выплаты коррелировали со сбором. Чистый доход театра за месяц делился на суммарное жалование всех артистов, и, согласно этой пропорции, делались выплаты актёрам. С каждым из приглашённых актёров заключалось письменное соглашение, предусматривавшее различные штрафы за нарушения дисциплины.

Согласно статье, вышедшей в «Театральном мире» 28 сентября, но отправленной в редакцию еще до начала сезона, Корсаков в свою очередь, определил для себя фиксированное жалование в 400 рублей за месяц, и 600 рублей ежемесячно получал Скуратов, взявший на себя обязанности режиссера³. Но по более позднему данным самого Корсакова, он назначил себе номинальное жалование в 300 рублей как актеру, и ещё 200 рублей как хозяйственному распорядителю актёрского товарищества⁴.

Приближавшееся открытие театра вызывало значительный интерес среди томичей. В конце августа «Сибирская газета»⁵ и «Сибирский вестник»⁶ сообщили, что театр почти окончен; планируется ввести здание в эксплуатацию в первых числах сентября. В целом же театральное здание заслужило положительную оценку. Оно было просторным, удобным, имело изящную отделку. Предполага-

¹ Городские известия // Сибирская газета. 1885. № 29. С. 733.

² Там же. № 30. С. 758.

³ Долгоруков В. А. (Всеволод Сибирский). Провинциальные театры. Томск // Театральный мирок. 1885. № 38. С. 7–8.

⁴ Корсаков Н. А. Письмо в редакцию // Сибирский вестник. 1885. № 29. С. 6.

⁵ Городские известия // Сибирская газета. 1885. № 34. С. 874–875.

⁶ Сибирская летопись // Сибирский вестник. 1885. № 16. С. 6.

лось, что и труппа Королёва в составе 30 человек (среди которых было несколько известных имён) соберётся для репетиций в начале сентября. Театральный сезон, по словам уполномоченного Корсаковым декоратора, планировалось открыть 15 сентября. Открытие предполагало утренний молебен, а также вечернюю программу, состоящую из исполнения гимна и представления.

В начале сентября по всему городу разносили объявление о предстоящем театральном сезоне. Горожанам сообщалось, что очень скоро они увидят «и современную комедию, и Шекспира, и Дюма, и Гёте, и Гуцкова, и «Юрия Милославского», и «Медю» Суворина»¹. Тем не менее 15 сентября долгожданного открытия театрального сезона не случилось, хотя ещё накануне об этом сообщалось в газетах². Задержка вышла в связи с тем, что строительная комиссия не успела осмотреть и удостовериться в безопасности здания³. 16 сентября театр был принят губернской строительной комиссией, а представления в нём разрешены. На первый спектакль, назначенный на 19 сентября, все билеты томичи разобрали ещё 15 числа, хотя афиши появились только за сутки⁴.

19 сентября состоялось торжественное открытие театра. Это стало главным событием в Томске и получило достаточно подробное освещение как в прессе того периода, так и в более поздних публикациях [5, с. 28; 6, с. 16; 7, с. 97–98]. Театральный сезон открылся спектаклем по пьесе А. Н. Островского «Без вины виноватые» и водевилем Д. А. Мансфельда «Затейница». Был не просто аншлаг: зрители, которые не успели приобрести билет, платили за возможность посмотреть спектакль стоя. Сбор от первого вечера составил 740 рублей⁵.

Перед началом выступил оркестр под руководством дирижёра И. С. Маломета. Затем вся труппа исполнила гимн «Боже, царя храни»: «В глубине сцены стоял щит с вензелем Государя, а от него к авансцене расположились артисты: мужчины налево, дамы направо»⁶. Публика рукоплескала владельцу театра г-ну Королёву, в честь которого уже 29 октября предполагалось дать торжественный обед по подписке в общественном собрании. Ходили слухи, что

¹ Сибирская летопись // Сибирский вестник. 1885. № 17. С. 7.

² Там же. 1885. № 18. С. 8.

³ Городские известия // Сибирская газета. 1885. № 37. С. 953.

⁴ Сибирская летопись // Сибирский вестник. 1885. № 19. С. 6.

⁵ Долгоруков В. А. (Всеволод Сибирский). Провинциальные театры. Томск // Театральный мирок. 1885. № 42. С. 6–7.

⁶ Картамышев В. П. (Щукин). Чем мы живы (фельетон Сибирского вестника) // Сибирский вестник. 1885. № 20. С. 15.

Королёв намерен на следующий год подарить театр городу. Аплодисментов удостоился и строитель театра Наранович. Сам спектакль начался в 9 часов вечера. Впечатление новая труппа оставила положительное. Особенно понравилась зрителям игра актёров Скуратова, Строговой, Фелонова и Косяковской. Заметное впечатление произвела и юная актриса Штольц-Туманова, оживившая своей игрой незамысловатый водевиль Мансфельда¹.

Несмотря на ошеломляющий успех первого дня, выявились определённые проблемы, на которые вполне справедливо было обращено внимание. Во-первых, бросалось в глаза то, что «известная часть публики не умеет себя держать, она не выработала таких понятий, которыми обусловливается поведение человека с развитым вкусом и чутъём. Её нужно учить, воспитывать самым старательным образом, развивая в ней чувство вкуса к изящному, художественному»². Обращалось внимание и на некоторые технические недоработки со стороны как актёров (плохой грим), так и организаторов спектаклей (недостаток освещения в зале, слишком тесное расположение кресел и стульев, неудобное расположение ступеней, скромность внутреннего убранства и отделки, плохая работа гардероба и пр.). Но уже 6 октября «Сибирская газета» сообщила о том, что большинство недочётов устранено³.

Критики отмечали, что в коллективе не нашлось ни одной ослепительно яркой звезды, но общий уровень был более чем удовлетворительным, а в начинающих актёрах заметен потенциал. «Труппа вся почти молодая, еще не обывравшаяся, но и не заигрававшая, не заеденная рутинной», — так отзывался о коллективе Картамышев после первых представлений⁴. Одной из самых молодых артисток труппы, Штольц-Тумановой, выступающей в амплу комической инженеру, было всего 19 лет, и дебютировала она незадолго до открытия театра Королёва.

Из слабостей товарищества отмечались неудачный выбор драматургии и не всегда разумное распределение ролей. Рецензенты сходились в том, что задачу составления репертуара Скуратов выполнял неуспешно, что вредило силам труппы, которая не могла в связи с таким выбором материала показать себя с лучшей стороны. Бывали вечера, когда спектакли отменяли из-за того, что было продано слишком мало билетов: такое, например, случилось 8 октября,

¹ Городские известия // Сибирская газета. 1885. № 38. С. 986.

² Там же. С. 987.

³ Хроника Томского театра // Сибирская газета. 1885. № 40. С. 1053.

⁴ Картамышев В. П. (Щукин). Чем мы живы (фельетон Сибирского вестника) // Сибирский вестник. 1885. № 20. С. 15.

когда запланированы были драма «Клятвопреступник» и водевиль «Не бывать бы счастьем, да несчастье помогло»¹. Среди прочих режиссерских огрехов — плохо сделанные сокращения в драматических текстах, отсутствие единства в костюмах.

Проблема репертуара проявлялась острее всего. Сама организация постановочного процесса в любой провинциальной антрепризе (или товариществе) ставит труппу в незавидные условия: цикл подготовки спектакля очень короток и может обойтись всего парой репетиций, каждая постановка идет не более двух раз, а чаще всего — один-единственный. Так, благодаря большому успеху первого представления, дважды были показаны «Дитя природы», «Вечный жид», «Русская свадьба». Из всего этого следует, что за один театральный сезон рождается и умирает несколько десятков постановок. Это не может не отражаться на качестве, и томские критики относились к этому с пониманием. В сжатые сроки освоить произведение многогранное и тяжелое для восприятия зрителем труппе часто не удавалось: например, без успеха прошли «Уриэль Акоста» К. Гуцкова и «Разбойники» Ф. Шиллера. Но в истории первого сезона томского театра сохранились несколько провалов, которые не смогли простить даже самые лояльные театралы. По общему мнению, совершенно неудачными во всех отношениях были постановки «Грозы» А. Н. Островского, «Ревизора» Н. В. Гоголя, «Горя от ума» А. С. Грибоедова.

«Горе от ума» — пьеса, хорошо знакомая томскому зрителю. Она уже шла в сезоны 1881/82 г. (антреприза Никольской), 1882/83 г. (антреприза Леонова), 1883/84 г. (антреприза Бельского). Премьера постановки труппы Корсакова состоялась 10 ноября. Критики единодушно высказали мнение о том, что такого неудовлетворительного исполнения пьесы Грибоедова в Томске ещё не бывало. Поразительным для всех оказалось то, как несерьёзно коллектив театра отнёсся к такому значимому произведению русской классики². Актеры то и дело ошибались в стихах, то пропуская слова, то добавляя от себя. Труппа, в начале сезона всеми отмеченная как весьма добросовестная и стоящая внимания, на этот раз шокировала публику неспособностью не только осмысленно сыграть, но и хотя бы должным образом декламировать.

Исполнение Скуратовым роли Чацкого не вызвало ни у кого восторга, но на общем фоне он выделялся хорошим чтением грибоедовских стихов; Волховский отмечает, что актёру вполне удались некоторые сцены. Хорош был Тихомиров в роли Репетилова.

¹ Сибирская летопись // Сибирский вестник. 1885. № 22. С. 7.

² Хроника Томского театра // Сибирская газета. 1885. № 46. С. 1238–1240.

Роль служанки Лизы была передана Барнес, которая уже исполняла её два сезона назад. Её игра никого не разочаровала и в этот раз, но это не могло спасти плачевную в целом ситуацию. Спектакль при полном сборе — такая пьеса, как «Горе от ума», никак не могла быть проигнорирована томской публикой, — совершенно провалился. «Молчалин — Горбунов был достоин того, чтобы прогнать его со сцены»¹: исполнителю, по мнению критиков, роль совершенно не удалась, он изображал человека преувеличенно жалкого, уродливого, неспособного вызвать никакой симпатии у молодой девушки. Сам организатор труппы, Корсаков, провалил роль Фамусова, не сумев ни подобрать должный наряд и сделать соответствующий грим, ни выучить текст.

В середине декабря труппу покидают трое артистов: Скуратов, Штольц-Туманова и Херсонский. И если отъезд последнего был связан с личными обстоятельствами, то причины решения Скуратова и Штольц-Тумановой покинуть товарищество до окончания театрального сезона носят не такой однозначный характер. Долгоруков объясняет случившееся конфликтом Скуратова с суфлёром театра, неосторожным словом задевшим Штольц-Туманову. Согласно заметке, Скуратов вступился за неё, потребовал увольнения суфлёра и, получив отказ, покинул театр. Автор статьи выражает недоумение тем, что Скуратов не попытался решить проблему мирным путем². Однако есть все основания полагать, что Скуратов покинул Томск по другой причине.

Вся дискуссия об этом уместилась в № 28–30 «Сибирского вестника» за 1885 год. Картамышев 21 ноября публикует обвинительную заметку, где выражает мнение, что Корсаков и Скуратов незаконно присвоили себе средства, получаемые от буфета (1300 рублей) и гардероба (900 рублей)³. Картамышев пишет, обращаясь к Корсакову: «... и вы с г. Скуратовым не представители товарищества актёров, а очень ловкие антрепренёры, сумевшие взять в свою пользу все верные доходы предприятия»⁴.

Уже в следующем номере газеты, 31-м, появились сведения об отъезде Скуратова и Штольц-Тумановой. Обязанности режиссёра возьмёт на себя Корсаков. Надежды театралов на то, что отъ-

¹ Картамышев В. П. (Щукин). Чем мы живы (фельетон Сибирского вестника) // Сибирский вестник. 1885. № 27. С. 15.

² Долгоруков В. А. (Всеволод Сибирский). Провинциальные театры. Томск // Театральный мирок. 1886. № 3. С. 6–7.

³ Картамышев В. П. Мысли вслух // Сибирский вестник. 1885. № 28. С. 12.

⁴ Картамышев В. П. (Щукин). Мысли вслух // Сибирский вестник. 1885. № 30. С. 11.

езд прежнего режиссера повлечёт за собой значительное улучшение репертуара, частично оправдаются. Но Картамышев почти перестанет писать о театре Королёва, лишь в конце сезона опубликует пару заметок, подводящих итоги.

К Островскому труппа обратилась не только в день открытия. Позднее были представлены премьеры пьес «Гроза» и «Бедность не порок». «Гроза» с треском провалилась 8 декабря: исполнители, за исключением нескольких лиц, отличались неестественностью, деланностью, которая совершенно не пошла на пользу постановке. Повлиял на провал и тот факт, что роль Катерины была спешно передана в день премьеры актрисе Немировой, вместо отсутствующей в связи с болезнью Строговой. Горбунов в роли очарованного Катерину Бориса «отличался крайней деревянностью», кукольностью¹. Не смогли спасти спектакль хорошо исполненные роли Кулигина (Топорков), Дикого (Фелонов) и Феклуши (Косяковская). Ровно через неделю, 16 декабря, провалится и легендарная пьеса «Ревизор».

В конце декабря — январе дела в театре изменятся к лучшему: бенефис актёра Горбунова 9-го числа даст рекордный сбор: 780 рублей, на 30 рублей больше, чем выручили в день открытия. Такой успех (более коммерческий, чем художественный) обеспечил не актёрский состав, а бенефициант, сумевший завлечь публику в театр. Помимо драмы «Кощей» и комической оперы «Дочь второго полка» Горбунов выбрал малоизвестный водевиль Д. Н. Корнатовского «Арина — мужчина»² и добавил к афише подпись: «Действие происходит в одном из домиков города Томска»³. Как вспоминает рецензент «Сибирской газеты», подобный способ привлечь зрителей на свой бенефис Горбунов уже использовал пять лет назад, когда работал старый деревянный театр, но с драмой «Плетью обуха не перешибёшь».

Постановочная часть в этот период тоже пришла к некоторым улучшениям. Постановка по пьесе Островского «Бедность не порок», состоявшаяся 23 января, станет «лучом света» для театра. Драма, с успехом прошедшая в бенефис актёра Тихомирова, вселила в театралов надежду на то, что труппа всё же в силах работать с русским классическим репертуаром. Труппа показала себя с лучшей стороны: актёры не давали карикатурных образов, а перевоплощались в людей естественных и многогранных. В других поста-

¹ Хроника Томского театра // Сибирская газета. 1885. № 50. С. 1367–1368.

² Долгоруков В. А. (Всеволод Сибирский). Провинциальные театры. Томск // Театральный мирок. 1886. № 7. С. 6.

³ Хроника Томского театра // Сибирская газета. 1886. № 2. С. 42.

новках в это время проявлялись те же тенденции. Корсаков на посту режиссёра не вызывал такого гнева критиков, как его предшественник.

Конец сезона традиционно пришелся на масленичные гуляния, и в связи с этим последнюю неделю в театре не наблюдалось большого числа зрителей. В целом итоги сезона вышли неплохими. По официальным сведениям от товарищества, валовый сбор за сезон составил 23 620 рублей 1 копейку, что весьма немало. Королёв получил 5 262 рубля, что действительно превысило те суммы фиксированной прибыли, от которых он отказался. Сразу после окончания театрального сезона 1885/86 гг. Королёв принял решение стать антрепренёром своего театра в следующем сезоне¹. Должность режиссёра было решено сохранить за Корсаковым, он же и был выбран составителем новой труппы. Помимо Корсакова из прежней труппы в новом сезоне ангажемент был предложен Топоркову, Фелонову, Строговой и Косяковской.

Заключение. Появление театрального здания такого уровня стало большим шагом для томского театра, вехой в его истории. Театр Королёва не просто повысил уровень комфорта для публики и актёров. Новое театральное помещение привлекло в Томск известные театральные коллективы, о театре и его постановках писали уже не только провинциальные, но и столичные авторы. Наряду с хвалебными рецензиями появлялись также критические замечания, посвящённые как самому театральному зданию, его обустройству и предлагавшимся зрителям услугам, так и особенностям формирования театральной труппы, постановкам, а также игре актёров. Благодаря сохранившимся газетным публикациям можно судить и о качестве репертуара томского театра в сезоне 1885/86 гг., в котором можно было увидеть как постановки известных драматических произведений, так и водевили, что было тогда обычной практикой. Вместе с открытием в Томске Королёвского театра начал расти общий уровень увлечённости театральными постановками и культурный уровень горожан в целом. Первый частный каменный театр в Томске стал примером и для соседних губерний. Такие театры начали открываться и в других городах Сибири (Иркутск, Омск), для которых вопрос нехватки сценических площадок традиционно стоял не менее остро.

Список источников

1. Вяткин Г. Театр в Томске (Профессиональные труппы в Томске. Любительские организации. Общие условия местного театрального дела) //

¹ Хроника Томского театра // Сибирская газета. 1886. № 2. С. 42.

Город Томск. Томск: Издание Сибирского товарищества печатного дела в Томске, 1912. С. 324–330.

2. Лясоцкий И. Е. Прошлое Томска в названиях его улиц, построек и окрестностей. Томск: Полиграфиздат, 1952. 64 с.

3. Суздальский В. Королёвский театр // Томская старина. Томск: Томская писательская организация, 1991. № 1. С. 10–11.

4. Суздальский В. И. Театр уж полон...: из истории Томского драматического. 2-е изд. Томск: [б. и.], 2016. 112 с.: ил., фото.

5. Родченко Ю. И. К истории первого сезона театра Е. И. Королёва в Томске (на материале «Сибирской газеты» и «Сибирского вестника») // Вестник Томского государственного университета. История. 2013. № 6 (26). С. 27–31.

6. Томский областной театр драмы. Творческое развитие и становление. Томск: [б. и.], 2021. 232 с.

7. Королёв Евграф — купец, почётный гражданин Томска : сборник документов и материалов / сост. Л. Н. Приль; ред. Л. В. Чередникова; Томская областная универсальная научная библиотека им. А. С. Пушкина. Томск: [б. и.], 2024 (Ижевск: Принт), 2024. 175 с.: ил. (Историко-краеведческий архив; вып. 8).

8. Томская городская дума. Свод постановлений Томской городской думы с 1874 по 1881 год / сост. Н. Е. Тюшев. Томск: Типография К. А. Орлова, 1901. 857 с.

References

1. Vyatkin G. Theater in Tomsk (Professional troupes in Tomsk. Amateur organizations. General conditions of local theatrical business). *Gorod Tomsk* [Tomsk city]. Tomsk: Publication of the Siberian Printing Association in Tomsk Press, 1912. Pp. 324–330. (In Russ.)

2. Lyasockij I. E. *Proshloe Tomska v nazvaniyah ego ulic, postroek i okrestnostej* [Tomsk's past is in the names of its streets, buildings, and surroundings]. Tomsk: Polygraph publishing house Press, 1952. 64 p. (In Russ.)

3. Suzdal'skij V. Korolev theatre. *Tomskaya starina* [Tomsk antiquity]. Tomsk: Tomsk Writers' Organization Press, 1991, no 1, pp. 10–11. (In Russ.)

4. Suzdal'skij V. I. *Teatr uzhd polon... : iz istorii Tomskogo dramaticheskogo* [The theater is already full... : from the history of the Tomsk Drama Theater]. 2-e izd. Tomsk [s.n.], 2016. 112 p.: il., foto. (In Russ.)

5. Rodchenko Y. I. On the history of the first season of the E. I. Korolev Theater in Tomsk (based on the material of the Siberian Gazette and the Siberian Bulletin). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya* [Tomsk State University Bulletin. History], 2013, no 6 (26), pp. 27–31. (In Russ.)

6. *Tomskij oblastnoj teatr dramy. Tvorcheskoe razvitie i stanovlenie* [Tomsk Regional Drama Theater. Creative development and formation]. Tomsk: [b. i.], 2021. 232 p. (In Russ.)

7. *Korolyov Evgraf — kupec, pochyotnyj grazhdanin Tomsk* [Korolev Yevgraf — merchant, Honorary citizen of Tomsk] : *sbornik dokumentov i materialov / sostavitel' L. N. Pril'*; redaktor L. V. Cherednikova; Tomskaya oblastnaya universal'naya nauchnaya biblioteka im. A. S. Pushkina. Tomsk: [s.n.], 2024 (Izhevsk: «Print»), 2024. 175 p.: il. (Istoriko-kraevedcheskij arhiv; vyp. 8). (In Russ.)

8. *Tomskaya gorodskaya дума. Svod postanovlenij Tomskoj gorodskoj dumy s 1874 po 1881 god* [Tomsk City Duma. A set of resolutions of the Tomsk City Duma from 1874 to 1881]. [Sost. N. E. Tyushev]. Tomsk: Printing house of K. A. Orlov Press, 1901. 857 p. (In Russ.)

Информация об авторах

Буракова Юлия Борисовна, студент 4-го курса специальности «Театроведение» факультета сценических и экранных искусств Российского государственного института сценических искусств (Россия, 650056, Кемерово, ул. Ворошилова, 15)

Ковалевский Сергей Алексеевич, доктор исторических наук, профессор кафедры продюсерства и общенаучных дисциплин Российского государственного института сценических искусств (Россия, 650056, Кемерово, ул. Ворошилова, 15); доктор исторических наук, профессор кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т. Ф. Горбачева (Россия, 650000, Кемерово, ул. Весенняя, 28)

Information about the authors

Iuliia B. Burakova, 4rd year student of the specialty “Theater Studies” of the Faculty of Stage and Screen Arts of the Russian State Institute of Performing Arts (15, Voroshilova str., Kemerovo, 650056, Russia)

Sergey A. Kovalevsky, Doctor of Historical Sciences, professor of Department of Production and General Scientific Disciplines Russian State Institute of Performing Arts (15, Voroshilova str., Kemerovo, 650056, Russia); Doctor of Historical Sciences, professor of Department of History, Philosophy and Social Sciences T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (28, Vesennaya str., Kemerovo, 650000, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 01.05.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 03.07.2025
Принята к публикации / Accepted for publication 20.09.2025

Научная статья / Article

УДК 7.097 + 004.9

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-100>

**Влияние визуальной культуры
на социальные архетипы моды XX — начала XXI века:
ретроспектива эволюции**

Вера Владиславовна Гонцова

Санкт-Петербургский государственный институт культуры,
Санкт-Петербург, Россия
verusya18@yandex.ru

Аннотация. В статье исследуется эволюция социальных архетипов в сфере моды под влиянием доминирующих форм визуальной культуры — от кинематографа и модной иллюстрации до цифровых медиа. Раскрывается их роль в формировании культурных кодов, идентичности и потребительских практик. Особое внимание уделено методологическому осмыслению моды как семиотической системы и анализу технологического перелома XXI в., когда креативные индустрии и цифровые платформы стали ключевыми площадками для генерации новых архетипов. На основе современных интерпретаций теории архетипов К. Г. Юнга анализируется, как мода трансформировала универсальные образы (герой, бунтарь, мудрец и др.) в актуальные стилевые нарративы с акцентом на ключевые трансформации: переход от социальных типажей к кинообразам, поп-исполнителям и, наконец, к современным цифровым персоналиям (инфлюенсеры, аватары).

Исследование опирается на междисциплинарный подход, объединяющий семиотический, структурный и архетипический анализ, и демонстрирует, как архетипы стали инструментом конструирования идентичности в условиях гипервизуальности XXI в.

Ключевые слова: визуальная культура, социальные архетипы моды, цифровизация, цифровые симулякры, гипервизуальность, CGI-эстетика, цифровые персоналии, эстетика *cleangirl*

Для цитирования: Гонцова В. В. Влияние визуальной культуры на социальные архетипы моды XX — начала XXI века: ретроспектива эволюции // Человек. Культура. Образование. 2025. № 4. С. 100–115. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-100>

The Influence of Visual Culture on Social Archetypes of Fashion in the 20th — Early 21st Centuries: A Retrospective of Evolution

Vera V. Gontsova

St. Petersburg State Institute of Culture, Saint Petersburg, Russia
verusya18@yandex.ru

Abstract. *The article explores the evolution of social archetypes in the field of fashion under the influence of dominant forms of visual culture, from cinema and fashion illustration to digital media. It reveals their role in shaping cultural codes, identities, and consumer practices. The article focuses on the methodological understanding of fashion as a semiotic system and the analysis of the technological revolution of the 21st century, where creative industries and digital platforms have become key platforms for generating new archetypes. Based on modern interpretations of C.G. Jung's theory of archetypes, the article analyzes how fashion has transformed universal images (hero, rebel, sage, etc.) into relevant style narratives, focusing on key transformations: the transition from social types to film characters, pop singers, and finally to modern digital personalities (influencers, avatars).*

The study relies on an interdisciplinary approach that combines semiotic, structural, and archetypal analysis, demonstrating how archetypes have become a tool for constructing identity in the hypervisual environment of the 21st century.

Keywords: *visual culture, social archetypes of fashion, digitalization, digital simulacra, hypervisuality, CGI aesthetics, digital personalities, clean girl aesthetic*

For citation: Gontsova V. V. The Influence of Visual Culture on Social Archetypes of Fashion in the 20th — Early 21st Centuries: A Retrospective of Evolution. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education.* 2025; 4: 100–115. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-100>

Введение. Сфера моды на протяжении своей истории подчиняется не только логике коммерции и технологий, но и глубинным культурным механизмам. Одним из таких механизмов является формирование социальных архетипов моды — устойчивых, тиражируемых визуальных сценариев, аккумулирующих дух времени и предлагающих готовые модели идентичности, реализуемые через стиль и сопутствующие практики. Эти образы, возникая на стыке социальных изменений, художественных течений и индивидуального творчества, транслируют ценности эпох и одновременно формируют их.

Цель статьи — раскрыть феномен социальных архетипов в моде, выявив их культурные функции и траекторию эволюции под влиянием визуальной культуры. Визуальная культура, понимаемая в работе как совокупность кинематографа, модной фотографии и

цифровой среды (соцсети, метавселенные, виртуальные платформы), является приоритетным полем анализа, поскольку обладает уникальной способностью тиражировать, гибридизировать и актуализировать архетипические образы благодаря своей доступности, эмоциональному воздействию и способности создавать убедительные симулякры (Ж. Бодрийяр [1]).

Актуальность работы обусловлена необходимостью осмысления моды как языка, который, сохраняя глубинные структуры (социальные архетипы) и порождая их новые формы, адаптируется к историко-культурным реалиям, находя свое выражение и в цифровую эпоху.

Методы исследования, теоретическая база. В контексте данной работы мода понимается как динамичная семиотическая система (Р. Барт [2]), транслирующая социальные ценности и конструирующая идентичность через визуальные коды. Методология включает анализ визуальных и текстовых источников (кинематограф, реклама, медиа), а также применение междисциплинарного подхода, объединяющего семиотический, структурный (К. Леви-Стросс [3]) и архетипический анализ (К. Г. Юнг [4]).

Классические труды, посвященные социальному функционированию моды (Г. Зиммель [5], Дж. Флюгель [6]), заложили фундамент для понимания моды как социального регулятора, в то время как семиотический подход Р. Барта позволил анализировать ее как язык. Несмотря на это, тема типажей и архетипов в моде исследована фрагментарно. Хотя классические теории архетипов (К. Юнг [4], Дж. Кэмпбелл [7]) активно применяются в смежных областях, их адаптация к модному дискурсу остается несистемной. Исторические типажы (вампы, денди) получили освещение в контексте субкультур и истории костюма [8; 9], однако зачастую без должной архетипической проработки. В свою очередь, современные цифровые персоналии исследуются преимущественно в рамках digital humanities [10], но, как правило, без установления связи с универсальными архетипическими моделями.

Таким образом, данное исследование призвано систематизировать разрозненные аспекты изучения модных архетипов, фокусируясь на эволюции визуальной репрезентации архетипов и предлагая единый аналитический каркас для их изучения — от исторических типажей до цифровых симулякров.

Результаты исследования и их обсуждение. В начале XX в. феномен культурного кодирования через визуальные образы обрел свою современную форму с расцветом кинематографа, который не просто фиксировал, но активно формировал модные иде-

алы. В первые годы XX столетия экранные героини появлялись в корсетах, создававших силуэт «песочные часы» — этот образ, запечатлённый в гравюрах журнала «La Mode Illustrée», служил визуальным воплощением патриархальных ценностей. Мужские персонажи того периода, облачённые в строгие сюртуки и цилиндры, подчёркивали неизбежность классовых границ.

Следующее десятилетие принесло радикальные изменения: на смену девушкам в корсетах пришел новый идеал девушки «гарсон» (*garçonne*), воплощенный суфражистками в практичных шляпах-клош и укороченных юбках, чьи силуэты символизировали эмансипацию [11, с. 134–145]. Киноактрисы воплощали этот образ на экране, демонстрируя публике независимую, деятельную женщину. Параллельно в мужской моде архетип «денди» стал ностальгическим напоминанием об угасающей аристократической культуре. Этот образ тиражировался через готовую одежду и аксессуары, будучи подхвачен интеллектуалами и богемой как форма перформанса изысканности [9, с. 213].

Вышедший в 1917 г. фильм «Клеопатра» с Тедой Барой в главной роли не только демонстрировал принципиально новый идеал динамичной, раскрепощённой женщины, порвавшей с викторианскими условностями, но и закрепил в массовом сознании архетип *femme fatale*. Бара, одна из первых кинозвёзд и секс-символов немого кино, получила прозвище «вамп» (от англ. *vampire* — вампир), ставшее в сленге эпохи синонимом роковой женщины [12, р. 60]. Её экранный образ — бледная кожа с подчёркнуто тёмным макияжем и облегающими силуэтами создал узнаваемую эстетику, которую позже адаптировали модные дома, превратив в инструмент эмансипации. Этот визуальный переворот ознаменовал начало постмодернистского переосмысления гендерных ролей: традиционные женские образы «невинной девы» и «добродетельной жены» начали стремительно терять однозначность, уступая место сложным, амбивалентным персонажам. Таким образом, кинематограф, превратившийся в транснациональный язык, теперь не просто фиксировал моду, а конструировал принципиально иные социальные идентичности, где короткие стрижки и прямые силуэты становились маркерами современности.

Эпоха 1920-х гг. совершила двойную революцию в визуальной культуре. Кинематограф стал главной площадкой для формирования новых образов: Луиза Брукс в «Американской Венере» (1926) воплотила образ *flapper* [13], бунтарки с короткой стрижкой и платьем-рубашкой. Этот визуальный переворот ознаменовал важнейший принцип: отныне модный архетип — это не просто стиль,

но сценарий идентичности, предлагаемый зрителю для присвоения. Потребительские практики, такие как массовое копирование стрижки «а-ля гарсон», были актом социальной идентификации с новой женственностью, визуализированной на экране.

С другой стороны, после Первой мировой войны укрепился спрос на новые популярные амплуа, отражавшие изменившиеся социальные ожидания: Рудольфо Валентино в «Шейхе» (1921) и «Крови и песке» (1922) олицетворял роковую страсть, Чарли Чаплин с его образом «маленького человека» стал символом человечности в эпоху механизации, а Дуглас Фэрбенкс в «Знаке Зорро» (1920) и «Робине Гуде» (1922) воплощал оптимистичный идеал «нового американца» — энергичного, но благородного героя. Эти типажи не просто заполнили вакуум, но и сформировали архетипы, позже развитые звуковым кино: от харизматичного «плохого парня» в лице Кларка Гейбла до скромного «парня с соседней улицы» в исполнении Джеймса Стюарта. Их экранные образы мгновенно коммодифицировались: от копирования прически Валентино до массового спроса на простые кардиганы и фланелевые рубашки «а-ля Стюарт», что позволяло обычному человеку примерить на себя готовый сценарий маскулинности.

Параллельно футуристические ленты «Метрополис» (1926) Фрица Ланга и «Аэлита» (1924) Якова Протазанова с авангардными костюмами Александры Экстер предложили принципиально новую визуальную эстетику, где геометричные, кинетические формы, вдохновленные машинным веком, материализовали архетипы технологического провидца, покорителя новых миров и человека перед лицом будущего. Эти кинематографические эксперименты не просто создали альтернативную мифологию моды, но и заложили эстетические основы для принципиально новых способов презентации костюма, где традиционные типажи существовали в диалог с футуристическими образами.

Данный синтез эволюционировал в феномен фешн-фильма — формата на стыке рекламы, искусства и кино. Фешн-фильмы позволили конструировать целостные «вселенные», где костюм раскрывал свой потенциал через движение. Этот переход окончательно стер границы между утилитарной демонстрацией одежды и созданием сложных образных систем.

Эпоха Великой депрессии породила удивительный парадокс в культуре моды: пока улицы заполняли практичные кожаные куртки и джинсы, киноэкраны сияли искусственным блеском голливудского гламура. *Кинематограф 1930-х гг.* сознательно конструировал эту иллюзорную реальность — студийная система кропотли-

во создавала образы божественных кинодив, чья гламурная эстетика существовала исключительно на экране и отретушированных снимках постановочных фотосессий [14, p. 89–112]. Грета Гарбо, Марлен Дитрих и другие звезды того периода воплощали недосягаемый идеал, где облегающие шелковые платья и меха становились визуальным антидотом повседневным трудностям.

Возникающий здесь дуализм моды — отражать реальность и одновременно быть от нее убежищем — становится постоянной характеристикой ее взаимодействия с обществом. Киноиндустрия мастерски играла на этом противоречии, предлагая зрителю одновременно утешение через узнаваемые «земные» архетипы «славного малого» и веру в волшебный опыт, воплощенный в архетипах «мечтателя» и «любownika».

Популярные фильмы, например «Гранд Отель» (1932) и «Дама с камелиями» (1938), усиливали этот эффект, возвращая моду к романтизму и изысканности. Кинозвезды 1930-х гг. транслировали специально сконструированные образы, существующие в измерении гламура. Их тщательно продуманные платья, прически и макияж создавали резкий контраст с практичной одеждой большинства населения.

Таким образом, 1930-е сформировали два параллельных модных языка: один говорил о выживании и простоте, другой — о бегстве в мир грез и совершенства. Этот дуализм стал характерной чертой эпохи, когда мода одновременно отражала социальные реалии и предлагала от них убежище. Причем киноиндустрия мастерски играла на этом противоречии, предлагая зрителю одновременно утешение через узнаваемые «земные» архетипы «славного малого» и «героя» и веру в волшебный опыт, актуализируя архетипы «мечтателя», «любownika», «творца».

Отметим, что в данный период и вплоть до 1980-х модная иллюстрация служила ключевым инструментом презентации тенденций через визуальную репрезентацию костюма. С развитием фотографии модные образы перешли в убедительные визуальные нарративы. Как отмечал Р. Барт: «Модная фотография не отражает одежду, а создаёт мифологический образ, где вещь становится знаком желаний» [2, с. 118]. Фотография придавала типажам эффект подлинности, превращая одежду в язык персонального мифа.

Военные и послевоенные десятилетия за рубежом стали временем радикальных трансформаций в моде. Если довоенная мода конструировала образы разрыва с традицией, то послевоенная эпоха демонстрирует возврат к архетипическим основам, но в новом, мифологизированном ключе. Ярким примером стал «New Look»

Кристиана Диора (1947 г.), реанимировавший силуэт «песочные часы», который символизировал ностальгию по довоенной стабильности. Этот ретроспективный образ, воспринятый как «возвращение в утраченный рай», актуализировал архетипы «мечтателя» с его верой в возрождение прекрасного прошлого и «любовника» с культом чувственной женственности. Однако мифологизация архетипа «любовника» в образе «утраченного рая» не остановила формирование в молодежной среде контр-архетипов, готовивших новый виток бунта.

1950-е гг. углубили этот дуализм: с одной стороны, идеализированный образ «домохозяйки» в пышных юбках (Грейс Келли, Одри Хепберн) воплощал архетип «заботливого», с другой — бунтарская эстетика рок-н-ролла в кожаных куртках (Джеймс Дин, Элвис Пресли) возрождала архетип «бунтаря». Особое место занял культовый образ Мэрилин Монро, ставший каноническим воплощением архетипа «любовника» в его массово-коммерческом варианте.

Таким образом, первая половина XX в. прошла под доминантой кинематографа, который не только фиксировал, но и конструировал ключевые модные архетипы, предлагая зрителю готовые сценарии идентичности. Однако к середине столетия на смену кинообразу как главному генератору желания пришла модная фотография, сумевшая предложить новую и на первый взгляд более аутентичную визуальную реальность.

Вместе с этим к концу 1940-х — началу 1950-х гг. развитие модной фотографии как самостоятельного искусства, способного конкурировать с кинематографическими образами, достигло переломного момента. Именно в этот период культовые журналы «Vogue» и «Harper's Bazaar» под руководством редакторов Дианы Вриланд и Кармел Сноу, а также благодаря новаторской работе фотографов Ричарда Аведона, Ирвинга Пенна и Хорста П. Хорста трансформировали фэшн-съёмку из простой демонстрации одежды в сложное нарративное искусство. Их работы — например аведоновская серия «Довима с слонами» (1955) для Dior или сюрреалистичные композиции Пенна — не просто фиксировали моду, а создавали визуальные мифы, сопоставимые по силе воздействия с кинообразами.

Критический сдвиг произошёл, когда послевоенное поколение, уставшее от голливудской студийной искусственности, обратилось к более «аутентичной» эстетике журнальных фото. Показателен 1957 год: выпуск «Harper's Bazaar» с моделью Сьюзи Паркер в динамичных уличных съёмках Мелвина Сокольского (серия «Балерина на крыше») стал культовым, демонстрируя, как модная фо-

тография перехватывает у кинематографа роль главного генератора визуальных желаний.

Академические исследования [15, с. 78–85] подтверждают, что к 1960-м гг. модные редакции окончательно сместили акцент с киноактрис на профессиональных моделей (например, Твигги и Джин Шримптон), а фотографии в лице Дэвида Бейли и Хельмута Ньютона доказали, что модная фотография не просто дополняет, но и формирует культурные коды современности.

1960–1970-е гг. ознаменовались временем радикальных перемен в моде, культом молодости. Дизайнеры и иконы стиля воплощали дух эпохи через смелые эксперименты, разрывая с традициями и создавая новые идеалы. Пьер Карден и Андре Курреж популяризировали футуристический стиль, вдохновленный космической гонкой. Их коллекции с геометрическими силуэтами, металлическими тканями и мини-юбками, введенными Куррежем в 1964 г., олицетворяли модный типаж с его стремлением к прогрессу и утопическому будущему. В кино этот образ воплотили футуристические костюмы Пако Рабана для героини Чёрной королевы в «Барбарелле», её «хромированный» наряд стал символом «космического шика», а среди мужчин эталоном стал Жан-Поль Бельмондо в фильме «Безумный Пьеро» (1965), где его образ сочетал интеллектуальную харизму и авангардный дух.

Противоположностью футуризму стала андерграундная эстетика Твигги. Ее андрогинный облик с короткими платьями и графическим макияжем бросил вызов традиционной женственности, став визуальным манифестом молодежного протеста. В кино схожую эстетику можно увидеть у героини Мии Фэрроу в «Ребенке Розмари» (1968), где ее хрупкость и тревожная натура отражали дух бунтующей молодежи. Среди мужчин иконой контркультуры стал Джим Моррисон из «The Doors», он воплотил мужской бунтарский идеал через узнаваемый стиль: кожаные штаны, расстегнутые рубашки и поэтичную небрежность.

Конец 1960-х принес стиль хиппи — этнические принты, свободные силуэты и мистическую символику, что отражало новый социальный типаж: мечтателя об утопии и создателя новой реальности через модную эстетику. В кино этот дух свободы ярко воплотил Деннис Хоппер в «Беспечном ездоке» (1969), его образ в потертых кожаных жилетах, бахромчатой замшевой куртке и клетчатых рубашках в стиле «западного кочевника» стал визуальным манифестом эпохи. Женским воплощением естественности и раскрепощенности стала Джейн Биркин, чьи простые рубашки и джинсы превратились в эталон небрежного шика.

Таким образом, 1960–1970-е гг. сформировали ключевые модные типы, сохраняющие актуальность и сегодня: «футуристический визионер» (экспериментальные материалы и космические силуэты), «андерграундный бунтарь» (кожа, рваные джинсы, протестная эстетика) и «хиппи» (этника, натуральные ткани, эзотерические символы). Эти стилевые направления вышли за рамки подиумов, воплотившись в киногероях, звездах поп-музыки и повседневной уличной моде, трансформировав одежду в действенный инструмент культурного сопротивления и личностной идентификации.

В 1980-е гг. приходит эпоха яппи с ее культом успеха и ироничным кэмпом. В моде сформировались два ключевых типажа: «карьеристка» в костюмах с гипертрофированными плечами и «мужчина-финансист» в мягких бесструктурных пиджаках Armani, ставших униформой Уолл-стрит. Параллельно зарождался архетип «шута» через эстетику кэмп и намеренно «плохого вкуса»: Мадонна в кружевных перчатках и слоях бижутерии деконструировала нормы, а Дэвид Боуи в образе Короля-клоуна делал моду перформансом.

В этот период в академической среде происходило переосмысление юнгианской теории архетипов, что напрямую повлияло на моду. В 1986 г. был опубликован труд Кэрол Пирсон, выделившей 12 универсальных архетипов («мечтатель», «искатель», «мудрец», «бунтарь», «герой», «маг», «славный малый», «любовник», «шут», «заботливый», «творец», «деловой»), которые, по мнению автора, структурируют коллективное бессознательное в современной культуре [16]. Эта теория была позднее интерпретирована в работе К. Пирсон и маркетолога М. Марк, став инструментом создания узнаваемых брендовых персоналий в массовой культуре [17]. Параллельно антрополог Кларисса Пинкола Эстес в книге «Бегущая с волками» (1992) предложила исключительно женскую версию архетипов в рассматриваемой сфере [18], связав их с мифологическими образами («дикая женщина», «старая мудрая»), а психолог Джин Шинода Болен в работе «Богиня в каждой женщине» [19] (1984) адаптировала юнгианство к современной культуре через призму греческих богинь (Афина — «стратег», Афродита — «любовница», Гера — «жена», Деметра — «мать», Артемида — «амазонка», Персефона — «дева», Гестия — «мудрая хранительница»). Эти идеи дали моде концептуальный язык для осмысления своих визуальных кодов.

Появление указанных интерпретаций совпало с радикальными изменениями в визуальной репрезентации моды. Если до 1980-х фешн-иллюстрация в журналах, в первую очередь «Vogue»,

выполняла утилитарную роль (техническое описание одежды), то с победой фотографии она трансформировалась в самостоятельное искусство. Издания перешли от демонстрации вещей к созданию «образов определенного назначения», где костюм стал средством индивидуального самовыражения [20, с. 134–145]. Этот переход, окончательно оформившийся в 1980-е, завершил эволюцию моды от одежды как униформы к персональному нарративу в соответствии с духом десятилетия, когда главенствовал не просто стиль, а его способность говорить о сложности человеческой идентичности.

В 1990-е гг. показная роскошь уступила место эстетике намеренной небрежности и гранжа. Женский идеал трансформировался от гламурной супермодели Линды Евангелисты к «болезненной» хрупкости Кейт Мосс в мятых платьях от Marc Jacobs, в то время как мужская мода обрела типаж в лице Курта Кобейна, чьи растянутые свитеры и поношенные кеды превратились в униформу поколения.

Эпоха 1950–1990-х гг. с ее доминантой модной фотографии продемонстрировала эволюцию от гламурных симулякров к культуре «аутентичной» небрежности, окончательно закрепив за модой роль языка личного высказывания. Однако к рубежу тысячелетий эта «аналоговая» парадигма исчерпала себя, уступая место новому, цифровому порядку создания образов.

Эстетика намеренной небрежности 1990-х по иронии стала последним крупным модным архетипом, рожденным «аналоговой» визуальной культурой, где фотообъектив еще претендовал на документирование реальности. Однако уже тогда зарождался цифровой сдвиг, который радикально изменит сами условия производства образов. С распространением интернета и социальных сетей визуальная культура вступает в новую фазу, где креативные индустрии становятся комплексным полем, объединяющим моду, дизайн, рекламу и цифровые технологии, и начинают генерировать архетипы напрямую, минуя опосредующую роль традиционного кино.

Как отмечал Р. Барт, мода представляет собой семантическую игру: «Она постоянно манипулирует смыслами, превращая пуговицу в знак роскоши, а дыру на джинсах — в символ свободы. Она не описывает реальность, а создаёт новую» [2, с. 102]. Этот принцип объясняет, почему намеренная небрежность 1990-х гг. стала не признаком бедности, а игровым кодом элитарности. Возникший как протест, «антистиль» 1990-х эволюционировал в новую форму элегантности, подтверждая, что мода формируется на пересечении эпох и мировоззрений.

Современная мода, функционирующая в условиях гипервизуальности цифровой среды [10, с. 48], демонстрирует способность к мгновенному синтезу и гибридизации архетипов. Этот процесс радикально трансформировал саму природу модного образа, что обусловлено возросшей ролью креативных индустрий. Под креативными индустриями в данном исследовании понимается сектор экономики, системно организующий производство и распространение визуальных образов на стыке моды, дизайна, рекламы и цифровых технологий, который в XXI веке стал ключевой площадкой для генерации новых архетипов. Именно они обеспечили переход от культивации гламура и недостижимых идеалов к доминированию цифровых идентичностей — конструкторов, изначально существующих как визуальные симулякры, лишённые материально-го воплощения.

Так, виртуальные инфлюенсеры, такие как Лил Микела [21], являясь прямым продуктом креативных индустрий, воплощают гибридные архетипы. В отличие от них киберготические аватары (цифровые персонажи, синтезирующие эстетику готики и киберпанка, Noonoour [22], Shudu [23]), будучи столь же цифровыми продуктами, отказываются от симуляции человеческой реальности в пользу открытой виртуальности и гиперболизированной эстетики. В их образах архетип «творца», создающего цифровое «Я», гибридизируется с другими: например, эстетика cleangirl актуализирует архетип «делового» через рациональное поведение и тотальный самоконтроль, «дарк-академика» воплощает «мудреца» через ностальгию по интеллектуальной утопии, а киберготические аватары апеллируют к «магу», мифологизируя преодоление биологических ограничений. Эстетика «барбикор», в свою очередь, реанимирует архетип «мечтателя», предлагая уход в абсолютно идеализированную реальность. Средствами создания этой мифологии выступают уже не кинокамера или фотообъектив, а алгоритмы соцсетей, 3D-моделирование и CGI-графика (технология создания фотореалистичных или стилизованных изображений с помощью компьютерных программ).

В отличие от аналоговой эпохи формирование цифровых архетипов подчиняется иной логике. Если кинематографический типаж создавался режиссером и костюмером, а фотографический — совместной работой фотографа и модели, то цифровой архетип является продуктом интерфейса и алгоритма. Платформы социальных сетей с их системой рекомендаций, хештегов и вирального («вирусного») распространения выступают не просто каналом трансляции, а активным соавтором архетипа, отбирая и усиливая те визуальные

черты, которые генерируют максимальный пользовательский отклик. Это создает феномен «архетипической обратной связи»: образ, созданный одним пользователем (например, эстетика cleangirl), мгновенно тиражируется, вариативно копируется и в конечном счете «запоминается» алгоритмической системой, превращаясь в устойчивый визуальный шаблон для подражания. Таким образом, архетип в цифровую эпоху — это не столько глубинный образ коллективного бессознательного, сколько результат коллективного перформанса, отфильтрованного и «оформленного» технологией.

Метавселенные (виртуальные миры с элементами социального взаимодействия) и NFT-коллекции (уникальные цифровые объекты, подтверждающие право владения), такие как коллаборация Balenciaga с игрой Fortnite, доводят эту логику до предела, превращая моду в область нематериального потребления чистых симулякров [1, с. 258]. Бренды адаптируют архетипы к этой новой реальности: Nike усиливает архетип «героя» через нарративы дополненной реальности, а Gucci переосмысливает «шута» в виртуальных пространствах. Таким образом, финальным этапом эволюции становится превращение моды в алгоритмическую систему генерации идентичностей, где потребление есть перформанс внутри пространства визуальных симулякров, а архетип из глубинного психологического образа становится управляемым маркетинговым инструментом.

Заключение. Проведенный анализ позволяет реконструировать целостную траекторию эволюции социальных архетипов моды на протяжении XX — начала XXI в., выявив три последовательные фазы, определяемые доминирующим визуальным медиумом. Первую половину XX столетия ознаменовала доминанта кинематографа, превращавшего универсальные архетипы в зрелищные и тиражируемые сценарии идентичности. С середины XX в. наступила эра модной фотографии, демократизировавшей образы через симуляцию аутентичности и личного мифа. Наконец, на рубеже XX–XXI вв. утвердилась доминанта цифровой среды, где креативные индустрии и алгоритмы породили принципиально новую природу архетипов как алгоритмических конструкторов.

Таким образом, проведенное исследование, опираясь на классический теоретический багаж культурологии и семиотики, позволило системно описать новый этап в эволюции модных архетипов, связанный с их алгоритмизацией и переходом в цифровую среду, что и составляет его основную научную новизну.

Следовательно, каждый виток этой эволюционной спирали — от кинематографического конструирования желаемых идентично-

стей через фотографическую демократизацию образов к алгоритмической генерации цифровых симулякров — не только усиливал влияние визуальной культуры на формирование социальных кодов, но и радикально трансформировал саму природу модного архетипа. Современная мода окончательно превратилась в область нематериального потребления, где виртуальные инфлюенсеры, метавселенные и NFT-коллекции стирают границы между реальным и цифровым, а идентичность становится перформансом в пространстве симулякров.

Список источников

1. Бодрийяр Ж. Общество потребления. Его мифы и структуры / пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской. М.: Культурная революция, 2006. 269 с.
2. Барт Р. Система моды. Статьи по семиотике культуры / пер. с фр., вступ. ст. и коммент. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2003. 512 с.
3. Леви-Стросс К. Структурная антропология / пер. с фр. Вяч. Вс. Иванова. М.: ЭКСМО-Пресс, 2001. 512 с.
4. Юнг К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / пер. с нем. А. А. Спектор; под ред. В. В. Зеленского. М.: АСТ, 2019. 496 с.
5. Зиммель Г. Мода // Избранное. Т. 1. Философия культуры / пер. с нем. М. И. Левиной и др. М.: Юристъ, 1996.
6. Flugel J. C. The Psychology of Clothes. London: Hogarth Press; Institute of Psycho-Analysis, 1930. 297 p.
7. Кэмпбелл Дж. Тысячеликий герой / пер. с англ. А. П. Хомик. СПб.: Питер, 2016. 352 с.
8. Липовецкий Ж. Империя эфемерного: мода и её судьба в современном обществе / пер. с фр. Н. Кисловой. М.: Новое литературное обозрение, 2012. 336 с.
9. Вайнштейн О. Б. Денди: мода, литература, стиль жизни. 2-е изд. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 640 с.
10. Иванова Н. Л. Цифровая мода: от блогов до метавселенных. М.: НЛО, 2022. 288 с.
11. Петухов А. В. Ар-деко и искусство Франции первой четверти XX века. М.: БуксМАрт, 2016. 312 с.
12. Vieira, Mark A. Sin in Soft Focus: Pre-Code Hollywood. New York: Harry N. Abrams, 1999. 256 p.
13. 1920s Flapper: Brash & Beautiful // 1920's Fashion & Music. URL: <http://www.1920s-fashion-and-music.com/1920s-Flapper/> (дата обращения: 15.04.2025).
14. Haskell M. From Reverence to Rape: The Treatment of Women in the Movies. Chicago: University of Chicago Press, 2016. 425 p.

15. Shinkle E. Fashion Photography: The Story in 180 Pictures. London: Thames & Hudson, 2017. 272 p.
16. Pearson C. Awakening the Heroes Within: Twelve Archetypes to Help Us Find Ourselves and Transform Our World. New York: HarperOne, 1991. 352 p.
17. Марк М., Пирсон К. Герой и бунтарь: Создание бренда с помощью архетипов / пер. с англ. под ред. В. Домнина, А. Сухенко. СПб.: Питер, 2005. 336 с.
18. Эстес К. П. Бегущая с волками: Женский архетип в мифах и сказаниях / пер. с англ. Т. Науменко. М.: София, 2013. 496 с.
19. Шинода Болен Дж. Богиня в каждой женщине: Новая психология женщины. Архетипы богинь / пер. с англ. Л. Бесковой. М.: София, 2007. 384 с.
20. Липская В. М. Метафизика костюма: между бытом и бытием. СПб.: Лема, 2013. 248 с.
21. Lil Miquela: The Digital Avatar Who Became an Instagram Influencer // The Cut. 2018. 29 May. URL: <https://www.thecut.com/2018/05/lil-miquela-digital-avatar-instagram-influencer.html> (дата обращения: 05.05. 2025).
22. Noonouri. About The Virtual Influencer // Virtual Humans. URL: <https://www.virtualhumans.org/human/noonouri> (дата обращения: 11.10. 2025).
23. Shudu is the cgi influencer taking over the fashion industry // The Daily Front Row. 2019. URL: <https://fashionweekdaily.com/shudu-cgi-influencer-model/> (дата обращения: 11.10. 2025).

References

1. Bodrijar ZH. *Obshchestvo potrebleniya. Ego mify i struktury* [Consumer society. Its myths and structures]. Transl. from French, with an afterword and notes by E. A. Samarskaya. Moscow: Kul'turnayarevolyuciya Publ., 2006. 269 p. (In Russ.)
2. Bart R. *Sistema mody. Stat'i po semiotikekul'tury* [The Fashion System: Articles on the Semiotics of Culture]. Transl. from French, with an introduction and comments by S. N. Zenkin. Moscow: Sabashnikovyykh Publ., 2003. 512 p. (In Russ.)
3. Levi-Stross K. *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Transl. from French by Vyach. Vs. Ivanov. Moscow: EKSMO-Press, 2001. 512 p. (In Russ.)
4. Jung K.G. *Arkhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe* [Archetypes and the Collective Unconscious]. Transl. from German by A. A. Spector; edited by V. V. Zelen-sky. Moscow: AST Publ., 2019. 496 p. (In Russ.)
5. Zimmel' G. *Fashion. Izbrannoe. T. 1. Filosofiyakul'tury* [Selected Works. Vol. 1. Philosophy of Culture]. Transl. from German by M. I. Levina and others. Moscow: Yurist Publ., 1996. 671 p. (In Russ.)
6. Flugel J. C. *The Psychology of Clothes*. London: Hogarth Press; Institute of Psycho-Analysis, 1930. 297 p.

7. Kempbell Dzh. *Tysyachelikiy geroy* [The Hero with a Thousand Faces]. Transl. from English by A. P. Khomik. Saint Petersburg: Piter Publ., 2016. 352 p. (In Russ.)
8. Lipoveckij Zh. *Imperiya efemernogo: modaieyosud'ba v sovremennomobshchestve* [The Empire of the Ephemeral: fashion and its fate in modern society]. Transl. from French by N. Kislova. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2012. 336 p. (In Russ.)
9. Vainshtein O. B. *Dandy: moda, literatura, stil' zhizni* [Dandy: Fashion, Literature, Lifestyle]. 2nd ed. Moscow: Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2023. 640 p. (In Russ.)
10. Ivanova N. L. *Cifrovayamoda: otblogov do metavseleennyh* [Digital Fashion: From Blogs to Metaverses]. Moscow: NLO Publ., 2022. 288 p. (In Russ.)
11. Petukhov A. V. *Ar-deko i iskusstvo Frantsii pervoy chetverti XX veka* [Art Deco and French Art of the First Quarter of the 20th Century]. Moscow: BuksMART Publ., 2016. 312 p. (In Russ.)
12. Vieira Mark A. *Sin in Soft Focus: Pre-Code Hollywood*. New York: Harry N. Abrams, 1999. 256 p.
13. 1920s Flapper: Brash & Beautiful. *1920's Fashion & Music*. Available at: <http://www.1920s-fashion-and-music.com/1920s-Flapper/> (accessed: 15.04.2025).
14. Haskell M. *From Reverence to Rape: The Treatment of Women in the Movies*. Chicago: University of Chicago Press, 2016. 425 p.
15. Shinkle E. *Fashion Photography: The Story in 180 Pictures*. London: Thames & Hudson, 2017. 272 p.
16. Pearson C. *Awakening the Heroes Within: Twelve Archetypes to Help Us Find Ourselves and Transform Our World*. New York: Harper One, 1991. 352 p.
17. Mark M., Pirson K. *Gerojibuntar': Sozдание brenda s pomoshch'yu arhetipov* [The Hero and the Rebel: Building a Brand with archetypes]. Transl. from English edited by V. Domnin and A. Sukhanko. Saint Petersburg: Piter Publ., 2005. 336 p. (In Russ.)
18. Estes K. P. *Begushchaya s volkami: Zhenskiy arkhetyp v mifakh i skazaniyakh* [Women Who Run with the Wolves: The Archetype of the Wild Woman in Myths and Stories]. Transl. from English by T. Naumenko. Moscow: Sofia Publ., 2013. 496 p. (In Russ.)
19. Shinoda Bolen Dzh. *Boginya v kazhdoy zhenshchine: Novaya psikhologiya zhenshchiny. Arkhetipy bogin'* [Goddesses in Everywoman: A New Psychology of Women. Archetypes of the Goddesses]. Transl. from English by L. Beskova. Moscow: Sofia Publ., 2007. 384 p. (In Russ.)
20. Lipskaia V. M. *Metafizika kostyuma: mezhd bytom i bytiem* [The Metaphysics of Costume: Between Everyday Life and Existence]. St. Petersburg: Lema Publ., 2013. 248 p. (In Russ.)
21. Lil Miquela: The Digital Avatar Who Became an Instagram Influencer. *The Cut*. 2018. 29 May. Available at: <https://www.thecut.com/2018/05/lil-miquela-digital-avatar-instagram-influencer.html> (accessed: 12.04.2025).

22. Noonouri: The Virtual Influencer. *Virtual Humans*. Available at: <https://www.virtualhumans.org/human/noonouri> (accessed: 11.10.2025).

23. Shudu Is the CGI Influencer Taking Over the Fashion Industry. *The Daily Front Row*. 2019. Available at: <https://fashionweekdaily.com/shudu-cgi-influencer-model/> (accessed: 11.10.2025).

Сведения об авторе

Гонцова Вера Владиславовна, аспирант кафедры теории и истории культуры, Санкт-Петербургский государственный институт культуры (Россия, 191186, Санкт-Петербург, Миллионная, 1)

Information about the author

Vera V. Gontsova, Postgraduate student of the Department of Theory and History of Culture, St. Petersburg State Institute of Culture (1, Millionnaya St., St. Petersburg, 191186, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 28.06.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 14.10.2025

Принята к публикации / Accepted for publication 24.10.2025

Научная статья / Article

УДК 811.161.1; 004.5; 800

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-115>

Человек и искусственный интеллект: как понимает пословицы русского языка DeepSeek

Ольга Николаевна Иванищева

Мурманский арктический университет, Мурманск, Россия

oiivanishcheva@gmail.com;

<http://orcid.org/0000-0001-8495-0502>

Аннотация. В статье представлены результаты сопоставительного анализа толкования пословиц чат-ботом DeepSeek и в словаре русских пословиц. Актуальность исследования обусловлена все возрастающим распространением нейросети DeepSeek и доверием к ее информации. Достоинства нейросетей в области преподавания языков давно оценены преподавателями и методистами. Анализа содержания собственно языковой информации до сих пор не проводилось. Цель статьи — определить отличие информации, представленной чат-ботом нейросети DeepSeek и в «Школь-

ном словаре живых русских пословиц» В. М. Мокиенко. В статье были применены метод интен-анализа дефиниции словаря и текста, созданного чат-ботом нейросети DeepSeek в ответ на запросы об употреблении русских пословиц, отобранных методом сплошной выборки из словаря, а также метод сравнения и анализа словарных дефиниций. Описание пословицы основано на структурно-семиотическом и прагматическом подходах, при которых пословица рассматривается как знак ситуации и анализируется ее употребление в речевом акте. Анализ описания значения пословицы чат-ботом и в словаре показал, что искусственный интеллект представляет информацию детализированно, с большей степенью конкретности, в отличие от словаря, дефиниция которого, отражая многовековой опыт человечества, характеризуется большей степенью абстрактности. При анализе описания ситуаций употребления русских пословиц в работе использована идея о том, что рассмотрение инвариантной пословичной ситуации основывается на соотношении компонентов этой ситуации. Такой подход позволяет выявить интенции (намерения говорящего). Определено, что искусственный интеллект представляет интенции с учетом конкретных ситуаций, а словарь описывает основную интенцию, отражающую инвариантную пословичную ситуацию. Показано, что информация чат-бота DeepSeek в этом случае будет более востребована для изучения русских пословиц ребенком или изучающим русский язык как неродной. Подчеркнуто, что способ подачи информации чат-ботом DeepSeek в виде имитации реального общения с человеком при объяснении ситуации употребления пословиц будет содействовать успеху педагогического процесса.

Ключевые слова: искусственный интеллект, чат-бот, DeepSeek, пословицы, толкование пословиц

Для цитирования: Иванищева О. Н. Человек и искусственный интеллект: как понимает пословицы русского языка DeepSeek // Человек. Культура. Образование. 2025. № 4. С. 115–133. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-115>

Human and Artificial Intelligence: How Does the DeepSeek Understand Russian Proverbs

Olga N. Ivanishcheva

Murmansk Arctic University, Murmansk, Russia,

oivanishcheva@gmail.com;

<http://orcid.org/0000-0001-8495-0502>

Abstract. The article presents the results of a comparative analysis of the interpretation of proverbs by the DeepSeek chatbot and in the dictionary of Russian proverbs. The relevance of the study is due to the ever-increasing spread of the DeepSeek neural network and trust in its information. The advantages of neural networks in the field of language teaching have long been appreciated by

teachers and methodologists. The content of the actual linguistic information has not yet been analyzed. The purpose of the article is to determine the difference between the information provided by the DeepSeek neural network chatbot and in the «School Dictionary of Living Russian Proverbs» by V. M. Mokienko. The article applies the method of intent analysis of the dictionary definition and the text created by the DeepSeek neural network chatbot in response to requests for the use of Russian proverbs selected by the continuous sampling method from the dictionary; the method of comparison and analysis of dictionary definitions was used. The description of proverbs is based on the structural-semiotic and pragmatic approaches, in which the proverb is considered as a sign of the situation and its use in the speech act is analyzed. The analysis of the description of the meaning of the proverb by the chatbot and in the dictionary showed that artificial intelligence presents information in detail, with a greater degree of concreteness, unlike the dictionary, the definition of which, reflecting the centuries-old experience of mankind, is characterized by a greater degree of abstraction. When analyzing the description of situations of using Russian proverbs, the work used the idea that the consideration of an invariant proverbial situation is based on the ratio of the components of this situation. This approach allows us to identify intentions (the speaker's intentions). It is determined that artificial intelligence presents intentions taking into account specific situations, and the dictionary describes the main intention reflecting the invariant proverbial situation. It is shown that the information of the DeepSeek chatbot in this case will be more in demand for studying Russian proverbs by a child or by someone studying Russian as a second language. It is emphasized that the method of presenting information by the DeepSeek chatbot in the form of imitation of real communication with a person when explaining the situation of using proverbs will contribute to the success of the pedagogical process.

Keywords: artificial intelligence, chatbot, DeepSeek, proverbs, interpretation of proverbs

For citation: Ivanishcheva O. N. Human and artificial intelligence: how does the DeepSeek understand russian proverbs. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie* = *Human. Culture. Education*, 2025; 4: 115–133. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-115>

Введение. Актуальность исследования. Нейросети развиваются с большой скоростью. В последние годы все больше обсуждается вопрос о возможности искусственного интеллекта (далее — ИИ) имитировать работу мозга взрослого человека, т. е. те когнитивные функции, которые свойственны только человеку, а именно ставить задачи и находить решение без заранее заданного алгоритма [1, с. 24; 2, с. 51].

Отмечается, что системы на базе ИИ научились неплохо имитировать человеческое общение. Но эти системы тем не менее не

всегда правильно распознают намерения пользователя [3, с. 68]. И поэтому встает проблема коммуникации человека и ИИ. Эта коммуникация, получившая разные названия (алгоритмическая коммуникация, человеко-машинная коммуникация [3], интернет-коммуникация [4]), оценивается учеными как «урезанный» взаимообмен [3, с. 69] в жанре артифициатив, характеризуемый интерпассивностью [4].

Степень разработанности темы. Технологии ИИ стали активно внедряться в сферу образования в начале XXI в. Показателен пример Китая, в школах которого введено изучение ИИ в качестве обязательного предмета на протяжении всего курса обучения — с 1-й по 10-й класс [1, с. 25]. В Соединенных Штатах Америки отмечен быстро развивающийся национальный эксперимент по внедрению генеративных технологий ИИ в преподавание и обучение. Несмотря на ранее критическое отношение к ИИ, теперь общественность хочет, чтобы дети научились критически оценивать новые инструменты ИИ и использовать их ответственно [5]. Описаны опыты других стран по внедрению ИИ в образовательный процесс (Великобритания, Япония и др.) [1, с. 26].

Для педагогики важно концептуально определиться, чем могут помочь технологии ИИ в образовательной сфере. Установлено, что ИИ эффективен в методических целях как средство обучения. Общеизвестно качество нейросетей ChatGPT¹ и DeepSeek² (здесь и далее — DeepSeek) в разработке учебных планов и траекторий в рамках конкретной дисциплины и разных уровней владения английским языком, онлайн-пространства для более быстрой и эффективной проверки устных и письменных работ обучающихся и автоматизации их оценивания, в создании упражнений для разных этапов урока и для отработки разных умений и навыков, а также фонда оценочных средств при генерации научных и учебных текстов [1, с. 25, 27; 6 и др.].

Роль ИИ как педагога и консультанта давно и по достоинству оценена преподавателями. Отмечается, что ИИ доступны все обучающие функции, но не воспитательные [2, с. 53].

Новизна данного исследования состоит в том, что содержание информации, представленной чат-ботом DeepSeek на материале русского языка, в научной и методической литературе не описано. Анализ русских пословиц в сопоставительном аспекте (ИИ и человек) также проводится впервые.

¹ <https://chatgpt.com> (дата обращения: 14.06.2025).

² <https://chat.deepseek.com/> (дата обращения: 14.06.2025).

Цель статьи — определить отличие информации, представленной чат-ботом нейросети DeepSeek и в словаре пословиц [7].

Методы исследования, теоретическая база. Исследование основано на методе интенционального анализа (интент-анализа) дефиниции словаря [7] и текста, созданного чат-ботом нейросети DeepSeek в ответ на запросы об употреблении русских пословиц, отобранных методом сплошной выборки из [7]. Кроме того, использовался метод сравнения и анализа словарных дефиниций.

В работе используются структурно-семиотический и прагматический подходы к изучению пословиц, при которых пословица рассматривается как знак ситуации [8, с. 17] и анализируется ее употребление в речевом акте [9; 10].

Материал исследования. 414 пословиц русского языка, их характеристики, представленные в словаре [7] и в ответах чат-бота DeepSeek.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Пословицы русского языка: структурно-семиотический и прагматический подходы. М. А. Черкасский указывает на двучастность семиотической структуры паремий: семиотического фокуса (информация, выраженная в тексте паремии эксплицитно) и семиотического фона (информация, присутствующая в тексте паремии имплицитно). Одна и та же «фоновая» информация может быть представлена в ряде различных презентаций «фокусной» информации. Это и является основой инвариантности и вариативности в паремиологии [11, с. 39–40].

Под значением пословицы понимается категория, связанная с ситуацией, но ее значение обычно выходит за рамки одной конкретной ситуации, хотя и служит для ее описания. При этом есть прямое значение пословицы, а есть ее образное, метафорическое, переносное значение, причем степень обобщения может быть разной. Этот второй план (метафорический) В. В. Гвоздев вслед за Г. Л. Пермяковым называет инвариантом, а в конкретных ситуациях употребляются его варианты [12, с. 61–63].

Ученые выделяют инвариантное значение пословицы и инвариантную пословичную ситуацию.

Инвариантное значение пословицы — это смысл, который остается постоянным во всех ситуациях употребления пословицы [12, с. 61–63]. Н. Р. Байжанова считает, что значение пословицы таково, что оно позволяет использовать ее в конкретной речевой ситуации. Использование пословицы в различных ситуациях приводит к изменениям не только ее формы (поверхностный уровень текста), но и семантики (глубинный уровень текста), вследствие

этого может измениться и функция пословицы [9, с. 64]. О взаимоотношении глубинной и поверхностной структуры пословицы писал М. А. Черкасский: «Если “развернуть” информацию в пословице “Любишь кататься — люби и саночки возить”, то получим приблизительно следующую цепочку высказываний, прямо не связанных с самим текстом данной паремии: пользоваться благами — приятно; прилагать усилия — неприятно; однако пользоваться благами, не прилагая усилий, невозможно. Поэтому, если “приятность” пользования благами более существенна, чем “неприятность” прилагать усилия, следует примириться с последней во имя достижения первой» [11, с. 37]. Информативным является не текст паремии «внутри себя», а лишь выбор данной паремии как целого и ее использование в определенной ситуации.

Инвариантное значение пословицы соотносится с инвариантной пословичной ситуацией. По мнению В. В. Гвоздева, инвариантная пословичная ситуация характеризуется неопределенностью компонентов и регулярно воспроизводимым характером отношений между компонентами ситуации [12, с. 67–68].

А. А. Крикманн назвал пословицы прежде всего прагматическими по своему назначению орудиями. Признаком прагматического характера пословицы является тот факт, что они употребляются в ситуациях повседневного общения для разрешения жизненных проблем [13, с. 165–166]. Исследователи отмечают прагматическую (иллокутивную) функцию пословиц и прагматический (иллокутивный) компонент в их значениях [14; 15; 16, с. 18]. Прагматические функции (цель, ради которой употребляется пословица) необходимо отличать от интенций (иллокутивного компонента значения, намерений).

Прагматическое описание пословиц предполагает выявление особенностей употребления пословиц в бытовых коммуникативных ситуациях. Центральным в таких исследованиях становятся интенции говорящего лица и способы воздействия на собеседника, реализуемые через речевые акты [17, с. 195].

Пословицам свойственны, по мнению ученых, следующие речевые акты: парирование, означающее реакцию на высказывание собеседника с целью его девальвации, урезонивание — взывание к здравому смыслу, к трезвой оценке своих возможностей, к отказу от безнадежных акций; предостережение, угроза, обличение, упрек, сетование — выражение негативных эмоций по поводу чьих-либо действий, событий или обстоятельств; оправдание (самооправдание), обоснование, побуждение (подстегивание, поощрение), совет (наставление, назидание) [10, с. 61–62].

2. DeepSeek как источник информации: диалог человека и машины. Особую ценность для образования представляют такие технологии генеративного ИИ, которые построены с целью ведения диалога человека и машины [6; 18; 19]. Но есть мнение, что взаимодействие человека с компьютером (с программой / алгоритмом) проблематично отнести к коммуникации, так как люди и машины оперируют информацией принципиально по-разному: не все, что обсчитывает машина, доступно пользователю, и не все, что понимает человек, доступно «пониманию» машины. Это связано с тем, что нет какого-то общего «объективного» значения информации для программных алгоритмов и для человека. Способы использования информации основываются на свойствах каждой стороне возможностях «интерпретации» данных. Для «перестройки» ИИ с целью формирования эффективной коммуникации с человеком важным является преодолеть неравенство между обработкой данных машинами и ограниченными человеческими возможностями [3, с. 68–69]. Для этого необходимо накопление материала, в том числе по вопросу, какую информацию «видит» как существенную нейросеть, а какую — человек, например, при определении ситуации употребления поговорки.

Ориентация чат-бота на реальное общение с человеком подтверждается приемами его коммуникативного общения, основанными в том числе на постулатах информативности и релевантности [20, с. 100–101], т. е. важности соответствия высказывания контексту и ожиданиям слушателя.

Общение DeepSeek с пользователем чат-бота соответствует этим постулатам и представляет собой назидание и поучение: *И да, избегаю шаблонных фраз вроде «чем могу быть полезен?» Звучит как робот. Лучше живое «что случилось?» с эмпатией; О, пользователь просто сказал «спасибо»! Это приятно; Пользователь явно в хорошем настроении — короткое «спасибо» с восклицательным знаком в оригинальном сообщении. Возможно, торопился или просто хотел вежливо завершить диалог. Надо ответить тепло, но не перегружать; Главное — не превращать благодарность в новый запрос. Если захочет продолжить — сам напишет. Лаконичность важна.*

Примечателен анализ чат-ботом мотивации обращения пользователя к DeepSeek: *Интересно, что пользователь использует неформальное обращение («не можешь» вместо «не можете») — возможно, установилось доверие после двух подробных ответов. Но сама фраза звучит немного тревожно...; Окей, пользователь спрашивает о типах намерений после предыдущего подробного ответа*

про методы изучения пословиц. Интересно, почему именно сейчас возник этот вопрос? Возможно, он задумался о классификации учебных целей или психологических аспектах обучения. Судя по формулировке, это может быть либо иностранный студент, изучающий русский, либо носитель, который хочет глубже понять нюансы. Вопрос довольно конкретный, что хорошо — видно, что человек действительно хочет разобраться, а не просто поверхностный запрос.

Имитируя реальное общение с человеком, DeepSeek старается приобрести его доверие к той информации, которую он сообщает. Поэтому важно сравнить содержание этой информации с той, которую ожидает пользователь. Компонентами содержания, т. е. толкования пословицы, при этом будут считаться описание значения пословицы и ситуации ее употребления.

Следовательно, важным является анализ информации, которую получает носитель языка при общении с DeepSeek и при использовании словаря, созданного человеком.

3. DeepSeek и словарь: сравнительный анализ толкования пословиц

3.1. Компоненты толкования пословицы чат-ботом DeepSeek и в словаре пословиц. Толкование пословицы чат-ботом DeepSeek — несомненно огромный шаг вперед по сравнению с предыдущими поколениями ИИ и машинным переводом. Машинный перевод пословиц имел достаточно серьезные недостатки: изменял ситуативные характеристики, нарушал нормы языка-источника и даже искажал смысл. Последнее связано с приемом буквального перевода, т. е. калькирования синтаксических конструкций и лексико-грамматических форм [21]. Зарубежные исследователи подчеркивают трудности в переводе пословиц тремя моделями ИИ — ChatGPT¹, Gemini² и DeepSeek. Результаты анализа перевода македонских пословиц, например, показывают несколько закономерностей: точность объяснения различается, хотя все модели ИИ последовательно предоставляют двухчастный перевод; все они предпочитают прямые переводы идиоматическим эквивалентам, предоставляют единообразные переводы более простых пословиц, но демонстрируют значительную вариативность в выборе слов для более сложных и не поддерживают стилистические элементы, такие как рифма, аллитерация и игра слов [22]. Анализ способности больших языковых моделей (LLM) показывает, что LLM не только полагаются на запоминание, но и используют гибридный подход, который интегрирует контекстные подсказ-

¹ <https://chatgpt.com> (дата обращения: 14.06.2025).

² <https://gemini.google.com/> (дата обращения: 14.06.2025).

ки и рассуждения, особенно при обработке композиционных идиом [23].

В рамках исследования нами был проведен эксперимент по определению объема и содержания информации о значении пословиц русского языка в представлении разных чат-ботов. Студентам было предложено сравнить содержание дефиниции [7] и разных чат-ботов, выделив дифференциальные семы в обеих дефинициях.

В ходе анализа пословиц студенты использовали такие чат-боты, как TryChatGPT¹, ChatGPT², ChatGPT-4³, ChatGPT@TypespaceBotTelegram⁴, GigaChat⁵, Midjourney Telegram⁶, YaGPT⁷, DeepSeek.

Было отмечено, что интерпретации, предлагаемые чат-ботами, отличаются большей детализацией. Они содержат разъяснение смысла, дополняют его примерами, подчеркивают «моральный» подтекст и жизненную мудрость, заложенную в пословицах. Чат-боты также раскрывают метафорическую составляющую, поясняя, какие образы и символы ассоциируются с пословицами. При этом в интерпретациях чат-ботов отсутствует оценочная характеристика и указание на стилистическую принадлежность пословиц, что, в отличие от словаря, делает их более нейтральными и универсальными. В отдельных случаях нейросети придают пословицам иной смысл, искажая их содержание.

Эксперимент показал, что чат-бот DeepSeek лучше всего выполнил запрос о толковании пословиц. Достоинства DeepSeek уже оценены методистами: кроме общеизвестных достоинств, таких как открытый код, эффективность алгоритмов и низкая стоимость, DeepSeek подходит для анализа больших объемов данных и имеет большую скорость обработки. А его недостатки характерны для всех больших генеративных моделей (точность ответа зависит от введенного промта, склонность к генерации недостоверной или вымышленной информации) [24, с. 116, 119].

Обратимся к примерам. На запрос «Что означает пословица *Бедность не порок?*» DeepSeek представляет информацию разной направленности. Во-первых, «прямое значение» (здесь и далее формулировки чат-бота. — О. И.): *Бедность сама по себе не являет-*

¹ <https://trychatgpt.ru/> (дата обращения: 14.06.2025).

² <https://chatgpt.com> (дата обращения: 14.06.2025).

³ <https://app.chat4gpt.ru/chat> (дата обращения: 14.06.2025).

⁴ <https://t.me/TypespaceBot> (дата обращения: 14.06.2025).

⁵ <https://giga.chat/> (дата обращения: 14.06.2025).

⁶ https://t.me/chatsgpts_bot (дата обращения: 14.06.2025).

⁷ <https://alice.yandex.ru/> (дата обращения: 14.06.2025).

ся нравственным недостатком или грехом. Человек не становится «плохим» из-за отсутствия денег. Пословица напоминает, что материальное положение не определяет моральные качества: можно быть бедным, но честным, добрым и достойным. Во-вторых, «социальный подтекст»: В обществе, где богатство часто ассоциируется с успехом и добродетелью, а бедность — с ленью или порочностью, эта фраза осуждает предрассудки. Она защищает бедных от несправедливого осуждения, подчёркивая, что их положение не всегда зависит от них (например, из-за несправедливой системы, войн, болезней). В-третьих, акцентируется «ироническое прочтение»: Иногда пословицу произносят с горькой усмешкой, добавляя негласное продолжение: «Бедность не порок, а вдвое хуже». Здесь акцент смещается: отсутствие денег — не грех, но тяжелейшее испытание, которое ломает судьбы. Такой контекст отражает реалии жизни, где бедность лишает человека возможностей и достоинства. Выявляется также философское осмысление содержания пословицы: Пословица может подчёркивать, что духовные ценности (доброта, честность, любовь) важнее богатства. Бедный, но благородный человек достоин уважения больше, чем богач, наживший состояние нечестно. В заключительной части DeepSeek выявляет следующие интенции, реализуемые при употреблении пословицы *Бедность не порок*: утешение, критика, ирония. Вывод чат-бота таков: *Пословица призывает не судить людей по их недостатку, напоминая, что бедность — это социальная проблема, а не личный грех. Однако в зависимости от контекста она может выражать как надежду на справедливость, так и горечь от невозможности преодолеть нужду.*

Сравним представление пословицы *Бедность не порок* в словарях русского языка. В словаре [7] представлено следующее описание (в других словарях пословиц и поговорок русского языка значение этой пословицы не найдено): *Материальные затруднения, отсутствие чего-либо не следует расценивать как недостаток, ущербность, порок. Говорится в оправдание отсутствия достатка или в утешение тому, кто стыдится своей бедности, с желанием показать, что говорящий не придаёт этому значения* [17, с. 21]. Таким образом, в [7], так же как и в представлении чат-бота, в тексте толкования находим значение пословицы и ее ситуативную характеристику, под которой понимается описание ситуации, в том числе ее соотносительность с участниками этой ситуации, с их намерениями и отношением к этой ситуации [25, с. 8–9], и которая обычно вводится маркерами «говорится...», «употребляется...», «имеется в виду».

При определенном сходстве толкования пословицы чат-ботом и человеком — автором словаря все-таки отличаются.

3.2. *Значение пословицы: описание чат-ботом DeepSeek и представление в словаре пословиц.* Как показал анализ, описание значения пословицы чат-ботом и в словаре [7] отличается степенью конкретности / абстрактности.

Для определения специфики толкования значения пословицы *Бедность не порок*, описанного чат-ботом, был применен следующий алгоритм. Во-первых, в дефиниции, предложенной DeepSeek, выделены ключевые слова, которые содержат наиболее важную информацию. Для текста чат-бота ключевые слова «правой» части текста — *бедность, человек и материальное положение*, а «левой» — *недостаток, плохой и моральное качество*. Во-вторых, выявлены отношения ключевых слов «правой» и «левой» частей текста чат-бота. Ключевые слова соотносятся по принципу неравенства: *бедность ≠ недостаток, человек ≠ плохой, материальное положение ≠ моральное качество*. В-третьих, установлен принцип, по которому нейросеть определяет выбор слов «левой» части для слов «правой» части. Это реализация их системных отношений: парадигматических (антонимии, синонимии) (*материальное / моральное; плохой / неплохой; бедность / нужда, недостаток* [26, с. 440]) и синтагматических (правил сочетаемости слов) (*человек плохой / хороший*). Таким образом, показано, что нейросеть поэтапно, последовательно анализирует значение пословицы, расчленяя его на компоненты и осознавая его как целое, а не образ. Дефиниция словаря, демонстрируя человеческое мышление, выявляет метафорическую подоснову пословицы.

Анализ ключевых слов и поиск отношений между ними кажется эффективным способом выявления специфики «мышления» нейросети. Даже если чат-бот выделяет рубрику «переносное» значение, уровень абстрактности (а следовательно, и образности) человеческого мышления ему пока не доступен.

Рассмотрим пример толкования пословицы *Всяк кулик свое болото хвалит*. На запрос, что означает эта пословица, чат-бот дает такой ответ: *пословица имеет несколько близких значений, объединенных общей идеей субъективности, пристрастности и любви к своему, привычному*. Общую характеристику DeepSeek поясняет на конкретных примерах: *Каждый хвалит то, что принадлежит ему, что он хорошо знает или к чему привык — свой дом, свою работу, свою семью, свою родину, свои привычки, добавляя семантический компонент, которого нет в дефиниции словаря: даже если со стороны это кажется не самым лучшим*. Ср. толкование в [7]: *Каждый хвалит то, что ему хорошо знакомо и дорого, что является близким или родным* [7, с. 138]. Расширение или уточнение словарной

дефиниции в тексте чат-бота происходит за счет компонентов инвариантной пословичной ситуации: субъективность оценки (То, что один человек считает прекрасным (свое «болото»), другой может считать невзрачным или даже плохим. Ценность чего-либо часто определяется личной привязанностью, а не объективными качествами); защита своего «угла» (Люди часто идеализируют и защищают то место или те условия, где они живут, даже если они неидеальны. Для них это «свое», родное); немного иронии / критики (Пословица часто употребляется с легкой иронией или даже порицанием, когда кто-то слишком уж настойчиво и необъективно хвалит что-то свое (особенно на фоне явно лучших альтернатив), демонстрируя узость взглядов, провинциализм или нежелание признавать достоинства чужого).

На этом примере видно стремление нейросети выйти на иной уровень обобщения, исказив при этом смысл пословицы. В первом предложении приоритеты расставлены «в обратном порядке»: субъективность, пристрастность и любовь к своему, привычному. Ключевые слова дефиниции [7] (хвалит, знакомо, дорого, родное) на первый план выдвигают идею любовь к своему, привычному, а не субъективности и пристрастности.

Образность, которая свойственна восприятию пословиц человеком, пока недоступна машине, так как у человека она происходит из образов памяти, в которых воспроизводится опыт человека, а образы — это основа метафоры. Было выяснено, что мысленные образы, возникающие в ответ на использование в речи пословицы, отличаются единством ее понимания и восприятия у разных людей [27, с. 33, 35]. Это еще раз подтверждает идею о том, что метафорическое осмысление пословиц как предельно абстрактного и обобщенного возможно только у человека, так как опирается на его опыт (в том числе многовековой опыт человечества).

Исследование употреблений пословиц в речи детей (дети буквально понимают пословицы вплоть до 10 лет) подтверждает мысль о том, что для того, чтобы понять пословицу, ребенку нужно уметь выделить общий смысл, скрытый за образами, делать умозаключение по аналогии, владеть приемом обобщения, отвлекаться от конкретности [27, с. 35–36; 28, с. 175].

3.3. Ситуативная характеристика: описание употребления пословицы в речи чат-ботом DeepSeek и в словаре пословиц. При описании ситуации употребления пословицы в речи, с точки зрения одних ученых, принципиально представление ситуации в плане соотнесенности с участниками этой ситуации, с их намерениями (интенциями) и отношением к этой ситуации [25,

с. 8–9], а с точки зрения других — представление компонентов инвариантной пословичной ситуации не так важно, как важно то, каким образом они соотносятся между собой [12, с. 65, 68]. Например, инвариантное значение пословицы *Бедность не порок* можно определить как *материальное положение не подлежит оценке*. Так как оценка может быть отрицательной или положительной, то интенция оправдание, представленная в [7], отражает отношение между компонентами ситуации. Это соотношение определяется намерениями говорящего.

Если [7] указывает на такую основную интенцию, составляющую иллокутивный компонент значения пословицы *Бедность не порок*, как *оправдание*, реализованную в инвариантной пословичной ситуации, то чат-бот «дробит» эту интенцию на составляющие, ориентируясь на конкретные ситуации употребления. В ответ на запрос *Когда употребляют пословицу Бедность не порок?* DeepSeek отвечает, что пословицу употребляют в различных ситуациях, когда важно подчеркнуть, что материальное положение человека не определяет его нравственную ценность, и предоставляет перечень иллокутивных компонентов: *защита от осуждения*, когда бедного человека критикуют / унижают за отсутствие денег или в ответ на стереотипы, связывающие бедность с ленью или безнравственностью; *поддержка и утешение*, чтобы успокоить того, кто стыдится своей бедности, или в ситуациях, когда человек чувствует себя ущемлённым из-за финансового положения; *критика* потребительского общества в спорах о том, что «успех = богатство», или против идеи, что материальный достаток — главный критерий счастья.

Анализ описания употреблений в речи пословиц разного структурного типа (например, N1 Cop N1 — *Бедность не порок*; VF — *Не говори «гоп», пока не перепрыгнешь*; N1 VF — *Всяк кулик свое болото хвалит*; *Кто поросенка украл, у того в ушах верещит*) показал разницу в описании намерений говорящего чат-ботом DeepSeek и в словаре [7]. Материал фиксирует детализацию намерений в описании чат-бота. Детализация проявляется, во-первых, в переориентации намерений с говорящего на слушающего (1); во-вторых, в конкретизации способа осуществления намерения (2); в-третьих, в смене ракурса с эмоционального на аксиологический (3). См.: (1) указание на намерение *оправдание* при толковании пословицы *Бедность не порок* в [7] сообщает о действии говорящего, а указание чат-бота на намерения *защита от осуждения, поддержка и утешение, критика* — о действии слушающего; (2) указание на намерение *предупреждение* при толковании пословицы *Не говори*

«гол», пока не перепрыгнешь в [7] уточняется чат-ботом упоминанием способа предупреждения — совет; (3) определение намерения как шутки при толковании пословицы *Всяк кулик свое болото хвалит* в [7] заменяется в толковании чат-бота на оценку качества человека, его склонности.

Заключение. Сравнительный анализ человеческого и машинного толкования пословиц показал, что и DeepSeek (ИИ), и словарь (человек) дают информацию о значении пословицы и ситуации ее употребления.

Реальная коммуникация, когда человек использует пословицу в речи, предполагает, что она употребляется им автоматически и в зависимости от ситуации. Понимание пословицы человеком (в данном контексте — автором словаря) основано на многовековом опыте носителей данного языка. Нейросеть «работает» по-другому: она черпает информацию из глобальных языковых моделей (LLM).

Анализ толкований пословиц русского языка чат-ботом DeepSeek и человеком — автором словаря показал, как понимает пословицы человеческий и машинный «мозг». Установлено, что обобщенное (метафорическое) значение пословицы как знака ситуации характерно для человеческого восприятия. Человеческое сознание переключается с конкретных деталей на абстрактные схемы, минуя промежуточные этапы. Если искусственный интеллект скрупулезно перебирает в своей «памяти» части толкования (например, *оппозиции бедность ≠ недостаток, человек ≠ плохой, материальное положение ≠ моральное качество* в процессе толкования пословицы *Бедность не порок*), то человеческий мозг «объединяет» крайние точки такого толкования (*бедность — моральное качество*).

Случаи употребления пословицы, обусловленные намерениями говорящего, ИИ также выстраивает в тщательно проработанную схему, достаточно детализированную и расширенную за счет экстралингвистической («фоновой») информации. Словарь представляет основную интенцию, отражающую инвариантное значение. Такого описания, очевидно, будет достаточно для носителя языка, но для ребенка или изучающего русский язык как неродной требуется больше конкретной информации. В этом плане информация чат-бота DeepSeek будет более востребована. Способ подачи информации в виде имитации реального общения с человеком также будет содействовать выполнению ИИ своей функции.

Таким образом, на основании первичного анализа различий восприятия языковых единиц русского языка в рамках пилотного исследования, требующего больших ресурсов и времени, можно

утверждать, что ИИ воспринимает единицу языка более конкретно, определяя частные случаи семантических и ситуативных компонентов.

Список источников

1. Воскресенская Н. О., Ореховская Н. А. Образовательные технологии в истории человечества: от загадок и инициаций к искусственному интеллекту и государственным экзаменам // Общество: философия, история, культура. 2024. № 4. С. 22–29. DOI: 10.24158/fik.2024.4.2

2. Галагузова М. А., Галагузова Ю. Н., Штинова Г. Н. Искусственный интеллект в педагогике: от понятия к функции // Педагогическое образование в России. 2024. № 2. С. 48–55.

3. Деникин А. А. Человеко-машинные взаимодействия и искусственный интеллект: к новому пониманию алгоритмических коммуникаций // Социология науки и технологий. 2024. Т. 15. № 4. С. 67–82. DOI: 10.24412/2079-0910-2024-4-67-82.

4. Ерещенко М. В., Богуславская В. В. Коммуникация с искусственным интеллектом в социальной сети: информирование, самопрезентация, воздействие // Коммуникативные исследования. 2024. Т. 11. № 2. С. 255–270. DOI: 10.24147/2413-6182.2024.11(2).

5. Singer N. How Miami Schools Are Leading 100,000 Students Into the A. I. Future. URL: <https://www.nytimes.com/2025/05/19/technology/ai-miami-schools-google-gemini.html> (дата обращения: 20.05.2025).

6. Богомазова А. А. Способы внедрения искусственного интеллекта в образовательный процесс в рамках преподавания английского языка в неязыковых вузах // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 2 (111). С. 42–45.

7. Мокиенко В. М. Школьный словарь живых русских пословиц. СПб.: Нева; М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. 352 с.

8. Пермяков Г. Л. Пословицы и поговорки народов Востока. Систематизированное собрание изречений двухсот народов. М.: Наука, 1979. 671 с.

9. Байжанова Н. Р. О подходах к изучению пословиц // Гуманитарные науки в Сибири. 2007. № 3. С. 63–67.

10. Сидоркова Г. Д. Прагматика паремий: пословицы и поговорки как речевые действия : дис. ... д-ра филол. наук. Краснодар, 1999. 322 с.

11. Черкасский М. А. Опыт построения функциональной модели одной частной семиотической системы (пословицы и афоризмы) // Паремнологический сб. Пословица. Загадка (Структура, смысл, текст). М.: Наука, 1978. С. 35–52.

12. Гвоздев В. В. Место пословиц как структурно-семантических образований в языке : дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 207 с.

13. Крикманн А. А. Опыт объяснения некоторых семантических механизмов пословицы // Паремнологические исследования: сб. статей. М.: Наука, 1984. С. 149–178.

14. Миронова А. А., Цзюй Чуаньтин. Семантическая структура пословиц в русском и китайском языках // Вестник Челябинского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2016. № 7. С. 170–173.

15. Мокиенко В. М. Русские пословицы в школе (опыт учебной лексикографии) // Вестник Кемеровского государственного университета. Языкознание. 2015. № 1 (61). Т. 1. С. 101–105.

16. Семененко Н. Н. Когнитивно-прагматическая парадигма паремической семантики (на материале русского языка) : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Белгород, 2011. 46 с.

17. Шаронов И. А. Прагматические значения пословиц в диалоге // Вестник Российский государственный гуманитарный университет. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2022. № 8. Ч. 2. С. 193–206. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-193-206.

18. Ма Чао. О лингводидактическом потенциале чат-ботов в обучении русскому языку как иностранному // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 2 (111). С. 5–7.

19. Федотова В. С., Федотова Н. С. Концептуальная модель технологии разработки образовательного чат-бота для сопровождения практической подготовки студентов // Педагогики. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10. Вып. 2. С. 227–238.

20. Маслова А. Ю. Введение в прагмалингвистику : учеб. пособие. 4-е изд., стер. М.: Флинта, 2014. 149 с.

21. Смирнова В. Н. Технология Deep Translate в переводе пословиц и поговорок (на материале английского языка) // Вестник Челябинского государственного университета. 2023. № 9 (479). С. 126–131. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-126-131

22. Shalevska E., Kostadinovska-Stojchevska B., Janusheva V. et. al. AI in nonliteral language translation: Translating Macedonian proverbs and idioms // International Journal of Education Teacher. 2025. No 29. Pp. 60–66. DOI: 10.20544/teacher.29.07.

23. Kim J., Shin Y., Hwang U. et. al. Memorization or reasoning? Exploring the idiom understanding of LLMs. 2025. URL: <http://arxiv.org/abs/2505.16216> (дата обращения: 14.06.2025).

24. Шабля В. О., Коноваленко С. А., Орлов Е. О., Галямин Н. А. Методы семантического анализа на основе моделей машинного обучения с использованием искусственных нейронных сетей // Наука и реальность. 2025. № 1 (21). С. 113–122.

25. Телия В. Н. Предисловие // Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / отв. ред. В. Н. Телия. 4-е изд. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2021. С. 6–14.

26. Большой академический словарь русского языка Т. 1 А – Бишь / гл. ред. К. С. Горбачевич. М.: Наука, 2004. 664 с.

27. Аванесян М. О. Роль образов в понимании метафоры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 12: Социология. 2012. № 1. С. 32–41.

28. Хаялеева Ф. З., Мухаметзянова Ф. Г. Психологические механизмы понимания детьми метафор, пословиц и поговорок в английском и русском языке // Казанский вестник молодых ученых. Педагогические науки. Лингвопедагогика. 2018. Т. 2. № 3 (6). С. 174–182.

References

1. Voskresenskaya N. O., Orehovskaya N. A. Educational Technologies in the History of Mankind: From Riddles and Initiations to Artificial Intelligence and State. *Obshchestvo: filosofija, istorija, kul'tura* [Society: Philosophy, History, Culture], 2024, no 4, pp. 22–29. DOI: 10.24158/fik.2024.4.2. (In Russ.)

2. Galaguzova M. A., Galaguzova Ju. N., Shtinova G. N. Artificial intelligence in pedagogy: from concept to function. *Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii* [Pedagogical Education in Russia], 2024, no 2, pp. 48–55. (In Russ.)

3. Denikin A. A. Human-machine interactions and artificial intelligence: towards a new understanding of algorithmic communications. *Sociologija nauki i tehnologij* [Sociologia Nauki I Tehnologij-Sociology of Science and Technology], 2024, vol. 15, no 4, pp. 67–82. DOI: 10.24412/2079-0910-2024-4-67-82. (In Russ.)

4. Ereshhenko M. V., Boguslavskaja V. V. Communication with artificial intelligence in a social network: informing, self-presentation, influence. *Kommunikativnye issledovanija* [Communication studies], 2024, vol. 11, no 2, pp. 255–270. DOI: 10.24147/2413-6182.2024.11(2). (In Russ.)

5. Singer N. *How Miami Schools Are Leading 100,000 Students Into the A. I. Future*. Available at: <https://www.nytimes.com/2025/05/19/technology/ai-miami-schools-google-gemini.html> (accessed: 20.05.2025).

6. Bogomazova A. A. Methods of introducing artificial intelligence into the educational process in the framework of teaching English in non-linguistic universities. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [The world of science, culture and education], 2025, no 2 (111), pp. 42–45. (In Russ.)

7. Mokienko V. M. *Shkol'nyj slovar' zhivyh russkikh poslovic* [School dictionary of living Russian proverbs]. St. Petersburg; Moscow, 2002. 352 p. (In Russ.)

8. Permjakov G. L. *Proverbs and sayings of the peoples of the East. A systematized collection of sayings of two hundred peoples*. Moscow, 1979. 671 p. (In Russ.)

9. Bajzhanova N. R. On approaches to the study of proverbs. *Gumanitarnye nauki v Sibiri* [Humanitarian Sciences in Siberia], 2007, no 3, pp. 63–67. (In Russ.)

10. Sidorkova G. D. *Pragmatika paremij: poslovcy i pogovorki kak rechevye dejstvija : dis....d-ra filol. nauk* [Pragmatics of paremias : proverbs and sayings as speech acts : dissertation of a Ph. D. in Philology]. Krasnodar, 1999. 322 p. (In Russ.)

11. Cherkasskij M. A. An attempt to construct a functional model of one particular semiotic system (proverbs and aphorisms). *Paremiologicheskij sbornik. Poslovica. Zagadka (Struktura, smysl, tekst)* [Paremiological collection. Proverb. Riddle (Structure, meaning, text)]. Moscow, 1978. Pp. 35–52. (In Russ.)

12. Gvozdev V. V. *Mesto poslovic kak strukturno-semanticheskikh obrazovanij v jazyke : dis. ... kand. filol. nauk* [The place of proverbs as structural-semantic formations in language : dissertation of a Ph. D. in Philology]. Moscow, 1983. 207 p. (In Russ.)

13. Krikmann A. A. An attempt to explain some semantic mechanisms of a proverb. *Paremiologicheskie issledovanija. Sbornik statej* [Paremiological studies. Collection of articles]. Moscow, 1984. Pp. 149–178. (In Russ.)

14. Mironova A. A., Ju Chuan Ting. Semantic structure of proverbs in Russian and Chinese languages. *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Filologicheskie nauki* [The Herald of the Chelyabinsk State Pedagogical University. Philological sciences], 2016, no 7, pp. 170–173. (In Russ.)

15. Mokienko V. M. Russian proverbs in school (experience of educational lexicography). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Kemerovo State University], 2015, no 1 (61), vol. 1, pp. 101–105. (In Russ.)

16. Semenenko N. N. *Kognitivno-pragmaticheskaja paradigma paremicheskoi semantiki (na materiale russkogo jazyka) : avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Cognitive-pragmatic paradigm of paremic semantics (based on the Russian language) : abstract of a Dissertation of a Ph. D. in Philology]. Belgorod, 2011. 46 p. (In Russ.)

17. Sharonov I. A. Pragmatic meanings of proverbs in dialogue. *Vestnik Rossijskij gosudarstvennyj gumanitarnyj universitet. Serija: Literaturovedenie. Jazykoznanie. Kul'turologija* [RSUH/RGGU Bulletin : "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies", Series], 2022, vol. 8, part 2, pp. 193–206. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-8-193-206. (In Russ.)

18. Ma Chao. On the linguodidactic potential of chatbots in teaching Russian as a foreign language. *Mir nauki, kul'tury, obrazovanija* [The world of science, culture and education], 2025, no 2 (111), pp. 5–7. (In Russ.)

19. Fedotova V. S., Fedotova N. Conceptual model of technology for developing an educational chatbot to support practical training of students. *Pedagogika. Voprosy teorii i praktiki* [Pedagogy. Theory & Practice], 2025, vol. 10, issue 2, pp. 227–238. (In Russ.)

20. Maslova A. Ju. *Introduction to pragmalinguistics: textbook*. 4th ed. [Introduction to Pragmalinguistics: textbook. 4th ed., reprinted]. Moscow, 2014. 149 p. (In Russ.)

21. Smirnova V. N. Deep Translate Technology in Translation of Proverbs and Sayings (Based on the English Language). *Vestnik Cheljabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Herald of the Chelyabinsk State University], 2023, no 9 (479), pp. 126–131. DOI: 10.47475/1994-2796-2023-479-9-126-131. (In Russ.)

22. Shalevska E., Kostadinovska-Stojchevska B., Janusheva V. et. al. AI in nonliteral language translation: Translating Macedonian proverbs and idioms. *International Journal of Education Teacher*, 2025, no 29, pp. 60–66. DOI: 10.20544/teacher.29.07

23. Kim J., Shin Y., Hwang U. et. al. *Memorization or reasoning? Exploring the idiom understanding of LLMs*. 2025. arXiv [cs.CL]. arXiv. Available at: <http://arxiv.org/abs/2505.16216> (accessed: 14.06.2025).

24. Shablja V. O., Konovalenko S. A., Orlov E. O., Galjamin N. A. Methods of semantic analysis based on machine learning models using artificial neural networks. *Nauka i real'nost'* [Science & Reality], 2025, no 1 (21), pp. 113–122. (In Russ.)

25. Telija V. N. Preface. Bol'shoj frazeologicheskij slovar' russkogo jazyka. Znachenie. Upotreblenie. *Kul'turologicheskij kommentarij* [Large Phraseological Dictionary of the Russian Language. Meaning. Usage. Cultural Commentary]. 4th ed. Moscow, 2021. Pp. 6–14. (In Russ.)

26. *Bol'shoj akademicheskij slovar' russkogo jazyka. T. 1. A – Bich* [Large Academic Dictionary of the Russian Language. Vol. 1. A – Bish]. Editor-in-Chief: K. S. Gorbachevich. Moscow, 2004. 664 p. (In Russ.)

27. Avanesjan M. O. The Role of Images in Understanding Metaphor. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta* [Vestnik of Saint Petersburg University], 2012, no 1, pp. 32–41. (In Russ.)

28. Hajaleeva F. Z., Muhametzjanova F. G. Psychological mechanisms of children's understanding of metaphors, proverbs and sayings in English and Russian. *Kazanskij vestnik molodyh uchenyh* [Kazan Bulletin of Young Scientists], 2018, vol. 2, no 3 (6), pp. 174–182. (In Russ.)

Сведения об авторе

Иванищева Ольга Николаевна, доктор филологических наук, профессор, Мурманский арктический университет (Россия, 183038, Мурманск, ул. Кап. Егорова, 15)

Information about the author

Olga N. Ivanishcheva, Doctor of Philology, Professor, Murmansk Arctic University (15, Cap. Egorova, Murmansk, 183038, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 26.06.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 12.07.2025
Принята к публикации / Accepted for publication 15.07.2025

Ставни как предмет теории культуры

Александр Викторович Марков¹,
Оксана Александровна Штайн²

¹ Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия

² Уральский федеральный университет имени
первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия

¹ markovius@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

² shtaynshtayn@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-1701-3147>

Аннотация. В статье исследуются ставни как культурный и философский феномен, раскрывающий сложные взаимосвязи между архитектурой, телесностью и социальной рефлексией. Несмотря на их утилитарную функцию, в отечественной науке отсутствуют работы, рассматривающие ставни в контексте невербальных кодов восприятия пространства.

Гипотеза исследования заключается в том, что ставни не могут быть сведены к бинарным оппозициям (открытое / закрытое, свет / тьма), а выступают медиаторами между телесным опытом и социальными практиками. Через анализ средиземноморских, японских, европейских и русских традиций, а также современных урбанистических (Н. Данн) и психолингвистических (Н. И. Жинкин) теорий доказываем, что ставни функционируют как «материализованный универсальный предметный код» (УПК), организующий перформативные ритуалы повседневности.

Методология включает семиотический анализ, теорию телесности (В. А. Подорога) и концепцию УПК Жинкина, что позволяет рассматривать ставни как элемент «архитектурной грамматики», связывающей невербальные жесты с культурными нарративами.

Результаты исследования показывают, что ставни регулируют хронотоп приватности через управление светом и тьмой (аналогично «ночному городу» Данна); выступают инструментом социальной рефлексии, маскируя или обнажая телесные аффекты; формируют «пунктуацию» в диалоге дома с внешним миром, где их движение аналогично паузам в речи.

Основной вывод: ставни — это не просто архитектурный элемент, а ключевой механизм антропологии пространства, преодолевающий бинарность функционального и символического. Их изучение открывает новые перспективы для исследований телесности, урбанистики и когнитивных практик.

Перспективы исследования направлены на изучение ставней в контексте цифровой эпохи: анализ «темных режимов» интерфейсов как современных аналогов ставней, а также роли искусственного интеллекта в проектировании адаптивных архитектурных систем, регулирующих приватность. Дальнейшие работы могут включить кросс-культурные сравнения ставней в глобализованном урбанистическом пространстве и их влияние на нейрокогнитивные процессы восприятия безопасности.

Ключевые слова: ставни, универсальный предметный код, телесность, хронотоп, Ник Данн, Н.И. Жинкин, перформативность

Для цитирования: Марков А. В., Штайн О. А. Ставни как предмет теории культуры // Человек. Культура. Образование. 2025. № 4. С. 134–152. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-134>

Shutters as an Object of Cultural Theory

Alexander V. Markov¹, Oksana A. Shtayn²

¹ Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

² Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia

¹ markovius@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

² shtaynshtayn@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0004-1701-3147>

Abstract. *The article examines shutters as a cultural and philosophical phenomenon that reveals complex connections between architecture, corporeality, and social reflection. Despite their utilitarian function, Russian science lacks works analyzing shutters in the context of non-verbal codes of spatial perception.*

The hypothesis of the study posits that shutters cannot be reduced to binary oppositions (open/closed, light/dark) but act as mediators between bodily experience and social practices.

Through the analysis of Mediterranean, Japanese, European, and Russian traditions, as well as contemporary urban (N. Dunn) and psycholinguistic (N. I. Zhinkin) theories, it is argued that shutters function as a materialized universal subject code (USC), organizing performative rituals of everyday life.

The methodology combines semiotic analysis, theories of corporeality (V. A. Podoroga), and Zhinkin's USC concept, framing shutters as elements of an "architectural grammar" that links nonverbal gestures to cultural narratives.

The results demonstrate that shutters: regulate the chronotope of privacy through managing light and darkness (paralleling Dunn's nocturnal city); serve as tools of social reflection, masking or exposing bodily affects; create "punctuation" in the dialogue between a house and its surroundings, where their movement mirrors pauses in speech.

The key conclusion is that shutters are not merely architectural features but crucial mechanisms of spatial anthropology, transcending the binary of functional and symbolic. Their study offers new prospects for research on corporeality, urbanism, and cognitive practices.

Research perspectives focus on studying shutters in the digital age: analyzing dark modes of interfaces as modern analogues of shutters, as well as the role of artificial intelligence in designing adaptive architectural systems that regulate privacy. Future research may include cross-cultural comparisons of shutters in globalized urban spaces and their impact on neurocognitive processes of safety perception.

Keywords: shutters, universal subject code, corporeality, chronotope, Nick Dunn, N. I. Zhinkin, performativity

For citation: Markov A. V., Shtayn O. A. Shutters as an object of cultural theory. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*, 2025; 4: 134–152. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-134>

Введение. Ставни, как элемент оконной системы, выполняют утилитарную функцию регулирования света и защиты от внешних воздействий. Однако их двойственная природа — способность открывать и закрывать — делает их мощным символом.

Ставни, традиционно воспринимаемые как функциональный элемент архитектуры, обладают сложной семиотической природой, остающейся недостаточно изученной в современной культурологии. Их двойственная функция — регулирование света и создание границы между приватным и публичным — превращает их в мощный культурный код, опосредующий взаимодействие тела, пространства и социальных практик. Однако существующие исследования чаще фокусируются на декоративных аспектах, упуская из виду их роль в формировании хронотопов повседневности. Это создает пробел в понимании того, как ставни участвуют в конструировании телесного и социального опыта, от средиземноморских шаттеров до японских амадо.

Можно выделить несколько традиций бытования ставней.

Средиземноморская традиция — ставни как защита от палящего солнца, символ жизненного ритма, они с переменным успехом спасают от жары, но поощряют иногда внезапные вспышки энергии, авантюризм, жажду странствий. И. Ильф и Е. Петров в своей дилогии несколько раз говорят «деревянные дома с наружными ставнями» — так никогда бы не сказал писатель из центральной России, где любые ставни наружные, но одесситам были привычнее средиземноморские шаттеры. Остап Бендер — человек, выросший в средиземноморском регионе, где господствуют внутренние ставни, и он игрок до конца жизни. Фильм «Зеленые ставни» (2022) Жана Беккера с Жераром Депардьё в главной роли также показывает героя, который до самой смерти готов играть, притворяться, надевать маски, всегда быть актером, что бы ни проис-

ходило. Ставни в этом фильме — метафора контроля над нарративом. Шаттерсы, через которые жаркий свет с трудом прорывается, просачивается притворно, создавая притворное освещение, и поощряют авантюризм, пока солнце восходит на небо.

Японские амадо — раздвижные ставни, отражающие идею непостоянства (моно-но аварэ). Иероглифы 雨戸 изображают дождь и дверь: ставни понимаются как дверь, за которой может идти дождь. Мир непостоянен, и мы никогда не знаем даже то, что на небольшом расстоянии от нас, но гармония может оказаться еще ближе к нам, чем мы подозреваем.

Европейский романтизм: ставни в живописи понимаются как символ уединения и созерцания. Каспар Давид Фридрих в картине «Женщина у окна» (1818) изображает полуприкрытое изнутри окно, означающее, что эта женщина не каждого будет пускать в свою душу. Открытость помещения не исключает того, что душа должна быть своенравна, как природа, и ставни переключают нас от простого пейзажного созерцания природы к признанию ее собственной воли. Женщина стоит спиной, чуть наклонившись, она вглядывается, кто идёт, оставив только среднюю створку открытой. Так она воспитывает свой взгляд, в нас воспитывая особую стыдливость — мы можем только следить за линией спины, за еле заметным изгибом, и поцелуй воздуха скоро нас коснется. Воздух прохладный и подоконник жаркий, голова чуть кружится, но правильное освещение требует особой энергичности нашего восприятия.

Русские наружные ставни — это прежде всего изобретательность, они летом заменяют окна, когда рамы вынуты и есть только оконные проемы. Они поощряют особое воображение — и когда ставни закрыты, следует вообразить окно, и когда они открыты, его опять же нужно воображать, потому что есть только проем. Это особое двойное воображение и сказалось в привычных образах высокой русской культуры: растворить окно, почувствовать аромат сирени, ощутить всем телом льющуюся музыку, следить за синевой неба и не растворяться в природе, но, напротив, принимать ее изобретательно в свое воображение. При взгляде на русские ставни звучат не только стихи Есенина, но и романс Рахманинова.

Русские наружные ставни давно стали узнаваемым элементом традиционной архитектуры, воплощающим специфическое отношение к пространству и приватности. В отличие от средиземноморских или японских аналогов, они выполняли не только утилитарную функцию защиты от холода, но и служили визуальным маркером домашнего уюта, ожившего, олицетворенного, гуманного, —

их яркая роспись (цветочные орнаменты, геометрические узоры, изображения животных) превращала фасад дома в «лицо» жилища, отражающее характер хозяев. Эта традиция, особенно развитая в северных и сибирских регионах, демонстрирует синтез практичности и эстетики: ставни не просто закрывали окна на зиму, но и становились объектом народного искусства, как в деревнях Русского Севера или в старообрядческих поселениях Бурятии. В литературе (от Лескова до Ивана Шмелёва) закрытые ставни часто символизировали границу между миром семьи и внешней угрозой, а их скрип в ветреную ночь — голос самого дома, предупреждающий о непогоде или незваных гостях.

Сегодня русские ставни переживают двойственное существование: с одной стороны, они остаются объектом ностальгии по «уходящей Руси», активно тиражируясь в этнографических музеях и туристических открытках; с другой — становятся элементом современного дизайна и экологичного строительства. В деревянном зодчестве их используют для пассивного энергосбережения, а в городской среде — как арт-объекты (например, проекты росписи ставен в Коломне или Суздале). Даже в цифровую эпоху их образ сохраняет актуальность: в этнографически-социальном кино (от Звягинцева до Федорченко) глухие ставни подчеркивают изоляцию провинции, а в соцсетях оказываются необходимой частью фоторепортажей о региональных достопримечательностях глубинки как «места силы». Этот парадокс — между архаикой и современностью — делает ставни уникальным культурным феноменом, где материальная форма продолжает генерировать новые смыслы от экологического активизма до укрепления национальной идентичности.

В новейших исследованиях отмечаются связь мотивов ставен с общими программами культурной идентичности, выраженными в архитектуре [1], идентификация русского начала через росписи в их предельной выразительности [2], превращение декоративной сценографии ставен в социокультурную символизацию [3], христианизация ставен как необходимый этап создания национально-религиозной идентичности пространства [4], наконец, создание сценографии власти как необходимая часть реформ национальной жизни [5]. Ставни везде оказываются частью широко понятой сценографии перипетий социальных отношений, и выразительность ставен, доведенная до предела, придает им культуросозидательное измерение. Но в целом ставни понимаются как расписные створки, рисунок которых развивается по автономным законам, как некоторая эволюция мотивов. Поэтому всегда существует некоторый за-

зор между театральностью, представлением дома как украшенного зрителям и собственными ограничениями, связанными с жизнью мотива. В настоящей статье мы анализируем осмысление ставней в культурологии: как театральная предъясвленность ставней может способствовать развитию в том числе социальной рефлексии в современном городе, перформативных практик, которые не сводятся к тем или иным сценариям, жанрам или мотивациям поведения в городе.

Заслуга упомянутых исследований — демонстрация того, что разделение на высокую и народную, как и центральную и региональную, культуру является условностью систематизации материала, тогда как когнитивные операции, связанные со ставнями (например, ощущение безопасности или завершенности дома), одинаковы или близки в любом случае. Тем самым можно не сводить ставни к детали народного быта или народных промыслов, но видеть в них инструмент или момент когнитивной организации социального опыта, который может быть вербализован в социальном взаимодействии благодаря некоторой общей сцене.

Цель статьи — исследовать ставни как культурный и философский феномен, раскрывающий сложные взаимосвязи между архитектурой, телесностью и социальной рефлексией. Через анализ средиземноморской, японской, европейской и русской традиций, а также современных урбанистических и психолингвистических теорий (Ник Данн, Н. И. Жинкин, В. А. Подорога) мы показываем, что ставни функционируют как «материализованный универсальный предметный код» (УПК), опосредующий переход от невербального восприятия к социальным практикам. Их способность регулировать свет, приватность и взаимодействие с внешним миром делает их инструментом перформативной организации пространства, где телесные ритмы и культурные коды сливаются в единый хронотоп.

Исследование восполняет лакуну между архитектурной историей и антропологией повседневности, демонстрируя, что ставни не просто деталь быта, но медиатор между материальным и символическим. Их анализ позволяет переосмыслить современные урбанистические практики: от сохранения «теневых зон» в духе Дана до использования росписи как инструмента социальной рефлексии. Новизна работы заключается в синтезе теорий УПК, хронотопа и перформативности, что дает возможность трактовать ставни как динамический элемент когнитивной организации пространства, актуальный в контексте цифровой эпохи, где границы между приватным и публичным становятся все более размытыми.

Методы исследования, теоретическая база. В основу исследования положен междисциплинарный подход, объединяющий методы культурологии, урбанистики и психолингвистики. Как пример культурологического подхода к ставням можно привести *темную урбанистику*, представленную в книге Ника Данна [6]. Данн утверждает, что современные города проектируются с упором на освещение, безопасность и контроль, что подавляет альтернативные формы ночной жизни. Он противопоставляет этому «ночную урбанистику» — идею города, где тьма не устраняется, а становится ресурсом для новых способов взаимодействия. Данн противопоставляет световому загрязнению «темные зоны», адаптивное освещение, сохранение естественной ночи.

Данн сравнивает дневную и ночную прогулку. Согласно Данну, если дневная прогулка заставляет человека поддаваться манипуляциям, так как любая наша эмоция оказывается привычной и в чем-то раздражающей, то ночью происходит пересборка наших эмоций. Даже если в ночном городе шум остается, есть тишина полусонности, вспыхивающая совсем новой чувственностью ночной жизни тех горожан, которые не спят. «Ночью города конденсируются; активность не-витальных органов города утекает прочь, и его новая картография расчерчивается артериями, набухающими в преддверии каждого из водоворотов неоне-стекло-звуко-столкновений. В этом полузабытьи тело города представляет собой киборга. Рукотворные козны сухого льда и зеркал, ультрафиолетовых ламп и мультискранных следящих глаз превращают безжизненные дневные пространства в *те самые* места, когда их пульс ускоряется до ста двадцати ударов в минуту и более» [6, с. 54]. Казалось бы, лирическое описание ночных клубов, но главное в этом отрывке — это нахождение *тех самых* мест, которые не принадлежат порядкам использования, как днем, но регулируют и телесные реакции, и особенности восприятия, в том числе случайным зрителем. Такое восприятие оказывается пульсирующим, никогда не заставляет зрителя полностью принадлежать этому зрелищу, даже если он заходит в ночной клуб, — всегда остается зазор ночного холода и стыдливости.

Ник Данн вспоминает термин М. М. Бахтина «хронотоп», развивая заложенную в нем связь с ощущением слома культурных паттернов при появлении новых техник и практик тела [7], но использует его необычным образом: не для определения устойчивого литературного жанра, а постоянной метаморфозы, зазоров, сбоев, чего-то вроде прохождения компьютерной игры с неясным интерфейсом. Он говорит о хронотопе трехмерном, об уместности пространства в ночное время и времени в пространстве ночного горо-

да. Этот хронотоп и есть та самая саморегуляция городской ночи, благодаря которой преодолеваются дневные визуальные манипуляции. «Не о симулированном городе и его многочисленных репрезентациях, но о настоящем *месте*. Оба элемента, пространство и время, сплавляются воедино, образуя вязкое вещество, удерживающее тело и в то же время отвечающее на его противоестественные позы. Сейчас город здесь, вместе с тобой, рядом с тобой, позади тебя, а его данность и вес, колеблясь, вторят каждому твоему шагу» [6, с. 55–56]. Мы предполагаем, что ставни создают микромодель такого ночного города — закрывая их и открывая, мы создаем этот хронотоп в новом смысле, как хронотоп уместности самих наших состояний: ощущения температуры, влажности, биения сердца, самого нашего тела. «Городские окраины и их окрестности сплетаются с погодой и текущим уровнем освещенности способом, не имеющим аналогов в самом городе» [7, с. 78].

Ник Данн говорит, что ночной город прямо вбирает в себя человека, но не вовлекая в свои практики, а разрешая прорыв, позволяя открыть себя для ощущения его (города) особой жизненности: «В это мгновение происходит резкая трансформация, затрагивающая и меня: из аморфного, медленно перетекающего сгустка материи, расплывающегося на фоне окружающего пространства, я превращаюсь в четко очерченную человеческую фигуру, отдельную от своего окружения. Далее земля переходит к прощальной церемонии: гравий под моими ногами одаривает их хрустящими поцелуями до тех пор, пока одинокая фигура фонарного столба не протягивает мне навстречу свои руки-лучи, чтобы провести меня по восходящему узенькому проулку вверх на улицу. <...> Достижение скорости отрыва позволяет прорваться сквозь озоновый слой изысканного единообразия с персонализированными акцентами — теперь я вновь ощущаю центростремительную силу ночного города» [6, с. 87–88]. Мы предполагаем, что закрывая и открывая ставни и тем самым регулируя освещение в комнате, равно как и влажность, запахи с улицы и многие другие маркеры телесного самоощущения, мы воспроизводим близкий этому опыт. Следовательно, как и обстоятельства ночного города, так и ставни обращают нас к особому ощущению тела, где эмоции заняли свои места, а разум может сегментировать тишину, регулируя сон и явь, дневное и ночное познание, для лучшего понимания социальной жизни, для нахождения тех моментов нашей телесности, с которых и начинается активное участие в социальной жизни.

Тьма у Данна — это не просто отсутствие света, а активная среда, создающая новые режимы видимости / невидимости. Так и

ставни, будучи регулируемы по обстоятельствам вручную, оказываются наиболее активным элементом среды, как только мы начинаем думать не только о безопасности дома, но о собственной телесности.

Перформативную роль ставней и их аналогов, таких как полицейский контроль над всем городом, раскрыл В. А. Подорога. Ссылаясь на анонимный немецкий роман «Ночные бдения Бонавентуры» (1805), один из источников «страшного» романтизма, Подорога замечает, что полицейский контроль ночного сторожа, наделенного голосом, был не просто перформативен, он прямо вмешивался в телесность горожан: «Фактически это страж городского сна, он призывал к тому, чтобы жители спали, не видели сновидений. Он сторожил сновидения. А сновидения — это то, что разрушает сон. А отчего ночью человек беспокоится? Бойтся, чтобы его не обворовали, чтобы с ним что-то не случилось» [8, с. 27]. Тем самым полицейский порядок, создавая иллюзию или образ безопасности, блокировал то беспокойство, которое отличает дневную жизнь, и давал возможность отдохнуть в полной тишине. Тишина оказывается иллюзорной, и ее можно сравнить с глухими ставнями, которые никогда не бывают полностью глухими, через них всё равно проникает звук или свет. Но они создают иллюзию безопасности благодаря особым телесным практикам, таким как отождествление себя с домом, с которым ничего не случается.

В то же время отмена этого голоса, т. е. прямой перформативности власти, замена тайным и незаметным контролем как раз приводит к торжеству дневных манипулятивных шумов. Отсутствие ставней, т. е. перформативного голоса, говорящего, что дом защищен, полностью уничтожает человеческую телесность и превращает человека в марионетку. «Город перестает спать <...> всё обрастает какими-то чудовищными вещами, как в театре марионеток, за которыми он наблюдает» [8, с. 27]. Такими ставнями могут быть не обязательно действительные ставни, но и голос, например, литература, книги играли такую успокаивающую роль, регулирующую в том числе телесные аффекты — чтение перед сном, всё более рассеянное, успокаивало и позволяло пережить какой-то закономерный, вписанный в жанровые ожидания опыт во сне.

В другом месте Подорога вспоминает Сартра, который требовал реализации успокаивающей функции литературы, как способной не просто регулировать аффекты, но и доводить их до грации. Именно эта грация и маскирует человека, не позволяя ему стать жертвой внешнего объективирующего взгляда: «И Сартр начинает настаивать на том, что человек скрывает себя за этой вибрацией,

за этой попыткой представить себя прекрасным, элегантным, красивым. Он не собирается им становиться. Нет, просто само движение скрывает от другого истинную суть человека. Каждый из нас отличается определенными инстинктивными движениями, жестами, привычками. В целом все это образует общее условие сокрытия нашего истинного представления и о себе, и о других» [8, с. 70–71]. Другой для Сартра применяет всю полноту своей власти по отношению к человеку.

Можно сказать, что ставни как раз допускают другого как себе-седника, потому что с их использованием связаны жесты, привычки, сама манера их открывать, само желание что-то скрывать. Телесные вибрации дополняются использованием ставней как техники сокрытия. Движения тела, что-то скрывающие поневоле, дополняются намеренным закрытием ставней — например, это могут быть заведомо неэлегантные костюмы: элегантен костюм только в случае реализации определенного сценария, скажем, определенной походки, а сам по себе он не элегантен. Но именно тогда другой может воспринять сами условия элегантности, оказавшись в одном хронотопе с нами.

В отечественной культуре такое отношение к литературе как формирующей единое состояние (вибрацию) тебя и другого было в авангарде. Для русских авангардистов существенны были открывающиеся и закрывающиеся конструкции: расписной дом, раек, кукольный театр. Само тело они стремились превратить в нечто вроде дома с наружными ставнями, расписывая щеки разными рисунками и тем самым превращая голос в единственный источник нормативных эстетических переживаний, отменяющих все прежние инерции чувственного. Поэт Василий Каменский так вспоминал пламенную речь мэтра футуристов Давида Бурлюка: «Мы — новые люди нового, современного человечества, — говорил Бурлюк, — мы — провозвестники, голуби из ковчега будущего, и мы обязаны новизной прибытия, ножом наступления вспороть брюхо буржуазии-мещан-обывателей. Мы — революционеры искусства, обязаны втесаться в жизнь улиц и площадей, мы всюду должны нести протест и клич “Сарынь на кичку!” Нашим наслаждением должно быть отныне — эпатирование буржуазии. Пусть цилиндр Маяковского и наши пестрые одежды будут противны обывателям. Больше издевательства над мещанской сволочью! Мы должны разрисовать свои лица, а в петлицы, вместо роз, вдеть крестьянские деревянные ложки. В таком виде мы пойдем гулять по Кузнецкому и станем читать стихи в толпе. Нам нечего бояться насмешек идиотов и свирепых морд отцов тихих семейств. За нами стена молодежи, чующей, понимающей

искусство молодости, и наш героический пафос носителей нового мироощущения, наш вызов» [9, с. 168]. Очевидно, что такое обращение к крестьянскому быту, противопоставление пестрых одежд новых людей и свирепых морд стародумов, разрисовывание лиц и само требование «втесаться» напоминает образ ставней, которые и оказываются как бы завершением, украшением дома. Такой хронотоп открывающихся и одновременно показывающих свою украшенность ставней и определил авангардистскую их философию, повлиявшую на дальнейшие дискуссии в отечественной философии и психологии, в том числе на далее обсуждаемую теорию Н. И. Жинкина.

Результаты исследования и их обсуждение. Новое культурологическое осмысление ставней возможно благодаря Н. И. Жинкину (1893–1979). Это уникальный советский психолог, ученик и сотрудник Г. Г. Шпета в ГАХН, а позднее один из руководителей исследований в области языка и мышления. Как писал чешский структуралист Иржи Левый, «Н. И. Жинкин разработал <...> систему так называемых сравнительных и коммутативных блоков. Жинкин, собственно говоря, пытается сегментировать процесс мышления, разделив его на участки, характеризующиеся с точки зрения вероятности их появления» [10, с. 285–286].

Жинкин разделял основной тезис советской психологии (Л. С. Выготский, А. Р. Лурия, А. Н. Леонтьев) о том, что можно дать определение мышлению — здесь советская психология расходится с линией Л. Витгенштейна и А. Тьюринга, где нет возможности дать однозначное определение сознанию и мышлению.

Позиция Жинкина может быть обобщена так [11]. Жинкин противопоставлял «язык» (социальную систему знаков) и «речь» (индивидуальную деятельность). Мышление, по его выводам, первично и невербально: оно оперирует предметно-схемными кодами (образами, символами, динамическими моделями). Язык же выступает «проводником» для передачи мысли, но не тождествен ей. Тем самым язык и мышление — разные системы, но связанные через «код». Между мышлением и речью существует промежуточное звено — универсальный предметный код (УПК), который имеет неязыковую природу (например, зрительные образы, жесты, схемы) и позволяет «сжимать» информацию перед вербализацией. Например, человек сначала представляет движение («внутренний жест»), а затем описывает его словами. Жинкин изучал записи устной речи, отмечая паузы, повторы, сбои, — это, считал он, следы работы внутреннего кода. Так, при описании сложного действия человек сначала строит мысленную схему, а затем подбирает слова.

Тогда речь не создает мысль, но организует и уточняет ее: все компоненты мысли переводятся в слова, существует зазор между мыслью и выражением. Именно этот последний пункт нам интереснее всего, а именно что то самое грациозное самопредставление вещи опережает слово. Вещь, как ставни, сначала распаивается, представляя себя, вызывая вибрации своей и нашей телесности, а уже потом облекается в слово. Например, когда мы думаем о коте, в сознании возникает не слово, а образ (пушистый, мурлыкающий), возможно тактильное воспоминание. Язык лишь «кодирует» это в звуки или буквы.

В своей ключевой работе [12] Жинкин вводит принцип постукивания, который можно сопоставить с любой ритмичностью, перегружающей систему, как шум дневного города или слишком ярко освещенного ночного города у Ника Данна. Этой ритмичностью он противопоставляет входы и выходы речевых актов, по сути, открытие и закрытие ставней, в котором участвует всё тело, а не только ассоциативное мышление. Если во время громкого чтения выстукивать рукой определенный метр, то или чтение прекращается, или рука сбивается с метра. Таким образом, можно допустить, что выстукивание определенного метра рукой будет тормозить или нарушать не только экспрессивную, но и внутреннюю речь, так как в обоих случаях речь осуществляется через импульсы на речедвигательный анализатор» [12, с. 30]. Выход слов, облечение мысли в речь тогда понимается как что-то вроде открытия расписных ставень, показывающих не отдельные значения, но законченную красоту всего дома — состоявшийся полноценный акт мышления.

Многочисленные параллели идей Жинкина и его современников (Шпета, Выготского и других) и идеи хронотопа М. М. Бахтина убедительно выявлены Т. Д. Марцинковской [13–15]. По Жинкину, мышление сначала формирует образы и схемы, а лишь потом облекает их в слова. Аналогично ставни работают с доречевым уровнем восприятия:

- закрытые ставни = код «уединение», «защита» (возникает как телесное ощущение, а не слово);
- приоткрытые ставни = код «любопытство», «граница» (жест, предшествующий вербализации).

Так, в средиземноморской культуре глухие ставни кодируют «сиесту» (последовательный отдых) — это сначала ритм тела, а потом традиция. А венецианские ставни-жалюзи — это «междометие» в архитектуре: неполное закрытие, намёк на контакт.

Жинкин подчеркивал, что речь упрощает мысль. Ставни делают то же самое с пространством: они «сжимают» сложность внеш-

него мира до бинарного: внутри / снаружи (как язык редуцирует образ до слова). Их движение (открытие / закрытие) — аналог пауз в речи, где невысказанное остается «за кадром». Как язык не равен мысли, так и ставни не равны окну — они лишь его «операторы» (по аналогии с жинкинским «речь — оператор мысли»).

Если язык имеет синтаксис, то ставни — свою «архитектурную грамматику»: мысль → внутренний код (образ тьмы / света) → жест (опустить ставни) → социальный смысл («я сплю»). Это можно сравнить с жинкинской схемой: мысль → УПК → речь. В таком случае ставни раскрывают структуру УПК, где есть как внутренние оппозиции, которые и создают перформативность мысли, так и жест, который оказывается не столько перформативным (в отличие от того, как мы привыкли думать), сколько чисто телесным, теми самыми общими телесными вибрациями.

В духе книги Ника Данна о ночном городе ставни — это регуляторы «теневого» общения: они создают невербальные сообщения (как УПК у Жинкина): закрытые на ночь = «не беспокоить»; узкие щели = «я наблюдаю, но не участвую». Это альтернативный язык, где тьма и свет — его «слова».

Так мы можем понимать ставни как материализованный УПК. Жинкин показал, что мышление шире языка. Ставни же демонстрируют, что архитектура шире функциональности: они материализуют дословесные коды приватности, власти, созерцания. Изучая их, мы видим, как пространство становится текстом, а его элементы — знаками в невербальном диалоге человека с миром. Ставни — это пунктуация в предложении дома, где окно — глагол, а стена — существительное.

В постмодернистской парадигме ставни могут быть осмыслены через концепцию симулякра Ж. Бодрийяра [16] — как элемент, утративший связь с изначальной функцией защиты и превратившийся в знак «уединения», лишенный реального содержания. В условиях тотальной визуализации и цифрового надзора закрытые ставни больше не гарантируют приватность, но создают её иллюзию, становясь частью архитектурного перформанса. Этот тезис перекликается с идеями П. Вирилио о «скорости света» [17]: регулируя освещение, ставни не столько скрывают внутреннее пространство, сколько предлагают зрителю игру частичных видимостей, где граница между приватным и публичным оказывается принципиально нестабильной.

Теория акторно-сетевого взаимодействия (Б. Латур) [18] позволяет рассматривать ставни не как пассивный объект, а как активного участника социальных практик. Их материальность (скрип

петель, текстура дерева, сопротивление ветру) формирует телесный опыт жильцов, а ритм открывания / закрытия включается в нечеловеческие хронотопы города — наравне с автоматическими шторами или светодиодными фасадами. В этом ключе особенно показательны японские амадо: их раздвижная механика воплощает идею гибридности, где человеческое и нечеловеческое (дождь, ветер, материал) совместно конструируют повседневность. Такой подход дополняет классическую семиотику ставен анализом их агентной роли в антропоценовом ландшафте.

В контексте *диджитал-урбанизма* ставни обретают новую метафору — аналоговый интерфейс, предвосхитивший логику современных «умных» систем. Их бинарная опция (открыто / закрыто) прообразует цифровые тумблеры приватности в соцсетях, а ручное управление отсылает к спорам о тактильной резистентности технологий [19]. При этом их перформативность (жест закрытия как сообщение не «беспокоить») сохраняет телесную вовлеченность, утрачиваемую в эпоху голосовых ассистентов. Этот контраст делает ставни важным объектом для критики цифрового детерминизма: в отличие от алгоритмически регулируемых стеклянных фасадов, они напоминают о нелинейных сценариях взаимодействия со средой, где решение всегда оставляет место случайности (например, щель в неплотно закрытых створках).

Заключение. Ключевой теоретической опорой в нашем исследовании успешно выступила концепция универсального предметного кода (УПК) Н. И. Жинкина, позволяющая анализировать ставни как «материализованный» дословесный код, опосредующий переход от телесного ощущения к социальному действию. Дополнительные перспективы открывает «темная» урбанистика Ника Дана, трактующая ставни как инструмент сопротивления визуальным манипуляциям города, а также теория перформативности В. А. Подороги, раскрывающая их роль в регуляции аффектов. Эти рамки дополняются сравнительным анализом культурных традиций (Средиземноморье, Япония, Европа, Россия), где ставни функционируют как маркеры специфических режимов приватности и коллективности.

Ставни должны быть признаны универсальным и динамическим медиатором между телом и пространством. Вопреки их утилитарной функции, ставни оказываются сложным семиотическим инструментом, связывающим физиологическое (ощущение света / тьмы, тепла / холода) и социальное (ритуалы уединения, гостеприимства, контроля). В традициях от средиземноморских шаттеров до японских амадо они актуализируют дословесные коды (по

Жинкину), такие как защита, непостоянство или созерцание, которые лишь вторично вербализуются в культурных нарративах. Их движение (открытие / закрытие) аналогично паузам в речи, где произнесенное формирует смысл.

Работа Ника Данна о ночном городе и анализ Подорогой полицейского контроля раскрывают, что ставни — микромодель сопротивления визуальным манипуляциям. Как тьма у Данна создает альтернативные режимы видимости, так ставни, регулируя освещение, позволяют конструировать темные зоны приватности, где тело обретает автономию от дневных и ночных частных социальных сценариев. В этом контексте русские расписные ставни или авангардистские практики (Каменский, Бурлюк) становятся жестами эпатажа или телесной грации, маскирующими внутреннее беспокойство и одновременно передающими это беспокойство всей культуре, способствуя ее авангардному обновлению.

Если язык, по Жинкину, оперирует мыслью, но не тождествен ей, то ставни оперируют окном, не сводясь к его функции. Их ритмика (сиеста, ночной покой) и декор (росписи, жесты открывания) формируют хронотоп уместности, где социальное взаимодействие начинается с телесного ощущения (прохлады, скрипа дерева, узкой щели света). Это подтверждает тезис Жинкина о первичности невербальных кодов: ставни не просто элемент дома, но «пунктуация» в его диалоге с миром, где каждая створка маркирует переход между внутренним и внешним, словом и молчанием.

Таким образом, ставни раскрываются как ключевой элемент антропологии пространства, где материальная форма становится языком телесной и социальной рефлексии. Их изучение позволяет переосмыслить не только архитектурную историю, но и механизмы когнитивной организации опыта в современном городе. В том числе следует признать полезным и размещение ярких ставней на современных зданиях с оригинальной и при этом брендовой росписью, для чего следует привлекать ведущих уличных художников и дизайнерские агентства.

Практическое применение выводов исследования позволяет переосмыслить роль ставен в современном городском планировании. Вместо их полного устранения в пользу панорамного остекления предлагается стратегия адаптивного использования: ставни могут стать элементом «умного» фасада, сочетая традиционные материалы с сенсорами освещенности, что снижает энергозатраты на кондиционирование (актуально для средиземноморского климата). В исторических кварталах поддержка локальных традиций росписи ставен (как в Бурятии или на Русском Севере) способна уси-

лить идентичность места, превратив их в объект культурного туризма. Кроме того, в духе «темной урбанистики» Ника Данна проектирование «теневых зон» с регулируемыми ставнями в публичных пространствах (кафе, библиотеки) создаст альтернативу тотальному освещению, предлагая горожанам выбор между видимостью и уединением.

На микроуровне ставни могут быть инструментом социальной терапии, особенно в условиях постпандемического мира, где потребность в контроле над личными границами резко возросла. Например, в больницах или коворкингах модифицированные ставни-жалюзи с индивидуальной настройкой помогут пациентам и работникам регулировать уровень стресса. Для детей с РАС (расстройствами аутистического спектра) проекты домов с визуализированными ставнями (например, с цветовыми индикаторами «открыто / закрыто») упростят коммуникацию о приватности. Наконец, в образовательных программах по краеведению мастер-классы по изготовлению и росписи ставен станут способом телесного освоения культурного наследия — от техники резьбы до семантики орнаментов. Таким образом, ставни из архаичного элемента превращаются в ресурс для инклюзивного и рефлексивного проектирования среды.

Список источников

1. Асалханова Е. В. Мотив «бараний рог» и другие стилистические особенности декора деревянной гражданской архитектуры поселка Усть-Ордынский Усть-Ордынского Бурятского округа Иркутской области во второй половине XIX — начале XX века // Баландинские чтения. 2021. Т. 16. № 1. С. 98–103.
2. Акинфеева И. И. Роспись старообрядцев республики Бурятия // Традиционное прикладное искусство и образование. 2024. Т. 51. № 4. С. 397–408.
3. Сиротина М. В. Образно-символические детали в повести Н. С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда» // Язык. Культура. Медиакоммуникация. 2021. Т. 1. № 2. С. 195–198.
4. Барашков В. В. Коллекция современного христианского искусства в Енисейском историко-архитектурном музее-заповеднике им. А. И. Кытманова: история формирования и перспективы развития // Концепт: философия, религия, культура. 2023. Т. 7. № 1 (25). С. 121–134. DOI: 10.24833/2541-8831-2023-1-25-121-134.
5. Баранова С. И., Беляев Л. А., Топычканов А. В. Резиденция Петра I в Коломенском: комплексное историко-археологическое исследование. М.: Индрик, 2022. 376 с.

6. Данн Н. Темные материи: манифест ночного города / пер. с англ. П. Хановой. Пермь: Hyle Press, 2024. 128 с.
7. Марков А. В., Мартъянова С. А. «Хронотоп» или «пространство и время»? // Русская словесность. 2024. № 6. С. 3–9. DOI: 10.47639/0868-9539_2024_6_3.
8. Подорога В. Кинематограф. Сновидение. Психоанализ. М.: Московский международный университет; Des Esseintes Press, 2025. 336 с.
9. Каменский В. Путь энтузиаста. М.: Федерация, 1931. 268 с.
10. Левый И. Теория информации и литературный процесс // Структурализм: за и против / сост. М. Я. Поляков. М.: Прогресс, 1975. С. 277–307.
11. Хан Е. И. Н. И. Жинкин: от феноменологии к философии языка // Вопросы философии. 2023. № 12. С. 12–18. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-12-12-18.
12. Жинкин Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи // Вопросы языкознания. 1964. № 6. С. 26–38.
13. Марцинковская Т. Д. Динамическая целостность личности в пространстве хронотопа // Новые психологические исследования. 2024. № 3. С. 11–26. DOI: 10.51217/npsyresearch_2024_04_03_01.
14. Марцинковская Т. Д. Время в творчестве Л. С. Выготского // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2024. Т. 47. № 4. С. 256–269. DOI: 10.11621/LPJ-24-48.
15. Марцинковская Т. Д. Психология искусства в транзитивном мире: эстетика перемен // Национальный психологический журнал. 2023. Т. 18. № 3. С. 16–24. DOI: 10.11621/npj.2023.0303.
16. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция. М.: Рипол-Классик, 2003. 242 с.
17. Вирильо П. Машина зрения / пер. с фр. А. В. Шестакова; под ред. В. Ю. Быстрова. СПб.: Наука, 2004. 140 с. (Programme A. Pouchkine).
18. Латур Б. Когда вещи дают отпор: возможный вклад «исследовательской науки» в общественные науки // Социология вещей. М.: Территория будущего, 2006. С. 342–363.
19. Psarra A. et al. Sensing textures: Tactile resistance // Proceedings of the 2021 ACM International Symposium on Wearable Computers. New York, 2021. Pp. 211–215.

References

1. Asalkhanova E. V. The “Ram’s Horn” Motif and Other Stylistic Features of the Decoration of Wooden Civil Architecture in the Village of Ust-Ordynsky, Ust-Ordynsky Buryat District, Irkutsk Region in the Second Half of the 19th — Early 20th Centuries. *Balandinskije chteniya* [Balandin Readings], 2021, vol. 16, no 1, pp. 98–103. (In Russ.)
2. Akinfeeva I. I. Painting of Old Believers in the Republic of Buryatia. *Traditsionnoe prikladnoe iskusstvo i obrazovanie* [Traditional Applied Arts and Education], 2024, vol. 51, no 4, pp. 397–408. (In Russ.)

3. Sirotina M. V. Figurative and Symbolic Details in N. S. Leskov's Story «Lady Macbeth of the Mtsensk District». *Yazyk. Kul'tura. Mediatsiya* [Language. Culture. Mediation], 2021, vol. 1, no 2, pp. 195–198. (In Russ.)
4. Barashkov V. V. The Collection of Modern Christian Art in the Yeni-seisk Historical and Architectural Museum-Reserve Named After A. I. Kytmanov: History of Formation and Development Prospects. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura* [Concept: Philosophy, Religion, Culture], 2023, vol. 7, no 1(25), pp. 121–134. DOI: 10.24833/2541-8831-2023-1-25-121-134. (In Russ.)
5. Baranova S. I., Belyaev L. A., Topychkanov A. V. *Rezidenciya Petra I v Kolomenskom: kompleksnoe istoriko-arheologicheskoe issledovanie* [Peter the Great's Residence in Kolomenskoye: A Comprehensive Historical and Archaeological Study]. Moscow: Indrik, 2022. 376 p. (In Russ.)
6. Dunn N. *Temnye materii: manifest nochnogo goroda* [Dark Matters: A Manifesto for the Nocturnal City]. Transl. from English by P. Khanova. Perm: Hyle Press, 2024. 128 p. (In Russ.)
7. Markov A. V., Martyanova S. A. “Chronotope” or “Space and Time”? *Russkaya slovesnost'* [Russian Literature Culture], 2024, no 6, pp. 3–9. DOI: 10.47639/0868-9539_2024_6_3. (In Russ.)
8. Podoroga V. *Kinematograf. Snovidenie. Psihoanaliz* [Cinema. Dream. Psychoanalysis]. Moscow: Moskovskiy mezhdunarodnyy universitet; Des Esseintes Press, 2025. 336 p. (In Russ.)
9. Kamensky V. *Put' entuziasta* [The Path of an Enthusiast]. Moscow: Federatsiya, 1931. 268 p. (In Russ.)
10. Levy I. Information Theory and the Literary Process. *Strukturalizm: za i protiv* [Structuralism: Pros and Cons]. Ed. by M. Ya. Polyakov. Moscow: Progress, 1975. Pp. 277–307. (In Russ.)
11. Khan E. I. N. I. Zhinkin: From Phenomenology to Philosophy of Language. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy], 2023, no 12, pp. 12–18. DOI: 10.21146/0042-8744-2023-12-12-18. (In Russ.)
12. Zhinkin N. I. On Code Transitions in Inner Speech. *Voprosy yazykoznaniya* [Questions of Linguistics], 1964, no 6, pp. 26–38. (In Russ.)
13. Martsinkovskaya T. D. The Dynamic Integrity of Personality in the Space of the Chronotope. *Novye psikhologicheskie issledovaniya* [New Psychological Research], 2024, no 3, pp. 11–26. DOI: 10.51217/npsyresearch_2024_04_03_01. (In Russ.)
14. Martsinkovskaya T. D. Time in the Works of L. S. Vygotsky. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya* [Moscow University Psychology Bulletin], 2024, vol. 47, no 4, pp. 256–269. DOI: 10.11621/LPJ-24-48. (In Russ.)
15. Martsinkovskaya T. D. The Dynamic Integrity of Personality in the Space of the Chronotope. *Novye psikhologicheskie issledovaniya* [New Psychological Research], 2024, vol. 4, no 3, pp. 11–26. DOI: 10.51217/npsyresearch_2024_04_03_01. (In Russ.)

16. Baudrillard J. *Simulyakry i simulyatsiya* [Simulacra and Simulation]. Moscow: Ripol-Klassik, 2003. 242 p. (In Russ.)

17. Virilio P. *Mashina zreniya* [The Vision Machine]. Transl. from French by A. V. Shestakov; ed. by V. Yu. Bystrov. St. Petersburg: Nauka, 2004. 140 p. (Programme A. Pouchkine). (In Russ.)

18. Latour B. When Things Strike Back: A Possible Contribution of 'Science Studies' to the Social Sciences. *Sotsiologiya veshchey* [Sociology of Things]. Moscow: Izdatel'skiy dom "Territoriya budushchego", 2006. Pp. 342–363. (In Russ.)

19. Psarra A. et al. Sensing Textures: Tactile Resistance. *Proceedings of the 2021 ACM International Symposium on Wearable Computers*. New York, 2021. Pp. 211–215.

Сведения об авторах

Марков Александр Викторович, доктор филологических наук, профессор факультета истории искусства Российского государственного гуманитарного университета (Россия, 125993, Москва, Миусская площадь, д. 6)

Штайн Оксана Александровна, кандидат философских наук, доцент Департамента философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б. Н. Ельцина (Россия, 620002, Екатеринбург, ул. Мира, д. 19)

Information about the authors

Alexander V. Markov, Doctor of Sciences in Literature, Professor, Department of Art Studies, Russian State University for the Humanities (6, Miusskaya square, Moscow, 125993, Russia)

Oksana A. Shtayn, PhD in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Ural Federal University (19, Mira str., Yekaterinburg, 620002, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 16.05.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 23.06.2025

Принята к публикации / Accepted for publication 07.07.2025

ОБЩАЯ ПЕДАГОГИКА, ИСТОРИЯ ПЕДАГОГИКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Научная статья / Article

УДК 373.2

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-153>

Дискурс детства в контексте ценностей и воспитания в российской семье

Виктория Витальевна Кожевникова

Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия,
viktoriyak1@gmail.com

***Аннотация.** Актуальность исследования подчеркивается значимостью проблем дошкольного образования в современных условиях. Статья посвящена анализу духовно-нравственного воспитания в системе дошкольного образования России и его роли в сохранении культурного суверенитета в условиях цифровой глобализации и детства. В исследовании выделяется значение традиционных методов обучения и воспитания (сказкотерапия, коллективные практики) и региональных программ (например, «Социокультурные истоки»), интегрирующих народные традиции в воспитательный процесс. Особое внимание уделяется стратегической роли государства в создании экосистемы поддержки семьи через сочетание материальных мер (пособия, льготы) и популяризации ценностей (семья, труд, Родина).*

В исследовании использованы социологические данные ВЦИОМ 2023 г., посвященные проблемам семьи и детей. Сравнительный анализ данных по-

зволил выявить ключевые тенденции в сфере детства и семейной политики. Методы социологических оценок и интерпретативного анализа позволили раскрыть значение гуманизации воспитания, снижения применения физических наказаний, роста использования диалога и финансовых санкций в отношении детей в семье. Методологические предпосылки сравнительного подхода и анализа вторичных данных позволили представить гендерные и территориальные различия в воспитании, обучении, отношении к детям.

В исследовании удалось зафиксировать влияние экономической стабильности и внешних факторов (экономическая рецессия, геополитика) на семейные ценности. Для укрепления института семьи предложены следующие меры: интеграция традиций в образование, поддержка молодых родителей, борьба с цифровым разрывом. Исследование демонстрирует, что сочетание классических практик с инновациями (цифровые инструменты, инклюзия) способно сформировать поколение, способное сохранить культурную идентичность в условиях глобальных вызовов.

Ключевые слова: духовно-нравственное воспитание, культурный суверенитет, преемственность поколений, семейные ценности, социологические исследования, цифровизация

Для цитирования: Кожевникова В. В. Дискурс детства в контексте ценностей и воспитания в российской семье // Человек. Культура. Образование. 2025. № 4. С. 153–175. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-153>

Discourse of childhood in the context of values and education in the Russian family

Victoria V. Kozhevnikova

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
viktoriyak1@gmail.com

Abstract. *The relevance of the study is emphasized by the importance of the problems of preschool education in modern conditions. The article is devoted to the analysis of spiritual and moral education in the preschool education system of Russia and its role in preserving cultural sovereignty in the context of digital globalization and childhood. The study highlights the importance of traditional methods of teaching and education (fairy tale therapy, collective practices) and regional programs (for example, "Sociocultural Origins") that integrate folk traditions into the educational process. Particular attention is paid to the strategic role of the state in creating an "ecosystem" of family support through a combination of material measures (benefits, privileges) and popularization of values (family, work, homeland).*

Methods and methodology of the study. The study used sociological data (VTsIOM, 2023), axiological and cultural approaches, which made it possible to identify key trends in the field of childhood and family policy. Methods of sociological assessments and interpretative analysis made it possible to identify the hu-

manization of education, a decrease in the use of physical punishment, an increase in the use of dialogue and financial sanctions in the relationships of children in the family. The methodological prerequisites of the axiological approach made it possible to identify gender and territorial differences in education, training, and attitudes towards children.

The study managed to record the influence of economic stability and external factors (crisis, geopolitics) on family values. To strengthen the institution of the family, the following measures were proposed: integration of traditions into education, support for young parents, combating the digital divide. The study demonstrates that the combination of classical practices with innovations (digital tools, inclusion) can form a generation capable of preserving cultural identity in the face of global challenges.

Keywords: spiritual and moral education, cultural sovereignty, continuity of generations, family values, sociological research, digitalization

For citation: Kozhevnikova V. V. Childhood discourse in the context of values and education in the russian family. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2025; 4: 153–175. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-153>

Введение. Актуальность и теоретическое обоснование преемственности ценностей семьи, воспитания и детства в современной России обуславливается междисциплинарным подходом к исследованию феномена детства, обновлению требований к задачам педагогики.

В контексте аксиологического подхода ценности семьи и воспитания рассматриваются как основа формирования личности. Согласно Э. Дюркгейму, моральное воспитание — это процесс передачи коллективных ценностей через институты (семья, школа) [1]. В российской традиции это реализуется через призму духовно-нравственного воспитания, опирающегося на православие, коллективизм и патриотизм [2]. Социокультурная теория таких известных исследователей педагогики и психологии, как Л. С. Выготский, В. Зинченко и др., рассматривают развитие ребенка в контексте зоны ближайшего развития, где ключевую роль играют культурные инструменты и социальное взаимодействие [3]. Современное образование, сохраняя преемственность, интегрирует традиционные ценности (уважение к старшим, трудолюбие) в цифровую эпоху [4; 5]. Социоэкологическая модель У. Бронфенбреннера рассматривает семью как особую микросистему, взаимодействующую с мезо- (школа), экзо- (государственная политика) и макросистемами (культура) [6]. Угрозы культурному суверенитету (глобализация, цифровые медиа) нарушают эту иерархию, требуя усиления роли государства в защите традиционных ценностей [7; 8].

Закономерно, что отечественные исследователи рассматривают семью как стратегический ресурс культурного суверенитета страны [10; 19]. Инициативы государственной политики сосредоточены на демографических инициативах, которые раскрываются через программу материнского капитала, льготы многодетным семьям, расширение сети яслей. Акцент на воспитании патриотических ценностей прослеживается в Указе Президента № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» (от 2022 г.), в котором подчеркивается, что семья является основой национальной идентичности. Важным видится сосредоточение исследовательской оптики в направлении фактора социализации в дошкольном образовании, выделении законодательных и ценностных аспектов. Важны законодательные изменения, такие как обновление ФГОС ДО (Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования), которые включают задачи формирования гражданственности, уважения к культурным традициям. Например, в Осетии дошкольники изучают национальный эпос «Нарты», народные праздники, что укрепляет этническую идентичность в рамках общероссийской культуры [11; 12].

В системе дошкольного образования закладываются метаосновы духовно-нравственного воспитания. Широко используются такие методы, как сказкотерапия — использование народных сказок для передачи моральных норм, коллективные практики — совместные праздники, трудовые активности (посадка деревьев, помощь старшим). Все это способствует формированию базовых ценностей (доброта, справедливость, уважение к труду) [13].

Исследователи отмечают, что детство является стратегическим ресурсом [13]. Развитие культурного суверенитета в контексте поддержки института семьи и детства означает способность государства сохранять автономию в формировании ценностных ориентиров подрастающего поколения [14; 15]. Ширятся угрозы в виде цифровой глобализации, коммерциализации детства (игрушки, мультфильмы с чуждыми ценностями). В условиях вызова институту семьи и детства повышается стратегическая роль образования. Опыт регионов позволяет говорить об интеграции традиций, так, программы типа «Социокультурные истоки», реализуемые в Вологодской области, позволяют детям изучать народные промыслы, православные праздники [16; 17]. Выделится ведущая роль сети центров «Сириус», где таланты развиваются в контексте национальных приоритетов (наука, искусство, спорт).

Методы исследования, теоретическая база. В исследовании используются следующие методы: социологический анализ общественного мнения относительно семьи, воспитания и детства; сравнительный анализ данных, позволяющий раскрыть потенциал ценностей, закладываемых в детстве (семья, Родина, труд); культурологический подход позволяет изучить роль народных традиций в социализации; использование социокультурного подхода раскрывает роль взаимодействия семьи, школы и государства в условиях цифровизации; метод интерпретативного анализа позволяет раскрыть содержательные аспекты результатов социологических опросов родителей (например, данные ВЦИОМ о приоритетах воспитания).

Преемственность семейных ценностей и воспитания в России не только культурный феномен, но и стратегический приоритет национальной безопасности. Сочетание традиционных методов (нравоучения, коллективные практики) с современными подходами (диалог, цифровая адаптация) позволит сформировать поколение, способное сохранить культурный суверенитет в условиях глобальных вызовов. Государственная политика должна создать «экосистему»: от поддержки молодых семей до интеграции народных традиций в образование, где детство станет ресурсом развития, а не полем для чуждых идеологий [16].

Результаты исследования и их обсуждение. Результаты исследований ВЦИОМ, посвященных Дню защиты детей (проводился в 2023 г., 1600 опрошенных от 18 лет, предельная погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %), и изменений представлений россиян о воспитании детей и молодежи (проводился в 2022 г., 1600 опрошенных от 18 лет, предельная погрешность выборки с вероятностью 95 % не превышает 2,5 %) позволяют констатировать, что многие респонденты связывают Год семьи с увеличением социальной поддержки со стороны государства (см. табл. 1).

Наиболее популярный содержательный ответ (11 % респондентов) — «надежда на увеличение пособий, льгот и помощи от государства». Это указывает на запрос к власти на укрепление экономической стабильности семей. 7 % респондентов связывают Год семьи с возможностью больше времени уделять близким, что отражает проблему дефицита личного общения в современном обществе. 6 % респондентов подчеркивают, что семья всегда в приоритете. Ответы о любви, взаимопонимании и благополучии (6–5 %) акцентируют эмоциональные и моральные аспекты семейной жизни.

Таблица 1

**«2024 год объявлен Годом семьи, что это значит для Вас?
Вы можете назвать до пяти вариантов»
(открытый вопрос, до 5 ответов, % от всех опрошенных,
представлены содержательные варианты, набравшие
более 2 % ответов, декабрь 2023, ВЦИОМ, N=1600 чел. ¹)**

<i>Варианты ответов</i>	<i>Все опрошенные</i>
Поддержка, больше помощи со стороны государства / социальные пособия, льготы повысятся	11
Больше времени проводить с семьей, с родными, с детьми / быть вместе / общении	7
Для меня каждый год — год семьи / семья на первом месте / опора	6
Любовь, дружба, взаимопонимание, забота, взаимопомощь	6
Благополучие / благополучие семьи, детей	5
Больше внимания семье, детям / забота о семье	4
Дети, внуки	4
Положительные / это важно / хорошо	4
Здоровье / улучшение медицины / чтобы все были здоровы	3
Укрепление института семьи / меньше разводов	3
Благосостояние / достаток в семье / повышение уровня жизни / наличие работы	3
Мероприятия для семей/детей / праздники	3
Воспитание / образование детей, молодежи	3
Счастье / радость	2
Мир / окончание войны/СВО / мужа, дети вернутся с фронта	2
Ожидание лучшего / надежда на лучшее / уверенность в завтрашнем дне / стабильность / чтобы всё было хорошо	2
Демография / повышение рождаемости / запрет абортотв	2
Моя семья, мои родные	2
Личная жизнь / женитьба / завести семью	2
Ничего не значит	23
Другое	5
Затрудняюсь ответить	23

¹ ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/god-semi> (дата обращения: 01.03.2025).

Значительная доля респондентов также ожидает, что объявление Года семьи позволит больше времени уделять своей семье, общению с близкими и детям. Этот аспект подчеркивает важность поддержания крепких связей между членами семьи, способствующих общему счастью и удовлетворенности жизнью.

Другие участники опроса акцентируют внимание на важности благополучия и здоровья членов семьи. Они выражают надежду на улучшение медицинского обслуживания и создание благоприятных условий для воспитания здоровых детей. Некоторые респонденты видят Год семьи как возможность укрепления традиционных семейных ценностей, включая любовь, взаимопонимание и поддержку друг друга. Эти принципы играют важную роль в развитии личности и общества в целом. Небольшая группа участников опроса связывает Год семьи с личным развитием и улучшением личной жизни, например женитьбой или рождением детей. Для них этот период становится символом надежды на будущее и уверенности в завтрашнем дне.

Здоровье, образование, демография (3–2 % респондентов) — меньшая доля в результатах исследования, но значимая часть опрошенных ожидает улучшения медицинских услуг, поддержки рождаемости и воспитания детей. 2 % респондентов связывают Год семьи с надеждой на окончание конфликтов (например, СВО), что отражает влияние внешних факторов на семейное благополучие. 3 % респондентов ждут культурных или социальных событий для семей, а 2 % — повышения уровня жизни и уверенности в будущем.

Для успеха инициативы по реализации Года семьи важно сочетать материальную поддержку (пособия, льготы) с популяризацией семейных ценностей через СМИ, образовательные программы и общественные мероприятия. Также стоит учитывать запрос на стабильность (мир, экономика) как основу для укрепления института семьи.

Таким образом, результаты исследования показывают широкий спектр ожиданий среди населения относительно проведения государством Года семьи. Эти ожидания варьируются от увеличения материальной поддержки и улучшения медицинских услуг до укрепления эмоциональной связи внутри семей и повышения общего благосостояния. Реализация указанных мер требует комплексного подхода правительства и активного участия гражданского общества, чтобы обеспечить эффективное достижение поставленных целей.

Проанализируем мнение общества относительно восприятия детства как жизненного периода каждого человека. Основные мнения респондентов представлены в табл. 2.

Таблица 2

«Существуют разные мнения по поводу того, что важнее для счастливого детства. Одни считают, что самое главное — чтобы родители проводили время с ребенком. Другие полагают, что важнее обеспечить ребенка, чтобы у него были своя комната, новые игрушки, хорошая одежда и прочее. Какая точка зрения ближе Вам?» (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных, май 2023). ВЦИОМ, N = 1600 чел.¹

<i>Варианты ответа</i>	<i>Все опрошенные</i>	<i>Муж.</i>	<i>Жен.</i>	<i>18-24 года</i>	<i>25-34 года</i>	<i>35-44 года</i>	<i>45-59 лет</i>	<i>60 лет и старше</i>
Первая: самое главное — чтобы родители проводили время с ребенком	76	72	79	81	76	70	77	76
Вторая: важнее обеспечить ребенка	11	13	10	6	13	15	8	12
Затрудняюсь ответить	13	15	11	13	11	15	15	12

Анализ данных, представленных в табл. 2, позволяет выявить различия в восприятии роли негативной информации в процессе воспитания детей и подростков различными группами населения. Отметим определенные гендерные различия. Респонденты-женщины чаще мужчин считают необходимым защитить детей и подростков от негативного опыта (69 против 58 %). Мужчины же склонны поддерживать позицию открытости и знакомства с реальной стороной жизни (58 %). Исследование позволяет выявить и возрастные особенности, так, молодые респонденты в возрасте от 18 до 24 лет значительно чаще поддерживают идею открытого восприятия мира и познания жизненных реалий (83 %), тогда как старшая возрастная категория (60+ лет) склоняется к защите от негатива (34 %) — возможно, это связано с различиями в жизненном опыте и между поколениями.

¹ ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/detskoe-schaste-vchera-i-segodnja> (дата обращения: 01.03.2025).

Люди среднего возраста (25–44 года) демонстрируют умеренную готовность допустить знакомство детей с реальностью (около 60–69 %), вероятно, потому, что эта группа активно участвует в родительстве и стремится сочетать защиту и воспитание самостоятельности¹.

Опрос выявляет разнообразие подходов к воспитательному процессу в российском обществе. Большинство женщин и мужчины старшего возраста предпочитают ограничивать доступ детей к негативной стороне жизни, тогда как молодые люди и женщины уверены в значимости честного взгляда на реальность. Эти данные помогают глубже понять современные тенденции воспитания и потребности разных возрастных групп в отношении информационной безопасности и социализации.

Исследование выявило материальный приоритет, преобладающий в обществе, — 11 % респондентов выбрали обеспечение ребенка. Пик оценок данной позиции фиксируется среди мужчин (13 %) и социальной группы в возрасте от 35 до 44 лет (15 %).

Общество сохраняет установку на эмоциональную близость в семье, но материальные факторы сильнее влияют на группы, находящиеся в активной фазе карьеры и воспитания детей (35–44 года).

Таблица 3

«А сами Вы выросли такими же, как Ваши родители, или совсем другими, чем они?» (закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных, апрель 2022). ВЦИОМ, N = 1600 чел.²

			2022						
	1992*	2022	Муж.	Жен.	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
Таковыми же	29	50	52	48	37	37	51	52	61
Совсем другими	46	42	39	44	54	57	40	38	33
Затрудняюсь ответить	25	8	9	8	9	6	9	11	7

*В 1992 г. массовый опрос проходил по репрезентативной всероссийской выборке городского и сельского населения от 16 лет, объем выборки — 3549.

¹ ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/detskoe-schaste-vchera-i-segodnja> (дата обращения: 01.03.2025).

² ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nashi-deti-budut-luchshe-chem-my> (дата обращения: 01.03.2025).

Исследование выявило материальный приоритет, преобладающий в обществе, — 11 % респондентов выбрали обеспечение ребенка. Пик оценок данной позиции фиксируется среди мужчин (13 %) и социальной группы в возрасте от 35 до 44 лет (15 %).

Общество сохраняет установку на эмоциональную близость в семье, но материальные факторы сильнее влияют на группы, находящиеся в активной фазе карьеры и воспитания детей (35–44 года).

Анализ данных табл. 3 позволяет отметить рост преемственности поколений за последние 30 лет. Исследование выявило, что позиция быть «такими же, как родители» (в 1992 и в 2022 гг.) говорит о росте консерватизма — доля считающих себя «такими же, как родители» выросла с 29 % (1992) до 50 % (2022). Фиксируются и поколенческие различия, так, молодежь в возрасте от 18 до 34 лет чаще идентифицирует себя как «совсем другие» (54–57 %). Среди респондентов в возрасте 60+ лет 61 % видят сходство с родителями. Женщины чуть реже мужчин (48 % против 52 %) признают преемственность.

Усиление идентичности с родителями может отражать запрос на стабильность в условиях неопределенности (экономической рецессии, геополитики), особенно среди старших поколений. Молодежь, напротив, стремится к самоопределению вне семейных шаблонов.

Исследование позволяет говорить о связи между приоритетами воспитания и преемственностью. Можно отметить корреляцию ценностей, так, группы, считающие важным позицию «проводить время с детьми» (76 %), чаще ассоциируют себя с родителями (50–61 % среди респондентов в возрасте 45+ лет). Поколенческий парадокс может быть выражен в том, что молодые люди 18–24 лет наиболее активно поддерживают позицию ценности «семейного времени» (81 %, см. табл. 2), при этом они же (54 % опрошенных) чаще называют себя «совсем другими», чем их родители.

Ценность времени с детьми не обязательно связана с копированием родительской модели. Молодые родители могут стремиться дать то, чего, по их мнению, не хватало в их собственном детстве (например, внимание), даже если сами не идентифицируют себя с родителями.

Интерпретация результатов временного промежутка охвата исследования позволяет выделить как общие, так и частные аспекты. Период 1992 года (постсоветский кризис) фиксирует, что только 29 % респондентов чувствовали преемственность с родителями; выделяется высокий процент «затрудняющихся» (каждый четвертый респондент — 25 %), возможно, из-за социальной дезориентации.

Социологическое исследование 2022 г. выявило рост идентификации с родителями (50 %) и снижение неопределенности (8 % затруднившихся). Причиной этого может быть стабилизация общества, ностальгия по советским ценностям, усиление государственной риторики о традиционной семье.

Укрепление семейных ценностей — это ответ на вызовы времени (демографический кризис, цифровизация), но молодежь в своих оценках балансирует между уважением к прошлому и поиском собственного пути.

Предварительные итоги исследования подводят нас к выводам в части необходимости разработки рекомендаций по приоритетным направлениям социальной политики. Объективно в национальных проектах звучит мера по поддержке молодых родителей. Необходимо и в дальнейшем разрабатывать программы гибкого графика работы, чтобы совмещать карьеру и время с детьми (актуально для группы 35–44 года, где 15 % респондентов выбирают материальный приоритет). Для современного общества становится важным диалог поколений, реализация культурных проектов, объединяющих опыт старших и запросы молодежи на самостоятельность. Частью перспективных мер социальной политики могут выступать образовательные инициативы по просвещению родителей о необходимости баланса между вниманием и автономией ребенка.

Следует отметить, что экономическая стабильность является фактором, оказывающим влияние на институт семьи. Государству нужно разрабатывать меры по снижению давления на семьи, где материальное обеспечение становится вынужденным приоритетом (например, субсидии на детские товары). Общество движется к модели, где эмоциональная близость в семье признается ключевой, но ее реализация зависит от экономических условий и поколенческих установок. Рост идентификации с родителями среди старших групп и стремление молодежи к самостоятельности создают поле для диалога, но требуют гибких мер поддержки.

Анализ эволюции методов воспитания в российских семьях позволяет говорить о преемственности и изменениях в ключевых методах семейного воспитания. Респондентами отмечается доминирование нравоучений: 76 % современных родителей используют наставления (62 % в прошлом поколении). Поколенческий парадокс заключается в том, что молодежь 18–24 лет реже сталкивалась с этим методом (50 % против 81 % респондентов 45–59 лет), что может указывать на растущее влияние аспектов психологии и индивидуализированного подхода. Ограничения цифрового пространства является сильным мотивирующим индикатором, 31 %

родителей ограничивают гаджеты / прогулки, но среди респондентов в возрасте от 25 до 34 лет придерживающихся такой позиции больше (48–49 % против 14 % у респондентов в возрасте 60+). Это является следствием воздействия технологической революции — телевизор в прошлом был редкостью, сейчас гаджеты стали частью повседневности.

Таблица 4

«Припомните, пожалуйста, какие из перечисленных ниже методов воспитания использовали, наряду с другими, Ваши родители? (закрытый вопрос, любое число ответов, % от всех опрошенных) (апрель 2023 г.), ВЦИОМ, N = 1600 чел.¹

<i>Варианты ответов</i>	<i>Все опрошенные</i>	<i>Муж.</i>	<i>Жен.</i>	<i>18–24 з.</i>	<i>25–34 з.</i>	<i>35–44 з.</i>	<i>45–59 лет</i>	<i>60 лет и старше</i>
Наставления, нравовучения	76	79	74	50	72	74	81	76
Ограничение просмотра телевизора / гаджетов / прогулок	31	31	31	35	48	49	32	14
Постановка в угол в качестве наказания	19	19	19	15	16	16	22	19
Телесные наказания в виде шлепков, щелчков, подзатыльников	13	11	14	0	6	8	16	16
Лишение карманных денег	8	10	7	10	8	10	11	5
Наказание ремнем	7	8	6	0	3	7	9	8
Ничего из перечисленного	6	5	7	24	5	7	6	5
Другое (укажите)	6	5	7	0	5	4	5	10
Затрудняюсь ответить / Отказ от ответа	1	2	1	5	2	0	1	1

Исследование позволяет отметить, что все больше фиксируется отказ от физических наказаний. Снижение жестких мер в части телесных наказаний (шлепки, ремень) применялись у 20–21 % респондентов в прошлом, сейчас у 13–7 %. Мужчины-респонденты отмечают, что их чаще наказывали физически (23–29 % против по-

¹ ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/detskoe-schaste-vchera-i-segodnja> (дата обращения: 01.03.2025).

казателей в 14–19 % у женщин). Молодежь в возрасте от 18 до 24 лет не сталкивались с ремнем (0 %), что фиксирует сдвиг в обществе в сторону гуманизации воспитания. Отмечается роль общества, публичное осуждение насилия и популяризация психологических методов, которые снижают допустимость физических мер.

В современной семье отмечаются новые методы контроля. Финансовые санкции используют 8 % респондентов (лишают карманных денег), но среди респондентов в возрасте от 18 до 34 лет таких уже 21 %. Наблюдается рост финансовой грамотности современных семей и использование денег как инструмента дисциплины. «Ничего из перечисленного» отметила четверть молодых респондентов — 24 % молодежи в возрасте от 18 до 24 лет не сталкивались с традиционными методами, что позволяет сделать вывод о росте альтернативных подходов (диалога, партнерства). Поколенческие различия в исследовании отмечаются среди респондентов в возрасте 60+, которые реже использовали нравоучения (55 %) и ограничения (14 %) — возможно, из-за авторитарной модели, где физические наказания были нормой. Респонденты среднего возраста (от 35 до 44 лет) являются лидерами в ограничении детей использованием гаджетов (49 %), это поколение, балансирующее между традициями и цифровой реальностью. Молодежь 18–24 лет (24 %) не применяет классические методы воспитания, что позволяет говорить об акцентах на использовании мягких подходов, но в то же время о повышенном уровне риска «цифрового разрыва» с детьми.

Отмечается сохранение традиций с адаптацией. Нравоучения остаются базой методов воспитания в российских семьях, но дополняются методами, учитывающими цифровые вызовы (ограничение гаджетов). Гуманизация воспитания набирает популярность, отмечается снижение физических наказаний, рост финансовых и психологических санкций.

Молодые родители экспериментируют с методами, респонденты старшего возраста критикуют «излишнюю мягкость» воспитания детей. Гаджеты стали новым полем для воспитательных ограничений, заменяя телевизор прошлого. В рамках выработки мер государственной политики в сфере воспитания и просвещения необходимо продвигать диалоговые практики посредством массмедиа, сетевых платформ СМИ и образовательных учреждений.

Эволюция методов воспитания отражает общемировой тренд: от авторитаризма к партнерству, но с сохранением культурной специфики.

В таблице 5 приведены результаты социологического опроса 2023 года в части восприятия детства через дихотомию счастья или его отсутствия.

Таблица 5

Вопрос «1 июня отмечается Международный день защиты детей. Скажите, пожалуйста, а Вы можете назвать свое детство счастливым или нет? «(закрытый вопрос, один ответ, % от всех опрошенных), ВЦИОМ, 2023, N = 1600 чел.¹

Варианты ответов	Все опрошенные	Мужской	Женский	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
Точно могу	57	59	56	59	46	53	67	57
Скорее могу	29	28	30	25	42	31	25	26
Скорее не могу	7	7	6	14	4	8	4	7
Точно не могу	5	4	5	2	6	5	2	6
Затрудняюсь ответить	2	2	3	0	2	3	2	4

Анализ данных исследований в части восприятия детства позволяет выделить поколенческие и социальные различия в восприятии счастья в детстве. Отмечается общий оптимизм — 86 % россиян считают детство счастливым (сумма оценок «точно могу» и «скорее могу»), что подтверждает ностальгическую привязку к прошлому, при этом у респондентов в возрасте от 45 до 59 лет (92 % респондентов) детство пришлось на советский период (стабильность, социальные гарантии). 16 % респондентов в возрасте от 18 до 24 лет отмечают, что назвали бы период детства несчастливым (сумма оценок 14 п.п. — «скорее не могу» и 2 п.п. — «точно не могу»), что, вероятно, усугубляется современными вызовами — цифровизацией, экономической неопределенностью, трансформацией семейных ценностей.

Влияние на восприятие общественным мнением детства как социально-экономического фактора позволяет отметить, что среди респондентов с высшим образованием 91 % счастливых против 78 % с неполным средним. При этом фактор дохода в воспри-

¹ ВЦИОМ, URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/detskoe-schaste-vchera-i-segodnja> (дата обращения: 01.03.2025).

ятии счастья также играет свою роль, более обеспеченные более счастливы: 89 % в обеспеченных семьях против 82 % в малоимущих. Счастье периода детства коррелирует с безопасностью и стабильностью. Советское поколение, выросшее в условиях социальной защищенности, сохраняет позитивный образ прошлого. Молодежь, столкнувшаяся с кризисами и цифровым разрывом, настроена более критично.

Анализ результатов опроса, приведенного в табл. 6, показывает восприятие представителями старшего поколения недостатков современного детства относительно собственного опыта.

Таблица 6

«Как Вы считаете, чего не хватает современным детям из того, что было в Вашем детстве? Назовите несколько вариантов (открытый вопрос, до 3-х ответов, % от всех опрошенных, представлены варианты, набравшие более 2 %). ВЦИОМ, апрель 2023 г., апрель 2022 г.). ВЦИОМ, N = 1600 чел.¹

Варианты ответов	Все опрошенные	Муж.	Жен.	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Дефицит воспитания и образования								
Занятость, досуг / кружки, занятия, секции, мероприятия	14	10	16	6	6	19	16	14
Качество образования / знаний / чтение книг	12	11	13	2	12	8	14	17
Воспитание / ценности / воспитанность	6	7	6	7	4	5	7	7
Дисциплина / жесткость / контроля / строгости	4	5	3	0	7	3	4	4
Труд / трудолюбие / трудовое воспитание	3	2	4	1	0	1	4	5
Уважение к старшим / родителям / учителям	2	3	2	1	2	3	2	2
Организации / комсомол, пионерия	2	1	3	0	0	0	3	5

¹ ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/detskoe-schaste-vchera-i-segodnja> (дата обращения: 01.03.2025)

Окончание табл. 6

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Коллектив / коллективизм / коллективные мероприятия / сплоченность	2	2	2	0	1	1	3	2

Выделим основные дефициты, отмечаемые респондентами, которые связаны преимущественно с областью воспитания и образовательной среды детей. Отсутствие занятости и досуга (занятость, кружки, секции): почти каждый седьмой взрослый выражает обеспокоенность недостатком активности современных детей вне школы (14 % респондентов), среди респондентов женщин эта проблема отмечается чаще, чем среди мужчин (16 против 10 %). Особенно заметна озабоченность респондентов в старших возрастных группах — представители возрастной категории 45–59 лет и 60+ чаще отмечают дефицит активного досуга и занятий (16, 14 %), чем молодежь (по 6 %) и взрослые среднего возраста (8, 19 %).

Более половины взрослых воспринимают падение уровня школьного образования и сокращение объема полученных детьми знаний как серьезную проблему (12 % всего населения). Женщины чаще акцентируют внимание на качестве образования (13 против 11 % у мужчин). Молодежь менее чувствительна к этому аспекту, тогда как респонденты старше 35 лет видят данную проблему острее (особенно группы 35–44 и 45–59 лет, по 14 и 17 % соответственно).

Часть респондентов возраста от 45 и старше 60+ считает важным отсутствие достаточного уровня воспитания, дисциплины и уважения к взрослым (около 4 % отметили проблемы с ценностными ориентирами, дисциплиной и уважением к старшим).

Интересно отметить, что этот показатель дефицита «воспитания/ ценностей/воспитанности» практически одинаков между мужчинами и женщинами (6 и 7 %), хотя среди молодежи меньше ощущается нехватка воспитания (всего 4 % молодых людей в возрасте от 18 до 24 лет выразили такую позицию).

Около трети опрошенных подчеркнули важность утраченного трудового воспитания и умения трудиться (3 % всех участников исследования). Респонденты пожилого возраста чаще обращают внимание на необходимость прививать уважение к труду (старше 60 лет назвали эту категорию в 5 раз чаще, чем молодые люди до 24 лет).

Многие участники исследования вспомнили положительные стороны организованной общественной жизни советского периода

(пионерия, комсомол), отметив потерю общей социальной структуры и единства поколений (примерно 2 % указали на такие факторы). Этот фактор особенно важен для пожилых людей, поскольку большинство представителей молодого поколения вообще не упомянули его (0 % среди молодежи до 34 лет, но до 5 % среди лиц старше 60 лет).

Опрос выявил значительные различия в восприятии дефицита социализации и образовательных возможностей современными взрослыми россиянами разных возрастов. Основной вывод состоит в том, что значительная доля россиян склонна воспринимать изменения современной реальности негативно, считая сегодняшнее детство ущербным по сравнению с собственным детством в плане доступности полезных активностей, развития самостоятельности и трудовой этики, сохранения морали и ценностей.

Таблица 7

«Как Вы считаете, чего не хватает современным детям из того, что было в Вашем детстве? Назовите несколько вариантов (открытый вопрос, до 3 ответов, % от всех опрошенных, представлены варианты, набравшие более 2 %). 2023, N = 1600 чел.¹»

Варианты ответов	Все опрошенные	Муж.	Жен.	18–24 года	25–34 года	35–44 года	45–59 лет	60 лет и старше
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Дефицит живого общения								
Живое общение	17	13	20	11	15	21	22	13
Внимание родителей / общение с семьей	7	4	9	11	8	4	6	6
Дружба, взаимопомощь / доброта, взаимопонимание	5	4	5	0	5	2	8	6
Больше гулять / быть на свежем воздухе, на природе / физической активности / спорта	18	20	16	28	20	20	16	13
Сидят в телефонах / интернете / гаджетах	7	6	7	7	10	7	7	3
Свобода / самостоятельность	6	5	7	6	7	7	5	7

¹ ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/nashi-deti-budut-luchshe-chem-my> (дата обращения: 01.03.2025).

Окончание табл. 7

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Беззаботность / веселье / счастье / игры	4	3	3	0	2	3	4	3

В исследовании респонденты выделяют и дефициты современного детства (2023 г.): физической активности и прогулок (18 % опрошенных), живого общения (17 %), которые, по мнению опрошенных, являются ключевыми проблемами. 28 % респондентов среди молодежи в возрасте 18–24 лет отмечают нехватку активности, каждый десятый (11 %) — дефицит общения. Респонденты в возрасте 35–44 лет (19 %) критикуют организацию досуга, 21 % респондентов выделяют недостаток живого общения. 7 % упоминают зависимость от гаджетов, особенно группа респондентов в возрасте 25–34 лет (10 %).

Цифровизация сокращает время на «реальную» социализацию и физическое развитие. Родители среднего возраста, занятые карьерой, не всегда могут компенсировать это вниманием. 76 % респондентов считают, что время с ребенком важнее материальных благ. Женщины (79 % респондентов) активнее поддерживают эту позицию, мужчины чаще выбирают обеспечение (13 %). Молодежь в возрасте 18–24 лет (81 %) ценит семейное время, но при этом из них 54 % респондентов идентифицируют себя как «совсем другие» по сравнению с родителями. Отметим парадокс поколений: молодые родители стремятся дать детям то, чего не хватало им самим (внимание), но отвергают полную идентичность с предыдущими поколениями.

Заключение. Исследование фиксирует определенную нестабильность по стабильности 1960–1980-х гг., которая контрастирует с вызовами цифровой эпохи (гаджеты, дефицит живого общения). Старшие поколения ценят дисциплину и коллективизм, молодежь — свободу и самостоятельность.

Необходимы интеграция цифровых инструментов в образовательные программы без ущерба для социализации, диалоговые платформы для обмена опытом между поколениями (например, межвозрастные проекты в школах).

Материальный достаток и образование усиливают позитивное восприятие детства, представляя собой индикатор экономики и счастья. Меняется социальная роль родителей, запрос на время с детьми противоречит реалиям занятости (особенно у 35–44-летних). Возрастает потребность в гибких трудовых графиках и государственных программах поддержки работающих родителей, суб-

сидиях на семейный отдых, возрождении института наставничества («семейные клубы»). Все более приоритетным видится забота государства о цифровой безопасности, фильтрации контента, продвижении отечественных мультипликационных проектов. Для достижения поставленных государством целей необходимо углубление межведомственного взаимодействия, координации усилий Минпросвещения, РПЦ и НКО в реализации программ духовно-нравственного воспитания.

Счастлиное детство в России остается идеалом, но его достижение требует баланса между традиционными ценностями (внимание, стабильность) и адаптацией к новым реалиям (цифровизация, автономия). Политика должна быть направлена на смягчение социально-экономического неравенства и укрепление межпоколенческих связей.

Список источников

1. Ying Zhu. Data Mining-Based Design Mechanism of Vocational Education Quality Assessment System. 2022 // IEEE 4th Eurasia Conference on IOT, Communication and Engineering (ECICE). 2022. Pp. 235–238. DOI: 10.1109/ECICE55674.2022.10042903.

2. Бадалова Е. В., Ершов Б. А., Тонких В. А. Дети России: историко-социальный анализ // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. 2022. № 13 (15). С. 96–103. DOI: 10.52270/26585561_2022_13_15_96

3. Зинченко В. П. Детство — ценность, а не объект проектирования и воспитания // Общественные науки и современность. 2006. № 1. С. 168–176.

4. Bolshakova Y., Bolshakov S. The study of population satisfaction with the state of the markets of preschool education, additional education of children // Society. Integration. Education : proceedings of the International Scientific Conference. May 22–23, 2020 / Rezekne Academy of Technologies. 2020. Vol. III. Pp. 631–649.

5. Bolshakova Y., Bolshakov S. Research of satisfaction of population with the status of services in the education market // Society. Integration. Education : proceedings of the International Scientific Conference. May 22–23, 2020 / Rezekne Academy of Technologies. 2020. Vol. VI. Pp. 554–563.

6. Красношлык З. П. Культурное пространство региона как средство приобщения детей старшего дошкольного возраста к народным традициям // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2014. № 36. С. 238–243.

7. Большаков С. Н., Большакова Ю. М. Значение раннего детства и психолого-педагогические задачи в сфере воспитания ребенка // Детство как антропологический, культурологический, психолого-педагогический

феномен : материалы VIII Международной научной конференции в рамках проекта «А.З.Б.У.К.А. детства», Самара, 30 ноября 2022 г. / отв. ред. Т. А. Чичканова. Самара: Научно-технический центр, 2023. Ч. 2. С. 142–146.

8. Вергелес Г. И., Савинова Л. Ю. Ценность детства в русской педагогике первой половины XX века как основа современной парадигмы воспитания // Методика преподавания в современной школе: актуальные проблемы и инновационные решения : материалы II Российско-узбекской научно-практической конференции, Ташкент, 15–16 ноября 2024 г. СПб.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2024. С. 275–281.

9. Bolshakova Yu., Bolshakov S. Research of satisfaction of population with the status of services in the education market // Society. Integration. Education : proceedings of the International Scientific Conference. May 22–23, 2020 / Rezekne Academy of Technologies. 2020. Vol. VI. Pp. 554–563.

10. Bolshakova Y. M., Mikhalchenkova N. A. Strategies of adolescents` delinquent behavior and reasons for its emergence // Revista inclusions. Abril/Junio. 2020. Vol. 7. Numero Especial. Pp. 519–526.

11. Бадалова Е. В., Ершов Б. А., Тонких В. А. Дети России: историко-социальный анализ // Бюллетень социально-экономических и гуманитарных исследований. 2022. № 13 (15). С. 96–103. DOI: 10.52270/26585561_2022_13_15_96.

12. Социализация детей в мультикультурном мире: Международная научно-практическая конференция / И. В. Сушкова, И. Д. Емельянова, Ж. В. Чуйкова, С. Н. Самсонова // Дошкольное воспитание. 2023. № 6. С. 38–41.

13. Гуцина Н. А., Касаткина С. Н., Разумова Г. В., Тарасова Е. И. Ценности социального воспитания ребёнка в дошкольном детстве: региональный опыт исследования // Труды регионального конкурса научных проектов в области гуманитарных наук (Калуга, 1 января 2015 г.). Калуга: Калужский государственный институт развития образования, 2016. Вып. 16. С. 163–172.

14. Mikhalchenkova N. A., Bolshakova J. M., Kulikova N. V. Designing a navigator and developing a classification of methods of art education and cultural studies // EurAsian Journal of Biosciences. Aug-Dec. 2020. Vol. 14. Issue 2. Pp. 7063–7066.

15. Na L. L., Low H. M. Pre-Service Teachers' Perceptions Towards The Inclusion Of Children With Special Educational Needs In Chinese Pre-Schools // Journal of Special Needs Education. 2023. No 13. Pp. 1–12. URL: <https://journal.nase.org.my/index.php/jsne/article/view/86> (дата обращения: 17.08.2025).

16. Михальченкова Н. А., Большаков С. Н. Социальные оценки ценностей российской семьи // Молодая семья — демографический ресурс России : материалы XXII Международного конгресса «Российская семья», Москва, 23 мая 2024 г. М.: РИТМ, 2024. С. 58–66.

17. Красношлык З. П. Культурное пространство региона как средство приобщения детей старшего дошкольного возраста к народным традици-

ям // Психология и педагогика: методика и проблемы практического применения. 2014. № 36. С. 238–243.

References

1. Ying Zhu. Data Mining-Based Design Mechanism of Vocational Education Quality Assessment System. 2022. *IEEE 4th Eurasia Conference on IOT, Communication and Engineering (ECICE)*, 2022, pp. 235–238. DOI: 10.1109/ECICE55674.2022.10042903.

2. Badalova E. V., Ershov B. A., Tonkikh V. A. Children of Russia: Historical and Social Analysis. *Byulleten' social'no-ekonomicheskikh i gumanitarnykh issledovaniy* [Bulletin of Social, Economic and Humanitarian Research], 2022, no 13 (15), pp. 96–103. DOI: 10.52270/26585561_2022_13_15_96. (In Russ.)

3. Zinchenko V. P. Childhood is a value, not an object of design and education. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social sciences and modernity], 2006, no 1, pp. 168–176. (In Russ.)

4. Bolshakova Y., Bolshakov S. The study of population satisfaction with the state of the markets of preschool education, additional education of children. *Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference. May 22-23, 2020*. Rezekne Academy of Technologie, 2020, vol. III, pp. 631–649.

5. Bolshakova Yu., Bolshakov S. Research of satisfaction of population with the status of services in the education market. *Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference. May 22-23, 2020*. Rezekne Academy of Technologies. 2020, vol. VI, pp. 554–563.

6. Krasnoslyk Z. P. Cultural space of the region as a means of introducing senior preschool children to folk traditions. *Psihologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya* [Psychology and pedagogy: methods and problems of practical application], 2014, no 36, pp. 238–243. (In Russ.)

7. Bolshakov S. N., Bolshakova Yu. M. The importance of early childhood and psychological and pedagogical tasks in the field of child education. *Detstvo kak antropologicheskij, kul'turologicheskij, psihologo-pedagogicheskij fenomen : materialy VIII Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. V ramkah proekta "A.Z.B.U.K.A. detstva"*, Samara, 30 noyabrya 2022 g. [Childhood as an anthropological, cultural, psychological and pedagogical phenomenon: Proceedings of the VIII International Scientific Conference. Within the framework of the project "A.Z.B.U.K.A. of childhood", Samara, November 30, 2022]. Responsible editor T. A. Chichkanova. Samara: Nauchno-tehnicheskoe tsentr, 2023. Part 2. Pp. 142–146. (In Russ.)

8. Vergelis G. I., Savinova L. Yu. The value of childhood in Russian pedagogy of the first half of the 20th century as the basis of the modern paradigm of education. *Metodika prepodavaniya v sovremennoj shkole: aktual'nye problemy i innovacionnye resheniya : materialy II Rossijsko-uzbekskoj nauchno-prakticheskoy konferencii, Tashkent, 15–16 noyabrya 2024 g.* [Methods of teaching in a modern school: current problems and innovative solutions: Proceedings of the II Russian-Uzbek scientific and practical conference, Tashkent, November 15–16, 2024]. St.

Petersburg: Russian State Pedagogical University named after A. I. Herzen, 2024. Pp. 275–281. (In Russ.)

9. Bolshakova Yu., Bolshakov S. Research of satisfaction of population with the status of services in the education market. *Society. Integration. Education. Proceedings of the International Scientific Conference. May 22–23, 2020*. Rezekne Academy of Technologies. 2020, vol. VI, pp. 554–563.

10. Bolshakova Y. M., Mikhachenkova N. A. Strategies of adolescents' delinquent behavior and reasons for its emergence. *Revista inclusions. April/Junior*, 2020, vol. 7. Special issue, pp. 519–526.

11. Badalova E. V., Ershov B. A., Tonkikh V. A. Children of Russia: historical and social analysis. *Byulleten' social'no-ekonomicheskikh i gumanitarnykh issledovaniy* [Bulletin of socio-economic and humanitarian studies], 2022, no 13 (15), pp. 96–103. DOI: 10.52270/26585561_2022_13_15_96. (In Russ.)

12. Sushkova I. V., Emel'yanova I. D., Chuikova Zh. V., Samsonova S. N. Socialization of children in a multicultural world. International scientific and practical conference. *Doshkol'noe vospitanie* [Preschool education], 2023, no 6, pp. 38–41. (In Russ.)

13. Gushchina N. A., Kasatkina S. N., Razumova G. V., Tarasova E. I. Values of social education of a child in preschool childhood: regional research experience. *Trudy regional'nogo konkursa nauchnykh projektov v oblasti gumanitarnykh nauk, Kaluga, 1 yanvarya 2015 g.* [Proceedings of the regional competition of scientific projects in the field of humanities, Kaluga, January 01, 2015]. Kaluga: State Autonomous Educational Institution of Additional Professional Education "Kaluga State Institute for Education Development", 2016. Issue 16. Pp. 163–172. (In Russ.)

14. Mikhachenkova N. A., Bolshakova J. M., Kulikova N. V. Designing a navigator and developing a classification of methods of art education and cultural studies. *EurAsian Journal of Biosciences. Aug-Dec*, 2020, vol. 14, issue 2, pp. 7063–7066.

15. Na L. L., Low H. M. Pre-Service Teachers' Perceptions Towards The Inclusion Of Children With Special Educational Needs In Chinese Pre-Schools. *Journal of Special Needs Education*, 2023, no 13, pp. 1–12. Available at <https://journal.nase.org.my/index.php/jsne/article/view/86> (accessed: 17.08.2025).

16. Mikhachenkova N. A., Bolshakov S. N. Social assessments of the values of the Russian family. *Molodaya sem'ya — demograficheskij resurs Rossii : materialy XXII Mezhdunarodnogo kongressa «Rossijskaya sem'ya», Moskva, 23 maya 2024 g.* [Young family — a demographic resource of Russia: materials of the XXII International Congress "Russian Family", Moscow, May 23, 2024]. Moscow: RITM Publishing House, 2024. Pp. 58–66. (In Russ.)

17. Krasnoshlyk Z. P. Cultural space of the region as a means of introducing senior preschool children to folk traditions. *Psihologiya i pedagogika: metodika i problemy prakticheskogo primeneniya* [Psychology and pedagogy: methods and problems of practical application], 2014, no 36, pp. 238–243. (In Russ.)

Сведения об авторе

Кожевникова Виктория Витальевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры психологии семьи и детства Института психологии Л. С. Выготского, Российский государственный гуманитарный университет (Россия, 125993, г. Москва, Миусская пл., 6)

Information about the author

Victoria V. Kozhevnikova, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Family and Childhood Psychology, L. S. Vygotsky Institute of Psychology, Russian State Humanitarian University (6, Miusskaya sq, Moscow, 125993, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 25.08.2025
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 11.09.2025
Принята к публикации / Accepted for publication 19.09.2025

Научная статья / Article

УДК 37.013
<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-175>

**К вопросу о воспитании нормотипичного сверстника
в процессе совместной двигательной активности
с детьми с расстройством аутистического спектра**

**Константин Александрович Лодыгин¹,
Ольга Александровна Сотникова²**

^{1,2} Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия

¹kostya.lodygin.97@bk.ru; ²soikovaao@syktsu.ru

Аннотация. В статье представлен критический анализ редуционистского понимания термина «нормотипичный сверстник» в контексте инклюзивного образования. Обоснована авторская концепция, в рамках которой данное понятие переосмысливается не как статичное условие, а как целенаправленно формируемая педагогическая цель. Раскрыта трехкомпонентная структура данной цели, включающая когнитивный (понимание особенностей расстройства аутистического спектра), эмоционально-оценочный (эмпатия, толерантность) и деятельностный (практические умения поддержки) компоненты. В качестве инструментария для достижения этой цели теоретически обоснована трехуровневая педагогическая

модель взаимодействия детей с расстройствами аутистического спектра и нормотипичных сверстников, использующая воспитательный потенциал совместной двигательной активности. Результатом работы является целостный теоретический конструкт, задающий новые ориентиры для проектирования воспитательной работы в инклюзивной среде, что позволяет перевести ее из плоскости стихийного взаимодействия в плоскость осознанного воспитательного процесса.

Ключевые слова: нормотипичный сверстник, инклюзивное образование, воспитание, дети с расстройствами аутистического спектра, совместная двигательная активность, педагогическая модель

Для цитирования: Лодыгин К. А., Сотникова О. А. К вопросу о воспитании нормотипичного сверстника в процессе совместной двигательной активности с детьми с расстройством аутистического спектра // Человек. Культура. Образование. 2025. № 4. С. 175–185. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-175>

On the issue of raising a normotypical peer in the process of joint physical activity with children with autism spectrum disorder

Konstantin A. Lodygin¹, Olga A. Sotnikova²

^{1,2} Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

¹kostya.lodygin.97@bk.ru; ²sotnikovaoa@syktsu.ru

Abstract. *The article provides a critical analysis of the reductionist understanding of the term “normotypical peer” in the context of inclusive education. The author’s concept is substantiated, within which this notion is reimagined not as a static condition, but as a deliberately formed pedagogical goal. A three-component structure of this goal is revealed, comprising cognitive (understanding of autism spectrum disorder features), emotional-evaluative (empathy, tolerance), and activity-based (practical support skills) components. As a tool for achieving this goal, a three-level pedagogical model for organizing interaction between children with Autism Spectrum Disorders and their normotypical peers is theoretically justified; this model utilizes the educational potential of joint physical activity. The result of the work is a holistic theoretical construct that sets new benchmarks for designing educational work in an inclusive environment, enabling its transition from the plane of spontaneous interaction to the plane of a conscious educational process.*

Keywords: *normotypical peer, inclusive education, education, children with autism spectrum disorders, joint physical activity, pedagogical model*

For citation: Lodygin K. A., Sotnikova O. A. On the issue of raising a normotypical peer in the process of joint physical activity with children with autism spectrum disorder. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2025; 4: 175–185. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-175>

Введение. В современной образовательной практике, ориентированной на построение инклюзивной культуры, особую значимость имеет использование методов и средств, позволяющих детям с ограниченными возможностями здоровья (ОВЗ) успешно социализироваться в среде своих сверстников. Педагогические технологии, направленные на решение указанной задачи, имеют особенности в зависимости от вида нозологии.

Дети с расстройствами аутистического спектра (РАС) представляют собой одну из самых уязвимых категорий детей с ОВЗ, ведь их особенности развития нередко создают серьезные барьеры для включения в образовательную среду [1, с. 2]. По данным Минздрава, распространенность этого вида нозологии, к сожалению, увеличивается и достигает 1 % детской популяции с ежегодным приростом 15–17 % [2, с. 267]. В этой связи не только медицина, но и педагогическая наука концентрирует свое внимание на разработку и использование тех возможностей, которые наиболее эффективно решают вопросы интеграции детей с РАС в жизнь современного общества. Как показывают исследования, среди педагогических подходов одним из наиболее перспективных является организация взаимодействия детей с РАС с нормотипичными сверстниками [3; 4].

Понятие «нормотипичный сверстник» встречается как в научной литературе, так и в бытовом употреблении в примерно одинаковом понимании — это ребенок с «отсутствием выраженных нарушений в психофизическом развитии» [5, с. 10]. Родителям таких детей чаще против названия «нормотипичного», склоняясь к естественному языковому выражению «нормальный». Вместе с тем в литературе встречаются описания, когда нормальный сверстник не смог вступить во взаимодействие с другими детьми, имеющими ОВЗ [6]. Ясно, что для контактирования ребенку необходима готовность к подобным отношениям. В этой связи возникает потребность в подготовке нормальных детей к конструктивному взаимодействию с детьми, имеющими РАС. Данная подготовка представляет собой критически важный, но зачастую недооцениваемый аспект формирования инклюзивной среды, требующий особого внимания исследователей и практиков. При недостатке внимания к данному фактору заявленное в нормативных документах инклюзивное образование на практике трансформируется лишь в «параллельное» сосуществование нормальных детей и детей с особенностями в развитии [7, с. 445].

Ребенок, не имеющий нарушений в своем развитии и обладающий готовностью к конструктивному взаимодействию с детьми,

имеющими РАС, трактуется нами как «нормотипичный сверстник» (ребенок с РАС). Анализ психолого-педагогических исследований дает основания полагать, что указанную готовность можно воспитать. Кроме того, ученые отмечают, что основы отношения к инвалидности и готовность к взаимодействию формируются именно в младшем школьном возрасте и в дальнейшем трудно поддаются коррекции [8]. Следовательно, при разработке подходов к интеграции детей с РАС в фокус внимания следует поместить поиск педагогических технологий по воспитанию у детей младшего школьного возраста качеств нормотипичных сверстников.

Таким образом, фигура нормотипичного сверстника не является статичным условием инклюзии, а представляет собой объект целенаправленного педагогического воздействия. Вместе с тем существует дефицит исследований, посвященных именно воспитательному потенциалу такого взаимодействия для развития самого нормотипичного ребенка. Целью данной статьи является выделение качеств «нормотипичного сверстника» и поиск педагогического инструментария для их формирования.

Методы исследования, теоретическая база. Данная статья выполнена в формате теоретико-методологического исследования. Методами исследования выступили системный анализ педагогической и психологической литературы, нарративный обзор эмпирических и методических источников, а также концептуальное моделирование и логико-структурный синтез. Поиск и отбор публикаций осуществлялся в электронных базах с приоритетом работ, релевантных теме инклюзии, peer-mediated-подходов и двигательной активности (включая ключевые обзоры и эмпирические исследования 2016–2025 гг.). Критериями отбора источников служили: их публикация в рецензируемых изданиях, а также релевантность теме исследования, в частности раскрытие механизмов влияния взаимодействий сверстников и практики совместной деятельности на формирование социальных установок и умений. На основе синтеза литературы была построена трёхкомпонентная концепция воспитания «нормотипичного сверстника» и трёхуровневая педагогическая модель взаимодействия детей с РАС с нормотипичными сверстниками, представленные в следующем разделе.

Результаты исследования и их обсуждение. Анализ массовой педагогической практики позволяет констатировать, что в ней закрепилось редуccionистское понимание нормотипичного сверстника как пассивного внешнего ресурса для инклюзии ребёнка с РАС. Такой подход, при котором наличие «ресурса» лишь констати-

руется, а не формируется целенаправленно, имплицитно исключает возможность и необходимость его педагогического формирования.

Подобная трактовка обнаруживает ряд следующих методологических и практических недостатков:

1) педагогическую пассивность: она не предполагает целенаправленной воспитательной работы по развитию у самого нормотипичного ребенка качеств, необходимых для эффективного и гуманного взаимодействия;

2) игнорирование индивидуальной вариативности: подход не учитывает, что даже при отсутствии клинического диагноза дети обладают принципиально разным уровнем развития эмпатии, толерантности, коммуникативной гибкости и социального интеллекта;

3) противоречие принципу развивающего образования: восприятие одной группы детей лишь как условия для развития другой противоречит фундаментальному педагогическому принципу взаимного обогащения и развития всех субъектов образовательного процесса.

Обращаясь к предложенной ранее трактовке понятия нормотипичного сверстника, можно отметить, что нормотипичный сверстник — это не исходный, пассивный статус, а динамическая характеристика, являющаяся результатом целенаправленного педагогического формирования.

В нашем подходе «нормотипичный сверстник» — это ребёнок, обладающий педагогически сформированными качествами, имеющими несколько компонентов.

Когнитивный компонент качеств нормотипичного сверстника предполагает наличие не просто фрагментарных сведений, а целостную систему знаний и понимания особенностей развития, коммуникации и поведения детей с РАС. Сформированность этого компонента проявляется в умении адекватно интерпретировать нестандартные поведенческие реакции сверстника (например, избегание зрительного контакта или стереотипии) и не сводить их к личной неприязни или невоспитанности; его дефицит ведёт к непониманию и отчуждению.

Эмоционально-оценочный компонент качеств нормотипичного сверстника состоит в устойчивой готовности проявлять эмпатию, терпение и принимать инаковость. На практике это видно в спокойной реакции на затруднения партнёра, готовности пододждать или поддержать; при дефиците компонента возникают раздражение, насмешки или сознательное игнорирование.

Деятельностный (праксиологический) компонент включает практические умения инициации, поддержания и регуляции про-

дуктивного взаимодействия: простые вербальные формулировки просьб и поддержки, использование жестов и показа действия, деликатная коррекция темпа работы партнёра. Именно через такие внешне реализуемые практики в совместной деятельности, посредством интериоризации [9], формируется устойчивое внутреннее эмоционально-оценочное отношение.

Таким образом, «нормотипичный сверстник» — это не данность, а педагогическая цель, достижимая через специально организованную работу, направленную на формирование у ребенка готовности и способности стать полноценным участником инклюзивного процесса.

Совместная двигательная активность как инструмент воспитания и модель ее организации. Для решения поставленных воспитательных задач необходим адекватный педагогический инструмент, отвечающий возрастным особенностям младших школьников и специфике формируемых качеств. В качестве такового нами рассматривается организация совместной двигательной активности, потенциал которой обусловлен рядом дидактических преимуществ.

Первое преимущество состоит в том, что двигательная активность является естественной и привлекательной для ребенка младшего школьного возраста, а это делает ее органичной формой вовлечения.

Второе преимущество заключается в активизации невербального канала коммуникации. Совместные движения, жесты, физическая помощь позволяют установить контакт и выразить поддержку, минуя сложные речевые конструкции, которые часто являются барьером для детей с РАС.

Третье преимущество связано с ситуативностью и наличием общей цели, что создает условия «естественного эксперимента». В такой обстановке целенаправленно моделируются ситуации, требующие от нормотипичного ребенка проявления и отработки целевых умений быстрой адаптации, взаимопомощи и терпения.

Опираясь на теоретические положения Л. С. Выготского [10] и С. В. Алехиной [11] о роли социального окружения, а также принципы построения адаптивной среды Е. А. Ямбурга [12], мы смоделировали трёхуровневую педагогическую систему взаимодействия нормотипичных сверстников и детей с РАС. Уровневость здесь определяется не формальной последовательностью «подготовка — формирование — закрепление», а мерой педагогического наполнения степени требуемой двигательной активности и кооперации, уровнем ответственности и автономии ребёнка, сложностью коммуни-

кативных и сенсорных условий, а также вариативностью и непредсказуемостью задач. Иными словами, каждый уровень задаёт определённую «нагрузку» на когнитивный, эмоционально-оценочный и праксиологический компоненты, что позволяет последовательно наращивать компетенции сверстников. Предлагаемая система состоит из трех основных этапов.

Подготовительный этап. На этом этапе предлагается низкая по интенсивности двигательная нагрузка, высокая степень внешнего сопровождения и структурирования. Основная цель этапа состоит в диагностике исходного уровня и создании безопасного мотивационного фона. Типичные задания на данном этапе: зеркальные упражнения, простая синхронизация движений в парах, знакомство через игровые моторные задания. Наблюдаемые маркеры эффективности: ребёнок адекватно повторяет и понимает действия партнёра, демонстрирует первые проявления терпения и интереса; при дефиците фиксируются отторжение, резкая эмоциональная реакция, неспособность удерживать простую кооперацию.

Основной этап. На данном этапе используется средняя (возможно, высокая) степень двигательной и коммуникативной активности, постепенное усложнение задач и уменьшение внешнего контроля. Ведущей целью второго этапа является создание условий по практическому овладению умениями совместной деятельности в разнообразных ситуациях. Задания включают кооперативные эстафеты с распределением ролей, переносы «общего груза», ситуационную имитацию ограниченной вербальной коммуникации. Мера уровня здесь — сложность координации (число участников, требуемая синхронизация, необходимость адаптировать темп и способы коммуникации). Ожидаемые результаты: увеличение инициативы, умение адаптировать поведение под возможности партнёра, применение вербальных и невербальных стратегий поддержки.

Рефлексивно-оценочный уровень. Обеспечивает закрепление опыта через систему шефства, способствуя осознанию своей роли и развитию ответственности. Нормотипичный сверстник участвует в рефлексивных обсуждениях взаимодействий, проводит само- и взаимооценку, а также может организовывать и проводить простые игровые сессии для младших или сверстников с РАС. Индикаторы: умеет формулировать, что получилось /что можно улучшить; даёт и воспринимает конструктивную обратную связь; планирует и проводит короткую адаптированную игровую сессию; стабильно демонстрирует инициативу и ответственное отношение.

Предложенная модель, основанная на принципе уровневости, представляет собой целостный воспитательный конструкт, где со-

вместная двигательная активность выступает не как самоцель, а как системообразующий элемент, создающий ситуацию для последовательного формирования искомых качеств нормотипичного сверстника.

Заключение. Проведенный анализ демонстрирует необходимость перехода от редуccionистского понимания нормотипичного сверстника к его трактовке как целенаправленно формируемой педагогической цели. Предложенный подход раскрывает данную цель через единство трех компонентов: понимания особенностей РАС, развитой эмпатии и практических умений поддержки.

Педагогическая система взаимодействия детей с РАС и нормотипичными детьми из плоскости стихийного взаимодействия в плоскость осознанного воспитательного процесса, что преодолевает ключевые недостатки существующей практики. Теоретическое обоснование модели указанной педагогической системы на основе совместной двигательной активности задает конкретные ориентиры для воспитательной работы и открывает новые перспективы для исследований в области инклюзивного образования.

Логичным развитием представленной идеи воспитания нормотипичных сверстников является ее апробация в условиях, максимально приближенных к целевым. Для перехода от теоретического описания цели к практическому мониторингу ее достижения необходимо будет сформулировать диагностируемые критерии и наблюдаемые показатели по каждому компоненту. Первичное тестирование трехуровневой модели планируется провести на базе специализированного центра помощи семьям с детьми с особыми образовательными потребностями. Такой формат позволит обеспечить необходимый уровень психолого-педагогического сопровождения, контролируемую среду и тщательный подбор участников, что является критически важным для получения валидных данных.

Список источников

1. Никольская О. С., Баенская Е. Р., Либлинг М. М. Аутичный ребенок. Пути помощи. М.: Теревинф, 2007. 150 с.
2. Лодыгин К. А., Репина Е. Н. Роль педагогических технологий в формировании безопасного типа поведения детей с расстройством аутистического спектра // Сборник материалов XXV Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных / отв. ред. Т. А. Носова. Сыктывкар, 2021. С. 257–260.

3. Travers H.E., Carter E.W. A systematic review of how peer-mediated interventions impact students without disabilities // *Remedial and Special Education*. 2021. Vol. 43. № 1. Pp. 40–57.

4. Chang Y.-C., Locke J. A systematic review of peer-mediated interventions for children with autism spectrum disorder // *Research in Autism Spectrum Disorders*. 2016. Vol. 27. Pp. 1–10. URL: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC5087797/> (дата обращения: 02.06.2025).

5. Выготский Л. С. Основы дефектологии. СПб.: Лань, 2003. 654 с.

6. Gasser L., Malti T., Buholzer A. Children's moral judgments and moral emotions following exclusion of children with disabilities // *Child Development*. 2013. Vol. 84. № 3. Pp. 948–958.

7. Киселева Т. Г., Матаулина А. Е. Особенности формирования коммуникативных навыков у дошкольников с нарушениями развития // *Бизнес. Образование. Право*. 2021. № 3 (56). С. 444–451.

8. Byrnes A.M., Paisley C.A., Tomeny T.S. Enhancing social interactions for youth with autism spectrum disorder through training programs for typically developing peers: a systematic review // *Research in Autism Spectrum Disorders*. 2021. Vol. 84. P. 101784. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1750946721000631> (дата обращения: 30.06.2025).

9. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность. М.: Политиздат, 1975. URL: <https://www.marxists.org/russkij/leontiev/1975/dyatyelnost/deyatelnost-soznyanie-lichnost.pdf> (дата обращения: 17.11.2025).

10. Хусейнова З. А. Воспитательная среда по Л. С. Выготскому // *Молодой ученый*. 2016. № 11. URL: <https://moluch.ru/archive/115/30396/> (дата обращения: 05.06.2025).

11. Алехина С. В. Инклюзивное образование: от политики к практике // *Психологическая наука и образование*. 2016. Т. 21. № 1. С. 136–145.

12. Ямбург Е. А. Школа для всех: Адаптивная модель: теоретические основы и практическая реализация. URL: https://herzenlib.ru/main/doc/news/2023_jamburg.pdf (дата обращения: 07.06.2025).

References

1. Nikol'skaya O. S., Baenskaya E. R., Libling M. M. *Autichnyj rebenok. Puti pomoshchi* [The Autistic Child. Ways of Help]. Moscow: Terevinf, 2007. 150 p. (In Russ.)

2. Lodygin K. A., Repina E. N. The role of pedagogical technologies in the formation of a safe type of behavior in children with autism spectrum disorder. In: Nosova T. A. (Ed.) *Sbornik materialov XXV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii studentov, aspirantov i molodyh uchenyh* [Collection of materials of the XXV International Scientific and Practical Conference of Students, Postgraduates and Young Scientists]. Syktyvkar, 2021. Pp. 257–260. (In Russ.)

3. Travers H. E., Carter E. W. A systematic review of how peer-mediated interventions impact students without disabilities. *Remedial and Special Education*, 2021, vol. 43, no 1, pp. 40–57.

4. Chang Y.-C., Locke J. A systematic review of peer-mediated interventions for children with autism spectrum disorder. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 2016, vol. 27, pp. 1–10. Available at: <https://pmc.ncbi.nlm.nih.gov/articles/PMC5087797/> (accessed: 02.06.2025).

5. Vygotskij L. S. *Osnovy defektologii* [Fundamentals of Defectology]. St. Petersburg: Lan', 2003. 654 p. (In Russ.)

6. Gasser L., Malti T., Buholzer A. Children's moral judgments and moral emotions following exclusion of children with disabilities. *Child Development*. 2013, vol. 84, no 3, pp. 948–958.

7. Kiseleva T. G., Mataulina A. E. Features of the formation of communication skills in preschoolers with developmental disorders. *Biznes. Obrazovanie. Pravo* [Business. Education. Law], 2021, no 3 (56), pp. 444–451. (In Russ.)

8. Byrnes A. M., Paisley C. A., Tomeny T. S. Enhancing social interactions for youth with autism spectrum disorder through training programs for typically developing peers: a systematic review. *Research in Autism Spectrum Disorders*, 2021, vol. 84, p. 101784. Available at: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S1750946721000631> (accessed: 30.06.2025).

9. Leont'ev A. N. *Deyatel'nost'. Soznanie. Lichnost'* [Activity. Consciousness. Personality]. Moscow: Politizdat, 1977. 304 p. Available at: <https://www.marxists.org/russkij/leontiev/1975/dyeatyelnost/deyatelnost-soznyanie-lichnost.pdf> (accessed: 17.11.2025). (In Russ.)

10. Huseynova Z. A. Educational environment according to L.S. Vygotsky. *Molodoj uchenyj* [Young Scientist], 2016, no 11 (115), pp. 1629–1631. Available at: URL: <https://moluch.ru/archive/115/30396/> (accessed 05.06.2025). (In Russ.)

11. Alëhina S. V. Inclusive education: from policy to practice. *Psihologicheskaya nauka i obrazovanie* [Psychological Science and Education], 2016, vol. 21, no 1, pp. 136–145. (In Russ.)

12. Yamburg E. A. *Shkola dlya vseh: Adaptivnaya model': teoreticheskie osnovy i prakticheskaya realizaciya* [School for All: Adaptive Model: Theoretical Foundations and Practical Implementation]. Available at: https://herzenlib.ru/main/doc/news/2023_jamburg.pdf (accessed: 07.06.2025). (In Russ.)

Сведения об авторах

Лодыгин Константин Александрович, аспирант, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Россия, 167001, Сыктывкар, Октябрьский пр-т, 55)

Сотникова Ольга Александровна, доктор педагогических наук, доцент, ректор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина (Россия, 167001, Сыктывкар, Октябрьский пр-т, 55)

Information about the authors

Konstantin A. Lodygin, Postgraduate student, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar, 167001, Russia)

Olga A. Sotnikova, Doctor of Pedagogical Sciences, Associate Professor, rector, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar, 167001, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 18.11.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 25.11.2025

Принята к публикации / Accepted for publication 27.11.2025

Научная статья / Article

УДК 378.14

<https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-185>

**Воспитательный потенциал дисциплин в части
формирования традиционных российских ценностей
у обучающихся в организациях высшего образования**

**Светлана Дмитриевна Сажина¹,
Дмитрий Александрович Попов²**

^{1,2} Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина,
Сыктывкар, Россия

¹ sve-sazhina@yandex.ru, ² popovda-516@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрены некоторые проблемы воспитания студентов организаций высшего образования на современном этапе в части формирования у них как у будущих специалистов, традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Обоснованы базовые аспекты данной проблемы. Также указано, что воспитание студентов на данный момент в части формирования традиционных ценностей нормативно не регламентировано.

В статье показаны психологические качества и синзитивный период формирования у обучающихся 18–21 года традиционных ценностей, обусловленный наличием теоретического мышления и способностью ориентироваться в формах теоретического познания, наличием волевой саморегуляции, потребностью понять себя и свои возможности как члена общества, своего места и назначения в жизни.

В качестве средства формирования ценностей и ценностных ориентаций в статье предлагается сделать акцент на содержание обра-

зования, а именно на воспитательный потенциал содержания курсов, изучаемых в организациях высшего образования, как источника общественного сознания и объективных компонентов культуры.

Продуктом познания определяется научное мировоззрение, которое делает понятным для личности мир природы, человека и общества, формирует просвещенное сознание, избавляет его от предрассудков, вооружает совокупностью принципов и методов познания действительности, формирует осознанность профессиональной деятельности будущего специалиста, его убеждения, стремления, мотивы, идеалы, что в совокупности влияет на формирование ценностей и ценностных ориентаций (как компонентов мировоззрения).

В статье рассмотрены шестнадцать дисциплин, изучаемых студентами непедагогических специальностей подготовки, десять из которых кратко соотнесены с традиционными ценностями и теоретической характеристикой возможностей их формирования, остальные шесть раскрыты более подробно. Отмечена роль преподавателя организации высшего образования в отборе содержания дисциплины в части формирования знаний об объективном мире, чувств, норм морали и права, а также выработки системы взглядов на мир и места в нем будущего выпускника.

Ключевые слова: ценности, ценностные ориентиры, студенты, воспитание, будущие специалисты, традиционные ценности, воспитательный потенциал дисциплин, воспитательное содержание дисциплин

Для цитирования: Сажина С. Д., Попов Д. А. Воспитательный потенциал дисциплин в части формирования традиционных российских ценностей у обучающихся в организациях высшего образования // Человек. Культура. Образование. 2025. № 4. С. 185–208. <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-185>

The educational potential of the content of disciplines in terms of the formation of traditional Russian values among students in higher education institutions

Svetlana D. Sazhina¹, Dmitrii A. Popov²

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

¹sve-sazhina@yandex.ru, ²popovda-516@yandex.ru

Abstract. *The article discusses some of the problems of educating students of higher education institutions at the present stage in terms of the formation of traditional Russian spiritual and moral values among them as future specialists. The main, basic aspects of this problem are substantiated. It is also indicated that the education of students, at the moment, in terms of the formation of traditional values, is not regulated by law. The article shows the psychological qualities and the syncitive period of formation of traditional values among students aged*

18–21, due to the presence of theoretical thinking and the ability to navigate the forms of theoretical knowledge, the presence of volitional self-regulation, the need to understand oneself and one's capabilities as a member of society, one's place and purpose in life. As a means of forming values and value orientations, the article suggests focusing on the content of education, namely the educational potential of the content of courses studied in higher education institutions as a source of public consciousness and objective components of culture. The product of cognition is determined by the scientific worldview, which makes the world of nature, man and society understandable to the individual, forms an enlightened consciousness, frees it from prejudices, equips it with a set of principles and methods of cognition of reality, forms awareness of the professional activity of a future specialist, his beliefs, aspirations, motives, ideals, which together affects the formation of values and values. orientations (as components of a worldview). The article examines sixteen disciplines studied by students of non-pedagogical training specialties, ten of which are briefly correlated with traditional values and theoretical characteristics of the possibilities of their formation, the remaining six are disclosed in more detail. The role of the teacher of the higher education organization in the selection of the content of the discipline in terms of the formation of knowledge about the objective world, feelings, norms of morality and law, as well as the development of a system of views on the world and the future graduate's place in it is noted.

Keywords: values, value orientations, students, education, future specialists, traditional values, educational potential of disciplines, educational content of disciplines

For citation: Sazhina S. D., Popov D. A. The educational potential of the content of disciplines in terms of the formation of traditional Russian values among students in higher education institutions. *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2025; 4: 185–208. (In Russ.) <https://doi.org/10.34130/2233-1277-2025-4-185>

Введение. В настоящее время в системе образования одной из важных является проблема воспитания будущих специалистов. «Идеологическое воздействие на граждан России привело к насаждению чуждой системы идей и ценностей, включая культивирование эгоизма, вседозволенности, безнравственности, отрицание идеалов патриотизма и служения Отечеству, созидательного труда и естественного продолжения жизни», обесценивание брака и важности традиционной крепкой семьи. Это, в свою очередь, создало условия, способствующие «саморазрушению российского общества, ослаблению социальных связей (в т. ч. семейных, дружеских), снижению роли социального партнерства и внедрению антиобщественных стереотипов поведения, обесцениванию идей созидательного труда и взаимопомощи, отрицанию человеческого

достоинства и ценности человеческой жизни», что подрывает доверие к государству и государственным институтам, вредит нравственному здоровью подрастающего поколения, ослабляет общероссийскую национальную идентичность и ведет к социальным конфликтам¹. В связи с этим вопросы, связанные с воспитанием подрастающего поколения, имеют приоритетное значение для нашего государства.

Необходимо отметить, что под воспитанием, согласно ФЗ-273 «Об образовании в Российской Федерации», понимается «деятельность, направленная на развитие личности, формирование у обучающихся трудолюбия, ответственного отношения к труду и его результатам, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, традиционных российских духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважение к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде»².

Система высшего образования обладает характеристиками, отличающими ее от других образовательных организаций: 1) её основа — академическая деятельность и знание, сохраняющееся и передающееся профессорско-преподавательским составом, в большей степени состоящим из специалистов, имеющих научную степень; 2) наличие тесной связи преподавания и научной деятельности, в которой принимают участие как преподаватели, так и студенты; 3) отличие возрастных особенностей и уровня образования обучающихся вуза и других учебных заведений, которые позволяют понять и усвоить передовые знания, познать истину, сформировать культуру будущего специалиста; 4) акцент в работе на инновационную функцию, которая проявляется в социально-экономическом развитии региона, общественной жиз-

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 15.06.2025).

² Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/ (дата обращения: 25.06.2025).

ни в нем, национально-культурную миссию.

Обратимся к практике воспитательной работы высших учебных заведений (далее — вуз). Первое, что составляет основополагающую логику построения всей воспитательной работы в вузе, — это то, что она является частью государственной политики. Поэтому перед каждым вузом страны ставится задача соответствовать государственной политике по сохранению и укреплению традиционных ценностей и формировать высоко-нравственную личность, воспитанную в духе уважения к традиционным ценностям, обладающую актуальными знаниями и умениями, способную реализовать свой потенциал в условиях современного общества, готовую к мирному созиданию и защите Отечества. Второе — это то, что в процессе высшего образования формируется профессионал — человек, который своим трудом будет способствовать развитию государства и общества. В связи с этим работа по воспитанию обучающихся должна строиться в формате воспитывающего обучения, через которое формируются ценности, растёт осмысленность, копируются паттерны поведения, закрепляются социальные нормы и образцы действия.

Однако на данный момент в высшем образовании превалирует вариативность разнообразных форм воспитательной работы (встречи, волонтерская деятельность, квесты и т. п.), однако очень слабо используется потенциал: 1) глубоких теоретических знаний, формирующих осмысленность традиционных ценностей, понимания значимости высоких нравственных идеалов; 2) дисциплин, рассматривающих систему представлений о мире, формирующих комплекс знаний о человечестве, доносящих убеждения, способных служить жизненными ориентирами. Зачастую в учебных заведениях не интегрируют миссию преподавания и передачу культуры, обосновывая это отсутствием научных исследований в данной области, а также методических рекомендаций по каждой дисциплине и деятельности в целом.

Необходимо заметить, что именно высшее образование, отличающееся своей углубленностью, фундаментальностью, научностью и академической направленностью, может способствовать формированию жизненной системы представлений о мире и пониманию общекультурных ценностей. Ещё английский мыслитель Дж. Миллер отмечал: «Университету собственно принадлежит иная задача: не авторитетно говорить, как мы должны верить, и не заставлять нас принимать известную веру как обязанность, но давать нам сведения и обучение и помогать нам образовать свою веру способом, достойным разумных существ, ищущих исти-

ны всеми силами и желающих знать все затруднения, с тем, чтобы иметь возможность найти или узнать наиболее удовлетворительный способ их разрешения» [1]. Его слова подтверждает А. В. Константинова: «Университет имеет своей миссией предоставление высшего образования среднему человеку, делая его сначала культурной личностью и поднимая на уровень времени... посредством приобщения к значимым культурным областям знания, среди которых социология, философия, история, физика, биология и т. д. ... именно университет может и должен противостоять фрагментации общества и реализовывать свои интегрирующие возможности... университет сегодня — это современный центр, отвечающий за формирование личности ... а также за целостность процесса ее социализации» [2; с. 75–79].

Таким образом, проблема сохранения и укрепления традиционных российских духовно-нравственных ценностей, являющихся общечеловеческими, основанием образа жизни, под влиянием которого происходит формирование мировоззрения человека, провозглашена одной из приоритетных на государственном уровне и должна осуществляться во всех образовательных организациях Российской Федерации. В рамках высшего учебного заведения должно осуществляться не только приращение научного знания, развитие различных отраслей науки, получение студентами фундаментальных знаний, в том числе и через участие их в научных исследованиях, но и особая миссия — формирование мировоззрения и ценностей у будущего специалиста, служение обществу.

Методы исследования, теоретическая база. В педагогике ценность понимают как субъективную значимость свойств и качеств предмета, явления, обстоятельств в конкретной ситуации, которая представляет собой социокультурный феномен, возникающий в процессе предметно опосредованных межсубъектных отношений, обладающий положительным смыслом и выступающий в качестве внутреннего регулятора человеческих действий [3, с. 396], а ценностные ориентации — «избирательное отношение человека к материальным и духовным ценностям, выраженное в его поведении, деятельности, отграничивающее существенное и важное для данного человека от несущественного... образующее своего рода ось сознания, обеспечивающую ее устойчивость, преемственность определенного типа поведения и деятельности [4, с. 10].

Традиционные ценности подразумеваются как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе

общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие свое уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»¹.

Осмысление социальных и культурных процессов с опорой на традиционные ценности позволяет своевременно и эффективно реагировать на угрозы и сохранять общероссийскую гражданскую идентичность². Особенно это касается воспитания будущего специалиста, для которого в связи с недостатком жизненного опыта и глубины знаний является характерным проявление негативизма, недоверия, скептического отношения к традиционным ценностям, инфантилизма, что влияет на уверенность в завтрашнем дне. Однако необходимо отметить, что после 18 лет в связи с созреванием когнитивных и личностных предпосылок, наличием теоретического мышления и способности ориентироваться в формах теоретического познания начинается этап формирования мировоззрения, связанного с решением смысложизненных проблем, потребностью систематизировать и обобщать знания, находить доказательство и обоснования представленным постулатам; развития всех видов чувств; более реалистической самооценки собственной личности, соотнесения себя с идеалом; целостной системы профессионала о своей деятельности, включая предметную, смысловую и ценностную составляющие; появляется социальная потребность понять себя и свои возможности как члена общества, своего места и назначения в жизни; активизируются сознательное самосовершенствование, саморазвитие и самовоспитание. Студенческий возраст отличается «стремлением к самопознанию, самоопределению и самоутверждению в качестве субъекта общественной и профессиональной жизни, появлением интеллектуальной и социальной зрелости и их достаточно гармоничным сочетанием» [5, с. 64].

Вместе с тем необходимо отметить ориентированность документов Российской Федерации на воспитание детей (дошкольного и школьного возраста), а не на воспитание будущих специалистов. Например, в Стратегии развития воспитания³

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 15.06.2025).

² Там же.

³ Стратегия развития воспитания в Российской Федерации на период до 2025 года (утверждена распоряжением Правительства РФ от 29 мая 2015 г.

отсутствует позиция выделения в ней профессионального воспитания и воспитания студентов; в федеральных государственных стандартах высшего образования компетенции не отражают соотносительность с воспитательной деятельностью, формированием ценностных ориентаций как условием профессионализма будущего специалиста. Ни в одном документе не представлено, что будущий профессионал должен быть высоконравственной личностью со сформированными традиционными ценностями.

Однако, чтобы будущие специалисты могли быть «высоконравственными личностями, воспитанными в духе уважения к традиционным ценностям, обладающими актуальными знаниями и умениями... готовыми к мирному созиданию и защите Отечества»¹, они должны иметь соответствующие знания и представления о ценностных ориентациях, понимать их важность и связь с мировоззрением, картиной мира.

Данную точку зрения отмечают ряд исследователей. Например, Н. Н. Дьяченко рассматривает профессиональное воспитание как условие для успешной деятельности в конкретной области труда [6], А. В. Репринцев — как условие удовлетворения потребности общества в высококультурном, интеллигентном и профессионально воспитанном педагоге [7], О. Э. Никитина — как условие определения жизненных и профессиональных целей, способностей, актуальных и потенциальных возможностей, развития лидерских качеств [8].

Н. Ю. Абрамян акцентирует внимание на нравственном воспитании студентов вуза на основе реализации ценностно-смыслового потенциала традиций. Она отмечает, что молодежь легко подвергается манипуляциям со стороны различных источников информации, и делает вывод, что необходимо осуществлять нравственное воспитание студентов на основе научно обоснованного ценностно-смыслового потенциала, логики традиций, раскрытия сущности нравственных ценностей и моральных норм [9].

Д. Х. Саликов рассматривает развитие патриотических ценностей у студентов вуза в процессе профессиональной подготовки и считает, что потенциальные возможности высших учебных заведений недостаточно используются в решении этой задачи.

N 996-p) URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70957260/?ysclid=md49n71d3h197972287> (дата обращения: 25.06.2025).

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 г. № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 15.06.2025).

Упоминает о роли социально-политических дисциплин в формировании значимости понимания патриотических ценностей, использования сравнительно-исторического анализа текстов геополитической тематики [10].

Т. И. Авдеева отмечает важность духовно-эстетических ценностей у студентов технического вуза в процессе изучения культурологических дисциплин, где можно дать знания о культурных ценностях России [11].

Однако на данный момент единого подхода к определению воспитательного потенциала содержания дисциплин в части формирования традиционных российских ценностей у обучающихся в организациях высшего образования в исследованиях не выявлено — каждая представляет отдельный аспект формирования ценностей с акцентом на профессиональную подготовку в вузе.

Надо отметить, что к окончанию школы человек овладевает знаниями и умениями, мировоззрением, позволяющими ему жить в социуме. Именно организация высшего образования может дать возможность будущему профессионалу фундаментальные, обширные знания, глубоко понять причины и законы не только будущей профессии, но и мироустройства в целом.

Говоря о личности как «субъекте отношений и сознательной деятельности, обладающей системой социально значимых черт»¹, которые она реализует в общественной жизни, необходимо отметить, что воспитание личности осуществляется в процессе всего образовательного процесса.

Самые стойкие мотивы деятельности определяет жизненная позиция личности, жизненные принципы личности, а также убеждения как высшая форма направленности личности, в структуру которой входят мировоззрение и стремление к его осуществлению. Поэтому воспитание должно обеспечивать личностный рост студентов, достижение личной зрелости в контексте ожиданий и установок семьи, общества и государства, формирование у обучающихся социально значимых качеств, социальной зрелости и гражданской позиции.

Немаловажным является рассмотрение значимых для социума объектов и явлений, придающих смысл человеческой жизни, ориентирующих будущих специалистов в своем повседневном поведении, объясняющих важность и правильность ценностей, выработанных российским обществом за века его суще-

¹ Большая советская энциклопедия (БСЭ). URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/bse/104162/Личность?ysclid=md2yg9fj371099934> (дата обращения: 22.06.2025).

ствования, научное понимание взаимосвязи естественных и социальных процессов. Данные ценности должны реализовываться в деятельности, социальной по своей природе, отвечающей потребности человека, реализующей его отношение к миру, ориентирующей на социальные установки, необходимые для успешной социализации обучающихся в обществе, развитие их социальной, культурной и профессиональной компетентности, обуславливающей и сопровождающей становление его личности, в том числе в рамках совместного бытия студентов и преподавателей.

Любая деятельность человека всегда осуществляется сознательно, и особой формой отношения человека к явлениям действительности выступает чувство. «Чувства возникают в связи с познавательными процессами: ощущениями, восприятиями, представлениями, мыслями и тесно связаны с деятельностью человека... выявляют в характере человека его особенности, убеждения, мировоззрение, привычки, его внутренний мир... Появление новых чувств, изменения в характере переживаний человека является свидетельством изменения его личностных жизненных отношений» [4, с. 20]. Таким образом, в процессе учебных занятий всё должно оказывать воспитывающее воздействие: содержание учебного материала; методы его изучения; поведение педагога, его внешний вид, поступки, речь, взаимоотношения с обучающимися; актуализация внимания на главном, существенном; формирование мотивации и интереса; развитие диалектического мышления и воспитание взыскательности и требовательности к себе, уважительного отношения к труду, культуры труда; умение работать в команде на основе позитивной коммуникации и социальной ответственности и т. п.

В целом в ходе воспитания в вузе должна быть сформирована личность, обладающая прочным нравственным стержнем, имеющая кругозор, независимое мышление, конструктивное мировоззрение, демонстрирующая высокую культуру, умеющая нести ответственность за принимаемые самостоятельно решения, способная адаптироваться к меняющимся условиям, восприимчивая к новым созидательным идеям, нацеленная на повышение благосостояния семьи, общества, государства.

Результаты исследования и их обсуждение. Решая поставленную задачу, необходимо стремиться использовать потенциал всех учебных дисциплин. Одним из главных средств воспитания является содержание образования, под которым мы подразумеваем «систему научных знаний, практических умений и навыков, мировоззренческих, нравственно-эстетических идей»

[12, с. 128], а также элементов социального, познавательного и творческого опыта.

В связи с тем что анализ научных исследований не выявил готовых паттернов содержания образования дисциплин высшего образования в рамках формирования традиционных российских ценностей, в ходе теоретического исследования мы постарались определить, какую культурную миссию (передачу культуры, формирование традиционных ценностей) и формирование системы представлений о мире могут нести дисциплины, соотнесли содержание образования ряда дисциплин с традиционными ценностями, которые они могут формировать у обучающихся. В статье представлена часть дисциплин в качестве примера.

Представим краткую характеристику воспитательного потенциала содержания образования некоторых дисциплин высшего образования (табл.)

Таблица

Характеристика воспитательного потенциала дисциплин высшего образования

<i>Дисциплина</i>	<i>Ценности</i>	<i>Краткая характеристика воспитательного потенциала дисциплины</i>
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>
Анатомия, физиология и гигиена	жизнь	Формирование понимания строения, физиологии организма и необходимости ресурсов природы для его развития, роли деятельности в становлении организма, связь нервной системы, рефлексов, КГМ и поведения; важности сохранения здоровья и помощи субъекту при восстановлении здоровья;
	милосердие	
	гуманизм	влияния гормонов на взаимодействие с социальным окружением и достижение целей;
	патриотизм	роли территории и ее защиты в жизни субъекта и т. п.
Психология	жизнь, достоинство, коллективизм, крепкая семья	Формирование понятия личности, общества и коллектива, идентичности, потребности, осознания личности в обществе, взаимоотношений и взаимодействия личности и коллектива, структуры деятельности, роли семьи, социума в жизни человека;
	высокие нравственные идеалы	роли нравственных идеалов, мотивов, целей, интеллекта;

Продолжение табл.

1	2	3
	гуманизм, милосердие, взаимопомощь и взаимоуважение	значения взаимоуважения и взаимопомощи; понимания ритуализации, стереотипизации, роли среды в развитии личности и человека, символичности и образности, психологических особенностей взрослых и пожилых людей и т. п.
Философия	все ценности	Формирование понимания общих принципов бытия и познания; познавательного, ценностного, социально-политического, нравственного и эстетического отношения человека к миру; общих законов развития природы, человека и общества; взглядов на мир и место в нем человека; идеалов, культурных ценностей, смысла жизни и т. п.
История	историческая память и преемственность поколений, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение, единство народов России, коллективизм	Формирование единства национального и общечеловеческого, понимания вклада каждого народа в историю; исторической правды событий на основе аргументов и фактов; формирование идейно-теоретических позиций, с которых осуществлялся подход к прошлому и его истолкование; объяснение сути происходивших событий, явлений, процессов; роли личности в истории; воссоздание ярких образов прошлого, масштабных свершений народа, трудностей, ошибок и их причин; формирование исторического сознания, справедливости, сопереживания; роль СМИ в освещении истории; образное восприятие событий прошлого и т. п.

Продолжение табл.

1	2	3
Методика воспитательной работы	все ценности	Формирование целостного представления о сущности и закономерностях воспитательно-го процесса, его специфике, месте в структуре педагогического процесса образовательной организации
Правоведение	права и свободы человека, гражданственность, патриотизм	Формирование правосознания и правовой культуры членов общества; соотнесение норм морали, правил поведения людей, установленных и утвержденных государством, с нормами морали общества; правильное определение реальных потребностей и интересов людей, субъектов как самостоятельных творческих личностей; уважительное отношение к закону и правовые убеждения, формирование внутренней потребности человека в правовом поведении и т. п.
Русский язык и культура речи	патриотизм, гражданственность, единство народов России, приоритет духовного над материальным	Формирование бережного отношения к родному языку, понимание роли языка как хранителя общественного опыта, культурных ценностей народа, информации, средства передачи информации от одного поколения к другому, любви и преданности к Родине; понятия «языковая норма», природы языка как общенационального, общенародного достояния, роли литературного языка как государственного; содержания этических возможностей языковых средств, коммуникативных аспектов речи и т. п.
Социология	гуманизм, достоинство, справедливость, коллективизм, милосердие, справедливость, взаимопомощь и взаимоуважение	Формирование представлений об обществе в целом, отдельных социальных процессах и явлениях, социальном взаимодействии; социальной стратификации, социальных статусах и ролях, сотрудничестве; глубокое понимание и объяснение социальных явлений; коммуникаций в социальных системах: общественных норм и ценностей, общественных отношений и т. п.

Окончание табл.

1	2	3
Политология	права и свободы человека, созидательный труд, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение	Формирование представлений о совокупности системы идей, взглядов, теорий, объясняющих картину и явления мира в том или ином конкретном обществе, социальной группе (общество, государство, министерство, образовательная организация, подразделение и т. п.); способности анализировать и критически осмысливать действия и высказывания современных политиков;
	патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу	развитие чувства гордости за свою страну; воспитание гражданских чувств, гуманистических принципов, политической социализации обучающегося; повышение уровня ответственности за свои действия как гражданина, политического субъекта; становление политической культуры обучающегося и т. п.

Рассмотрим и более подробно охарактеризуем воспитательный потенциал содержания ранее не представленных дисциплин: «Основы научно-исследовательской деятельности», «Педагогика» (для студентов непедагогических направлений подготовки), «Управление проектами в рекламе и связях с общественностью», «Творческая мастерская Public Relations», «Основы российской государственности», «Управление проектами. Обучение служением», «Основы концепции устойчивого развития».

В ракурсе дисциплины «Основы научно-исследовательской деятельности» осуществляется определение закономерностей в изучаемых явлениях и процессах, объяснение их фактов и предсказание новых, понимание истинности духовного развития, роли науки в развитии государства и общества, формирование умений определять истинность научного знания через его логическую непротиворечивость, доказательность, обязательную проверку на практике. Упор в ходе воспитания осуществляется на следующие ценности: приоритет духовного над материальным, справедливость, созидательный труд, жизнь, высокие нравственные идеалы. «Прио-

ритет духовного над материальным» рассматривается как представление о том, что не продается и не покупается, и означает, что внутренние, нравственно-религиозные ценности человека получают превосходство над внешними, материальными потребностями.

Духовность не только направляет человека к гармоничному существованию, но и обогащает его посредством познания, нравственности и эстетического восприятия. Познание же идет через научное знание и науку — непрерывно развивающуюся систему знаний объективных законов природы, общества, мышления (истинную картину мира), получаемых и превращаемых в непосредственную производительную силу общества в результате специальной деятельности людей. Наука должна строиться только на объективной необходимости, а не на материальной заинтересованности, т. е. научная деятельность должна основываться на мировоззренческих убеждениях, нравственных принципах, ценностных ориентирах и духовных приоритетах. Ничто не является более чуждым и разрушительным для науки, чем корысть и материализм, подпитываемый психологией современного потребительского общества. «Справедливость» рассматривается: как «голос совести» (где совесть — чувство нравственной ответственности за своё поведение), содержащее в себе нетерпимость к неправде (справедливо, т. е. праведно, а в науке не может быть неправды); как понятие о должном; как свойство системы отношений, при котором достигается соответствие, баланс, соразмерность между деянием — вкладом в достижение определённой цели и соответствующим оценочным вознаграждением — и деянием именно созидательным и духовным. Справедливость идет не от конкретного человека, а от блага для общества в целом, и вознаграждение может быть в виде признания, в виде удовлетворения от сделанного (могут быть и материальные блага, если человек достиг высот в науке). И наоборот, если исследования в науке поддельны, это повлечет за собой наказание.

«Созидательный труд» рассматривается в унисон вышесказанному как реализация творческого начала, заложенного в каждом человеке, как труд на благо общества, как вид деятельности, направленный на создание или развитие чего-либо нового и практически полезного. Созидательный труд и наука тесно связаны, так как созидательный труд играет ключевую роль в научных исследованиях, открытиях и инновациях (примеры созидательного труда в науке: разработка новых лекарств и методов борьбы с болезнями; изучение космоса, новых планет; развитие технологий и изобретение новых материалов). То есть исследования ученых и их откры-

тия не только расширяют границы знаний, но и способствуют развитию технологий, которые улучшают качество жизни.

Ценности «жизнь» и «высокие нравственные идеалы» целесообразно рассмотреть через дискуссии на темы: «Могут ли быть нормы и ценности в науке?», «Должна ли ограничиваться свобода исследований?», «Жизнь человека: есть ли ограничения в исследованиях?», «Ученый: что важнее — нравственные или научные идеалы?» и т. п.

Педагогика как дисциплина направлена на формирование готовности к педагогической деятельности, способности к социально-профессиональному взаимодействию, развитию личности студента как члена семьи, общества и государства. Для того чтобы объяснить процесс образования и его условия, студенту необходимо осознать сущность данного процесса, его закономерности, движущие силы, особенности организации работы с детьми разного возраста; взаимовлияние роста образованности обучающихся на рост воспитанности; направленность педагогического процесса исходя из потребностей личности, общества и государства; превращение социального опыта в черты, качества, идеалы будущего гражданина, его образованность и идейность, его культуру, нравственность, привычки и характер.

Большое значение для понимания процесса образования имеют такие философские категории, как человек, культура, мировоззрение, общее и единичное, система, результат и т. п. В ходе изучения дисциплины «Педагогика» актуализируется роль высокой педагогической культуры самого специалиста: как примера для подражания; идеала, к которому надо стремиться; как человека, у которого слова не расходятся с делом; понимание им личностных ценностей своих обучающихся, четкое обоснование необходимости осуществления деятельности через выявление причинно-следственных связей, определение последствий, через демонстрацию отношений с другими субъектами образовательного процесса, т. е. осуществляется соотнесение с ценностью «высокий нравственный идеал». Также студенты подробно рассматривают все традиционные российские духовно-нравственные ценности, которые обуславливают эффективную адаптацию к обучению, труду, обществу и жизни в целом, анализируют их влияние на жизнедеятельность человека в коллективе, определяют роль коллектива в воспитании ребенка и жизнедеятельности человека и т. п., таким образом параллельно осозная их и воспитывая себя.

Гуманитарные предметы, такие как «Управление проектами в рекламе и связях с общественностью» и «Творческая мастерская Public Relations», практически не несут в себе ценности, закреплен-

ные в Указе¹. В предметах присутствует необходимость упоминания некоторых черт, присущих российскому обществу, в целях их учета в построении PR-кампании или работы с населением. И с точки зрения знакомства с российскими ценностями имеет место констатация их упоминания. Однако без обоснованного пояснения причин и значимости перечисляемых российских черт они становятся статистическими переменными для выведения соразмерных форм и методов ведения диалога с обществом от лица, выступающего субъектом такого взаимодействия, в то время как само общество в целом в предметной области указанных дисциплин выступает как объект. Закрепленные же указом традиционные ценности априори наделяют каждого гражданина субъектностью, без наличия которой невозможно гармоничное развитие личности и его самоидентификация в социокультурном и политическом понимании России как государства-цивилизации. Поэтому в данных дисциплинах особенно важно ставить акцент на таких ценностях, как «патриотизм», «гражданственность», «служение Отечеству и ответственность за его судьбу», «гуманизм».

Внедрение данных ценностей в сугубо прикладные, коммерчески ориентированные дисциплины — задача сложная. Ключ в том, чтобы перевести эти высокие понятия с абстрактного уровня на уровень профессиональной компетенции и личной мотивации. Здесь нельзя читать лекции о патриотизме. Нужно интегрировать эти ценности в саму ткань образовательного процесса: в кейсы, брифы, проекты и критерии оценки.

Так, в данных дисциплинах необходимо сделать акцент ответственности, в первую очередь сместив ударение с коммерческого результата к социально значимому эффекту. В частности, можно отразить это в фонде оценочных средств. При защите проектов пятьдесят процентов оценки выставляется за эффективность и креативность, а другие пятьдесят — за проявленную социальную ответственность, этичность, оценку долгосрочных последствий проекта для общества и страны. Во многом это перекликается с профессиональными этическими кодексами.

Но именно эти целевые и ценностные установки формируются через предмет «Основы российской государственности». Его предметная область интерпретирует историю и реальность через субъективное принятие России как государства-цивилизации, принятие субъектности российского общества и каждого его граждани-

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей : указ Президента Российской Федерации от 09.11.2022 № 809. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/48502> (дата обращения: 15.06.2025).

на, формируя такие ценности, как «патриотизм», «гражданственность», «историческая память и преемственность поколений», «служение Отечеству и ответственность за его судьбу», «справедливость».

Дисциплина ставит перед собой задачу отстраниться от западнoцентричной коннотации знания как такового и представления о незападных цивилизациях в частности. Это не противоречит истинности фактов и процессов, существовавших когда-то или существующих сейчас, а следовательно, роль науки как средства поиска истины не нивелируется. Наоборот, данный подход позволяет расширить горизонты и глубину значительного объема дефиниций в гуманитарных науках, признавая наличие множественности, а не единичности существующих основ и принципов мировосприятия. Признание множественности верных точек зрения, а следовательно, и равенства взглядов западного и незападного мира обеспечивает не обзорный, а осмысленный формат изучения и принятия традиционных российских ценностей, противоречащих официальным западным.

Принципы обучения и воспитания в данном предмете имеют большую связность и интерпретируются через термин «пайдейя» — синтез воспитания и образования. Причем, с точки зрения Вернера Йегера, пайдейя есть не что иное, как последовательно все более одухотворяемая аристократическая форма жизни народа [13, с. 27]. То есть даже сам принцип обучения может быть использован через придание уникальности личностям, следующим курсу принятия российских традиционных ценностей, а значит, принявшим служение Отечеству как достойную норму жизни.

Именно поэтому немаловажным фактором воспитания, даже через такой специализированный предмет, имеет роль лектора. Его ремарки, мимика, примеры — все это может обесценить материал предметной области. Возможно, поэтому данный предмет ориентирован на диалектическую форму работы с аудиторией, через факты развивая аналитические способности и воображение. Предмет учит искать связь прошлого с настоящим и синтезировать образы будущего.

Также в ходе дисциплины логично рассмотреть теоретические основы ценности коллективизма, обосновывающие не просто «дружную жизнь», а фундаментальный принцип, который на протяжении веков позволял России выживать, развиваться и достигать великих целей в условиях сложнейших географических, климатических и исторических вызовов. Но исторический этап значительную часть таких сложностей оставил позади, поэтому необходимо показать примеры из современности.

Также в качестве средств формирования ценности «взаимопомощь и взаимоуважение» можно использовать атмосферу взаимопомощи в группе и систему самоуправления, где обучающиеся могут влиять на жизнь в учебном заведении. «Патриотизм» и «гражданственность» можно воспитать через осмысление ценности родины, через эмоционально-рациональную связь, которая может быть сформирована через глубокое историческое осмысление (а не хронологию, как зачастую акцентируют), цивилизационный подход в изучении истории страны.

Немаловажную роль в воспитании традиционных ценностей имеет предмет «Управление проектами. Обучение служением». Предмет дополняет предыдущие, приобщая к созиданию как жизненному принципу. В качестве форм активного участия со стороны обучающегося выступают поиск и решение социальной проблемы. Предмет ограничивает в некоторой мере благостные поступки обучающихся методологией проектной деятельности, сведя чаще всего «доброе дело» в рамках предмета к одной единице. Однако сам подход к созидательному труду (и соответственно, к ценности «созидательный труд») — уже воспитательная ценность, формирующая принципы служения Отечеству и ответственности за его судьбу, высокие нравственные идеалы, приоритет духовного над материальным, милосердие, взаимопомощь и взаимоуважение. В данной дисциплине акцент ставится на таких ценностях, как «патриотизм», «служение Отечеству и ответственность за его судьбу», «гражданственность», «милосердие» и «приоритет духовного над материальным» через теоретическое обоснование проектов, разбор аспектов (благополучатели, выделение социальной проблемы, значимость и актуальность для общества и др.) а также практико-ориентированный блок («Что я могу сделать для России?»). Воспитание происходит за счет трансформации теории в личный опыт и мотивацию к действию. Важным элементом здесь выступает удовлетворенность итогом — позитивными чувствами (удовлетворением, радостью, умилением, гордостью и т. д.).

Есть и иные дисциплины, непосредственно не ставящие задачи развития традиционных ценностей, но косвенно формируя их за счет анализа действий государственной власти во внутренней политике. К таким предметам можно, например, отнести «Основы концепции устойчивого развития», в рамках которой рассматриваются ценности: «права и свободы человека», «справедливость», «гражданственность». Освоение ценностей проходит через государственные документы, и в частности анализ задач пространственного развития, что особо актуально для большой тер-

ритории с низкой плотностью и неунифицированным федеративным устройством. Так, например, государственные документы свидетельствуют о стремлении власти к выравниванию уровня жизни на каждой из имеющихся территориальных единиц государства. Понимание данной политики должно способствовать формированию также ценностей «единство народов России», «взаимопомощь и взаимоуважение».

Заключение. Любая деятельность без научного осмысления остается ремесленничеством, поэтому будущим специалистам необходимо понимание не только знаний и умений в области будущей специальности, но и идей, проникающих в существо предлагаемых к реализации научных замыслов, изменение ценностных отношений к сознанию как носителю нравственных ценностей, являющихся источником и механизмом саморазвития. Именно в процессе данной работы формируется новый тип личности, новый взгляд на общество и его будущих граждан, происходит самоанализ и определяется степень достигнутого и сформированного у себя самого.

«Предметы гуманитарного цикла обладают огромным воспитательным потенциалом. На занятиях... будущий специалист овладевает ценностями культуры. Эти дисциплины формируют мировоззрение человека, закладывают базу для последующего развития гуманитарной культуры специалиста» [14, с. 118], воспитывают самостоятельность суждений, способность анализировать и критически осмысливать информацию, получаемую извне, повышают уровень ответственности за свои действия, высказывания, развивают чувство ответственности за окружающий мир и людей вокруг, чувства сопричастности к происходящим событиям в регионе, стране и мире, гордости за достижения страны, что обеспечивает гармоничное вхождение в социальный мир, в профессиональное сообщество, позитивную динамику личностно-профессионального развития обучающихся, соответствует требованиям к формированию традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Преподаватель должен не столько выбирать содержание образования своей дисциплины, сколько размышлять над тем, насколько данное содержание необходимо и как оно связано с современными требованиями к образованию, проблемами воспитания нового гражданина, как через него формируется мировоззрение, осуществляется присвоение ценностно-ориентированных, социально, профессионально и личностно значимых знаний, социально значимых и ценностно-ориентированных отношений к миру, людям, к себе, к учебной и профессиональной деятельности.

Таким образом, использование воспитательного потенциала учебных дисциплин является основополагающим системным фактором реализации государственной молодежной политики и воспитания, важнейшим условием соединения теоретических знаний обучающихся с их личными, в том числе практическими потребностями, их ценностными ориентациями, личностным развитием как субъектов осваиваемой профессиональной деятельности посредством осознанного, целенаправленного присвоения социокультурного опыта, формирования профессиональной идентичности и ценностного отношения к профессии.

Список источников

1. Милль Дж. С. Речь об университетском воспитании // Новейшее образование, его истинные цели и требования : сб. ст. в защиту науч. воспитания проф-в Тиндала, Даубени, Генфри и др. пер. с англ. и предисл. М. А. Антоновича. СПб.: Изд. Рус. кн. торговли, 1867. С. 5–71.
2. Константинова А. В. Университеты в системе высшего образования: стратегии и перспективы развития в современной России : дис. ... канд. социол. наук. М., 2017. 253 с.
3. Психолого-педагогический словарь / сост. Е. С. Рапацевич. Минск: Современ. слово, 2006. 928 с.
4. Новиков А. М. Культура как основание содержания образования // Педагогика. 2011. № 6. С. 3–14.
5. Ребрилова Е. С., Курочкина Ю. Г. «Картина мира профессионала» и представления о психологическом контракте у студентов // Вестник ТвГУ. Серия: Педагогика и психология. 2019. Вып. 3(48). С. 64–71.
6. Дьяченко Н. Н. Профессиональное воспитание учащейся молодежи. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Высшая школа, 1988. 144 с.
7. Репринцев А. В. Профессиональная воспитанность учителя: сущность, структура, типология // Проблемы профессионального воспитания будущего учителя: Теория и опыт : межвуз. сб. науч. тр. Курск: КГПУ, 2000. С. 36–52.
8. Никитина О. Э. Особенности профессионального воспитания в системе высшего педагогического образования // Studia Humanitatis. 2017. № 3. URL: <https://st-hum.ru/tags/formy-professionalnogo-vozpitaniya> (дата обращения: 02.07.2025).
9. Абрамян Н. Ю. Нравственное воспитание студентов вуза на основе реализации ценностно-смыслового потенциала традиций : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Волгоград, 2009. 25 с.
10. Саликов Д. Х. Развитие патриотических ценностей у студентов вуза в процессе профессиональной подготовки : автореф. дис. ... канд. пед. наук. Челябинск, 2011. 23 с.

11. Авдеева Т. И. Формирование духовно-эстетических ценностей у студентов технического вуза в процессе освоения культурологических дисциплин: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2009. 26 с.

12. Педагогика : учеб. пособие для университетов и педагогических институтов / И. Ф. Харламов. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Высшая школа, 1990. 576 с.

13. Пайдейя. Воспитание античного грека : в 3 т. / В. Йегер.; пер. с нем. А. И. Любжина. М.: «Греко-латинский кабинет» Ю. А. Шичалина, 2001. Т. 1. 593 с.

14. Свиридова Н. В. Воспитание веротерпимости у курсантов учебных заведений МЧС России // Гуманитарная образовательная среда технического вуза : материалы междунар. науч.-метод. конф., Санкт-Петербург, 11–13 мая 2016 года. СПб.: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2016. С. 117–118.

References

1. Mill' Dzh. S. Speech about university education. *Novejshee obrazovanie, ego istinnye celi i trebovaniya : sb. st. v zashchitu nauch. vospitaniya prof-v Tindalya, Daubeni, Genfri i dr.* [The latest education, its true goals and requirements : collection of articles in defense of scientific education by prof. Tyndall, Daubeni, Henfrey and others]. Translated from English and prefaced by M. A. Antonovich. SPb. : Izd. Rus. kn. torgovli, 1867. Pp. 5–71. (In Russ.)

2. Konstantinova A. V. *Universitety v sisteme vysshego obrazovaniya : strategii i perspektivy razvitiya v sovremennoj Rossii : dissertatsiya ... kandidata sociologicheskikh nauk* [Universities in the Higher Education System: Strategies and Development Prospects in Modern Russia : diss. ... Cand. Sociological Sciences]. Moscow, 2017. 253 p. (In Russ.)

3. *Psihologo-pedagogicheskij slovar'* [Psychological and pedagogical dictionary]. Comp. E. S. Rapacevich. Minsk: Sovremen. slovo, 2006. 928 p. (In Russ.)

4. Novikov A. M. Culture as the basis for the content of education. *Pedagogika* [Pedagogy], 2011, no 6, pp. 3–14 (In Russ.).

5. Rebrilova E.S., Kurochkina Yu. G. "The Professional's Worldview" and Students' Perceptions of the Psychological Contract. *Vestnik TvGU. Seriya "Pedagogika i psihologiya"* [Vestnik TvSU. Series "Pedagogy and Psychology"], 2019, 3(48), pp. 64–71. (In Russ.)

6. D'yachenko N. N. *Professional'noe vospitanie uchashchejsya molodezhi* [Professional education of student youth]. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Vysshaya shkola, 1988. 144 p. (In Russ.)

7. Reprincev A. V. Professional education of a teacher: essence, structure, typology. *Problemy professional'nogo vospitaniya budushchego uchitel'ya: Teoriya i opyt : mezhvuzovskij sbornik nauchnyh trudov* [Problems of professional education of future teachers: Theory and experience : inter-university collection of scientific papers]. Kursk: KGPU, 2000. Pp. 36–52. (In Russ.)

8. Nikitina O. E. Features of professional education in the system of higher pedagogical education. *Studia Humanitatis*, 2017, no 3. Available at: <https://sthum.ru/tags/formy-professionalnogo-vospitaniya> (accessed: 02.07.2025).

9. Abramyan N. Yu. *Nravstvennoe vospitanie studentov vuza na osnove realizacii cennostno-smyslovogo potenciala tradicij : avtoreferat dis. ... kandidata pedagogicheskikh nauk* [Moral education of university students based on the implementation of the value-semantic potential of traditions : author's abstract. diss. ... candidate of pedagogical sciences]. Volgograd, 2009. 25 p. (In Russ.)

10. Salikov D. H. *Razvitie patrioticheskikh cennostej u studentov vuza v processe professional'noj podgotovki : avtoreferat dis. ... kand. ped. nauk* [Development of Patriotic Values in University Students during Professional Training : abstract of a PhD Dissertation ... cand. of ped. sciences]. Chelyabinsk, 2011. 23 p. (In Russ.)

11. Avdeeva T. I. *Formirovanie duhovno-esteticheskikh cennostej u studentov tekhnicheskogo vuza v processe osvoeniya kul'turologicheskikh disciplin : avtoreferat dis. ... kandidata pedagogicheskikh nauk* [Formation of spiritual and aesthetic values in students of a technical university in the process of mastering cultural disciplines : author's abstract. diss. ... cand. of ped. sciences]. Moscow, 2009. 26 p. (In Russ.)

12. *Pedagogika : uchebnoe posobie dlya universitetov i pedagogicheskikh institutov* [Pedagogy : a textbook for universities and pedagogical institutes]. I. F. Harlamov. 2nd ed., revised and expanded. Moscow: Vysshaya shkola, 1990. 576 p. (In Russ.)

13. *Pajdejya. Vospitanie antichnogo greka : v 3 t.* [The Education of an Ancient Greek: in 3 vol.] / V. Jeger; translated from German by A. I. Lyubzhin. Moscow: "Greko-latinskij kabinet" Yu. A. Shichalina, 2001. Vol. 1. 593 p. (In Russ.)

14. Sviridova N. V. Fostering Religious Tolerance in Cadets of Educational Institutions of the Russian Ministry of Emergency Situations. *Gumanitarnaya obrazovatel'naya sreda tekhnicheskogo vuza : materialy mezhdunarodnoj nauchno-metodicheskoy konferencii, Sankt-Peterburg, 11–13 maya 2016 goda.* [Humanitarian Educational Environment of a Technical University : materials of the international scientific method. Conference, St. Petersburg, May 11–13, 2016]: St. Peterburg: Sankt-Peterburgskij politekhnicheskij universitet Petra Velikogo, 2016. Pp. 117–118. (In Russ.)

Сведения об авторах

Сажина Светлана Дмитриевна, кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики и психологии образования СГУ им. Питирима Сорокина (Россия, 167001, Сыктывкар, ул. Коммунистическая, 25)

Попов Дмитрий Александрович, проректор по воспитательной работе СГУ им. Питирима Сорокина (Россия, 167001, Сыктывкар, Октябрьский пр-т, 55)

Information about authors

Svetlana D. Sazhina, PhD in Pedagogical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Pedagogy and Psychology of Education, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (25, Kommunisticheskaya St., Syktyvkar, 167001, Russia)

Dmitry A. Popov, Vice-Rector for Educational Work, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University (55, Oktyabrsky Prosp., Syktyvkar, 167001, Russia)

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 15.07.2025

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 07.08.2025

Принята к публикации / Accepted for publication 11.09.2025